

Koinon

Vol. 3 | No. 2 | 2022

Henri Émile Benoît Matisse La Danse

Koinon

Vol. 3 | No. 2 | 2022

В оформлении обложки использовано изображение панно А. Матисса «Танец»

Матисс, Анри. 1910. Холст; масло. 391×260 см. Инв. № ГЭ-9673

© Succession H. Matisse

© Фото: Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. В. С. Тербенин

KOINON

Журнал основан в 2020 г.
Выходит 4 раза в год

Established in 2020
Frequency of publication: quarterly

Учредитель — Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
620002, Свердловская обл.,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Publisher: Ural Federal University
named after the first Russian President
B. N. Yeltsin (URFU)
19 Mira St., Yekaterinburg,
Sverdlovsk reg., Russia, 620002

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020

Certificate of Registration
PI No FS77-78124 of 13.03.2020

«Koinon» — рецензируемый научный журнал, обращенный к философским и социально-гуманитарным аспектам феномена человеческой совместности, и свою основную задачу издание видит в объединении усилий российских и иностранных философов, социологов и политологов в области анализа совместной жизни людей. В журнале публикуются соответствующие тематике издания материалы (научные статьи, переводы статей, аналитические обзоры, рецензии) на русском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках. Приоритетными для журнала являются статьи, содержащие итоги научных исследований. Подробная информация об издании и требования к оформлению присылаемых рукописей размещены на сайте журнала: <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Koinon is a peer-reviewed scientific journal that addresses philosophical and socio-humanitarian aspects of the phenomenon of human jointness. Its key objective is to promote the synergy of efforts of Russian and foreign philosophers, sociologists and political analysts in the field of analyzing people's life together. The journal publishes materials (scientific articles, translations of articles, analytical surveys, and reviews) within the scope of the publication. The journal prioritizes papers containing the results of scientific research. The detailed information about the publication and requirements for the design of submitted manuscripts can be found on the journal's website <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Адрес редакции: Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 319
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2022

Editorial office address: 51 Lenin Ave.,
room 319, Yekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Ural Federal University, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор, научный редактор по социологии — **А. В. Меренков**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Заместитель главного редактора, научный редактор по философии — **Л. А. Закс**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, Гуманитарный университет)

Научный редактор по политологии — **В. И. Михайленко**, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный редактор — **Н. В. Суслов**, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Секретарь редколлегии — **Т. М. Аболина**, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Члены редколлегии

Н. Л. Антонова, д-р социол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. В. Грунт, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Я. В. Дидковская, д-р социол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. А. Керимов, д-р полит. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Х. Керимов, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. Г. Кислов, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. А. Комлева, д-р полит. наук, проф. (Россия, Москва, Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем)

Ю. Г. Коргунок, д-р полит. наук, проф. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам)

Т. А. Круглова, д-р филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. С. Ладъжец, д-р филос. наук, проф. (Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

П. Нелье, д-р политологии, проф. (Италия, Триест, Триестский университет)

Э. А. Паин, д-р полит. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

А. В. Перцев, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

В. Н. Руденко, академик Российской академии наук, д-р юрид. наук, канд. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)

Л. Г. Титаренко, д-р социол. наук, проф. (Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет),

М. Шувакович, д-р философии, проф. (Сербия, Белград, Белградский университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. Г. Асмолов, академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Борисов, д-р филос. наук, проф. (Россия, Новосибирск, Институт философии и права СО РАН)

Д. В. Зайцев, д-р филос. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Р. Кампа, д-р социологии, проф. (Польша, Краков, Ягеллонский университет)

М. Липовецкий, д-р филологии, проф. (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет)

И. Б. Микиргумов, д-р филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Е. Э. Носенко-Штейн, д-р ист. наук, проф. (Россия, Москва, Институт востоковедения РАН)

О. В. Попова, д-р полит. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

А. М. Руткевич, д-р филос. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Г. Саймонс, д-р политологии, проф. (Швеция, Уппсала, Уппсальский университет)

С. Ушакин, д-р философии, проф. (США, Принстон, Принстонский университет)

С. А. Шаронова, д-р социол. наук, доц. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

М. Ямпольский, д-р искусствоведения, проф. (США, Нью-Йорк, Нью-Йоркский университет)

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief, science editor in sociology —
A. V. Merenkov, D. Sci. (Philosophy), Professor
(Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief, science editor
in philosophy — **L. A. Zaks**, D. Sci. (Philosophy),
Professor (Ural Federal University, University for
Humanities, Yekaterinburg, Russia)

Science editor in political science — **V. I. Mikhailenko**,
D. Sci. (History), Professor (Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia)

Executive editor — **N. V. Suslov**, Cand. Sci. (Philosophy),
Associate Professor (Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia)

Secretary of the editorial board — **T. M. Abolina**, Cand.
Sci. (Philology), Associate Professor (Ural Federal
University, Yekaterinburg, Russia)

The editorial board members

N. L. Antonova, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural
Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Ya. V. Didkovskaya, D. Sci. (Sociology), Professor
(Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

E. V. Grunt, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural
Federal University, Yekaterinburg, Russia)

A. A. Kerimov, D. Sci. (Political Sciences), Associate
Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg,
Russia)

T. Kh. Kerimov, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural
Federal University, Yekaterinburg, Russia)

A. G. Kislov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate
Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg,
Russia)

N. A. Komleva, D. Sci. (Political Sciences), Professor
(Geopolitical Analysis Centre of the Academy
of Geopolitical Sciences, Moscow, Russia)

Yu. G. Korgunyuk, D. Sci. (Political Sciences),
Professor (Institute of Social Sciences Information,
Moscow, Russia)

T. A. Kruglova, D. Sci. (Philosophy), Associate
Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg,
Russia)

N. S. Ladyzhets, D. Sci. (Philosophy), Professor
(the Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

E. V. Lisanyuk, D. Sci. (Philosophy), Professor
(St.-Petersburg State University, St.-Petersburg,
Russia)

P. Neglie, D. Sci. (Political Sciences), Professor
(the University of Trieste, Italy)

E. A. Pain, D. Sci. (Political Sciences), Professor
(National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia)

A. V. Pertsev, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural
Federal University, Yekaterinburg, Russia)

V. N. Rudenko, Academician of the Russian Academy
of Sciences, D. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy)
(Institute of Philosophy and Law of the Ural branch
of the RAS, Yekaterinburg, Russia)

M. Šuvaković, D. Sci. (Philosophy), Professor
(the University of Belgrade, Serbia)

L. G. Titarenko, D. Sci. (Sociology), Professor
(Belarusian State University, Minsk, Belarus)

THE EDITORIAL COUNCIL

A. G. Asmolov, Academician of the Russian Academy
of Education, D. Sci. (Psychology), Professor (Mos-
cow State University, Moscow, Russia)

E. V. Borisov, D. Sci. (Philosophy), Professor (Insti-
tute of Philosophy and Law of the Siberian branch
of the RAS, Novosibirsk, Russia)

R. Kampa, D. Sci. (Sociology), Professor (The Jagiel-
lonian University, Krakow, Poland)

M. Lipovetsky, D. Sci. (Philosophy), Professor (the Uni-
versity of Columbia, New York, the USA)

I. B. Mikirtumov, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-
Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)

E. E. Nosenko-Stein, D. Sci. (History), Professor
(Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow,
Russia)

O. V. Popova, D. Sci. (Political Sciences), Professor (St.-
Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)

A. M. Rutkevich, D. Sci. (Philosophy), Professor (Nati-
onal Research University Higher School of Eco-
nomics, Moscow, Russia)

S. A. Sharonova, D. Sci. (Sociology), Associate Pro-
fessor (Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia)

G. Simons, D. Sci. (Political Sciences), Professor
(the University of Uppsala, Sweden)

S. Ushakin, D. Sci. (Philosophy), Professor (Princeton
University, the USA)

M. Yampolsky, D. Sci. (History of Art), Professor
(the University of New York, the USA)

D. V. Zaitsev, D. Sci. (Philosophy), Professor (Moscow
State University, Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Осмысляя постсоветскую Россию

<i>От редакции</i>	7
<i>Ершов Ю. Г.</i> Идеологический миф в обществе сорванной вестернизации.....	9
<i>Vitale A.</i> La Russia e Gli Anni Novanta. Una Primavera Dimenticata	26

Однополые браки: contra + pro = проблема

<i>От редакции</i>	38
<i>Краснов М. А.</i> Аксиомы, разрушающие право.....	39
<i>Семитко А. П.</i> Предвзвещения, разрушающие право	56
<i>Закс Л. А.</i> Проблема однополых браков — один из многих вызовов развивающегося общества современной культуре (культурологическое послесловие).....	69

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

<i>Софреф П. Г.</i> Испытание фотографии.....	86
<i>Меренков А. В., Хорова П. А.</i> Мотивация волонтерской деятельности молодежи.....	106

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

И снова об авангарде первых десятилетий XX века

<i>Lodder Ch.</i> Constructivism: Pragmatic Utopianism.....	119
<i>Улемнова О. Л.</i> Казанский авангард 1910–1930-х годов: региональные и национальные особенности.....	147

Искусство в контексте новейших тенденций культуры

<i>Чистякова М. Г.</i> Постантрополоцентричный поворот в современном искусстве	173
<i>Богомяков В. Г.</i> Сайнс-арт сквозь призму boundary-work	191

В ФОКУСАХ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

<i>Хайруллина Н. Г.</i> Сельское сообщество о социально-экономической ситуации в современных условиях.....	204
<i>Беляева Е. А.</i> Адаптация китайских студентов в поликультурной среде российской высшей школы в период дистанционного обучения.....	215

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЛАНЕТЫ: ЛЮДИ, СТРАНЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Еремичева Г. В., Меньшикова Г. А.</i> Курс на цели устойчивого развития ООН как новая технология глобального политического управления	228
--	-----

TABLE OF CONTENTS

CHALLENGES OF THE PRESENT IN THE OPTICS OF PHILOSOPHY, SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

Reflecting on Post-Soviet Russia

<i>From the editors</i>	7
<i>Ershov Yu. G.</i> The Ideological Myth in a Society of Thwarted Westernization	9
<i>Vitale A.</i> La Russiae Gli Anni Novanta. Una Primavera Dimenticata	26

Same-sex Marriages: Contra + Pro = Problems

<i>From the editors</i>	38
<i>Krasnov M. A.</i> Axioms that Destroy the Law	39
<i>Semitko A. P.</i> Prejudices that Destroy the Law	56
<i>Zaks L. A.</i> The Problem of Same-Gender Marriages as One of the Many Challenges of a Developing Society to Modern Culture (A Culturological Epilogue).....	69

SOCIOCULTURAL PRACTICES, INSTITUTIONS, DISCOURSES, AND MENTALITIES: DYNAMICS AND EVOLUTION

<i>Soyref P. G.</i> The Test of Photography	86
<i>Merenkov A. V., Khorova P. A.</i> Motivating Youth Volunteering.....	106

IDEAS OF TIME AND FORMS OF TIME

And Again on the Avant-garde of the First Decades of the 20-th Century

<i>Lodder Ch.</i> Constructivism: Pragmatic Utopianism	119
<i>Ulemnova O. L.</i> The Kazan Avant-garde of 1910–1930s: Regional and National Specific Features	147

Art in the Context of Emerging Trends in Culture

<i>Chistyakova M. G.</i> The Post Anthropocentric Turn in Contemporary Art.....	173
<i>Bogomyakov V. G.</i> Science Art through the Prism of Boundary-work	191

IN THE FOCUS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY

<i>Khairullina N. G.</i> The Rural Community on the Socio-economic Situation in Modern Conditions ...	204
<i>Belyaeva E. A.</i> Adaptation of Chinese Students in the Multicultural Environment of Russian Higher Education in the Period of Distance Learning	219

THE POLITICAL LIFE OF THE PLANET: PEOPLE, COUNTRIES, INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Eremicheva G. V., Menshikova G. A.</i> The UN Sustainable Development Goals Course as a New Technology for Global Political Governance	228
--	-----

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Осмысляя постсоветскую Россию

ОТ РЕДАКЦИИ

Без малого сто лет спустя создания Советского Союза (этой дате будет посвящен четвертый номер «Койнона») и более тридцати лет после падения советской власти, советского социализма и распада СССР в России и в мире продолжают и даже множатся исследования и дискуссии, осмысляющие эти важнейшие для нашей страны исторические события и процессы с ними связанные.

В настоящем номере «Койнона» в продолжение дискуссии, начатой публикацией В. И. Михайленко «Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России»¹, публикуются статьи российского философа Ю. Г. Ершова и итальянского исследователя А. Витале.

Юрий Геннадьевич Ершов встретил августовский путч 1991 года в качестве старшего научного сотрудника Института философии и права Уральского отделения Академии наук, завершая главу «Гражданское общество и правовое государство» в одном из первых учебников по политологии. Как он сам отмечает, «при всей наивности и теоретической незрелости тогдашних представлений о политических процессах, присутствовала надежда на разумность и продуктивность реформаторских преобразований». В своей статье Ю. Г. Ершов предлагает собственную версию срыва модернизации в постсоветской России, ставя в центр своего анализа идеологические процессы в общественном сознании, специфику и роль политической идеологии и мифологии.

Алессандро Витале не понаслышке знает о политических процессах в России 1990-х гг. Профессор Миланского университета принимал участие в совместных с российскими учеными научно-образовательных проектах, много путешествовал по российским регионам. Круг его научных интересов

¹ Михайленко В. И. Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 116–139. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043

является разнообразным: от сравнительной лингвистики до исследований геополитики православия, политических процессов в России и даже истории Еврейской автономной области. Все это позволяет профессору Витале соединить в своей статье опыт и методологию исследователя с личным опытом очевидца исторических событий в постсоветской России.

А. Витале строит свою статью на сопоставлении 1990-х, оцениваемых им как «весна России», и 2000-х годов и анализирует в свете собственных представлений и опыта очевидца нынешнее восприятие этих периодов в России западными и российскими интерпретаторами, роль традиционных и во многом мифологических стереотипов восприятия судеб нашей страны, их актуализацию под воздействием политических процессов российских 2000-х.

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.013

УДК 321(470)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ В ОБЩЕСТВЕ СОРВАННОЙ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Ю. Г. Ершовнезависимый исследователь
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Статья написана в связи с дискуссиями о содержании идеологических процессов в постсоветской России. Автор солидарен с позицией, согласно которой ход модернизация общества зависит от характера поставленных целей. Следовательно, содержание политической идеологии прямо влияет на проектирование будущего и управление обществом. Россия в очередной раз сорвала модернизацию, так как она в очередной раз проводилась как вестернизация — прямое некритическое заимствование ценностей и институтов западной цивилизации. Гибридное состояние социума выразилось в восстановлении черт традиционного общества в конституционной оболочке современного правового государства. Поражение СССР в «холодной войне» создало «веймарскую» Россию, отторгнувшую ценности либеральной демократии. Жажда геополитического реванша привела к архаизации массового сознания, появлению идеологических мифов, культивирующих «невроз своеобразия», психологию «избранной общей травмы» и «избранной общей славы». В тексте подчеркивается гибкость и пластичность гибридной политической мифологии, позволяющая манипулировать массовым сознанием. Выделяются характерные черты идеологических мифов и их социокультурные последствия для государства и общества. В них происходит реставрация идеи исключительности государства (нации, народа), в пределе доводимая до богоизбранности. Культивирование собственного превосходства происходит через сложные культурно-психологические механизмы, через систему прямых, косвенных и обратных средств и приемов, приобретающих агрессивную форму. Энергетика этой идеи создается и подпитывается убеждением в деградации творческих сил наций (государств, цивилизаций) — соперников.

Ключевые слова: идеология, миф, государство, власть, цивилизация, история, модернизация.

Для цитирования: Ершов Ю. Г. Идеологический миф в обществе сорванной вестернизации // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 9–25. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.013

THE IDEOLOGICAL MYTH IN A SOCIETY OF THWARTED WESTERNIZATION

Yu. G. Ershov

Independent Researcher
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article is written in connection with discussions about the content of ideological processes in post-Soviet Russia. The author agrees with the position that the course of modernization of society depends on the nature of the goals set. Consequently, the content of political ideology directly affects the design of the future and the management of society. Russia once again disrupted modernization, because it was once again carried out as Westernization — a direct uncritical borrowing of the values and institutions of Western civilization. The hybrid state of society manifested itself in the restoration of the features of traditional society in the constitutional shell of the modern legal state. The defeat of the USSR in the Cold War created a Weimar Russia that rejected the values of liberal democracy. The thirst for geopolitical revenge has led to the archaization of mass consciousness, the emergence of ideological myths cultivating the „neurosis of originality“, the psychology of „chosen common trauma“ and „chosen common glory“. The text emphasizes the flexibility and plasticity of hybrid political mythology, which allows manipulating mass consciousness. The paper highlights characteristic features of ideological myths and their socio-cultural consequences for the state and society. In them, the restoration of the idea of the exclusivity of the state (nation, people) is taking place, and, in its limits, it reaches the point of being chosen by God. The cultivation of one’s own superiority occurs through complex cultural and psychological mechanisms, through a system of direct, indirect and reverse means and techniques that acquire an aggressive form. The energy of this idea is created and fueled by the belief in the degradation of the creative forces of rival nations (states, civilizations).

Keywords: ideology, myth, state, power, civilization, history, modernization.

For citation: Ershov, Yu. G. (2022), “The Ideological Myth in a Society of Thwarted Westernization”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 9–25 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.013

Периодическое возвращение к прошлым постановкам и решениям проблем — одна из закономерностей развития науки. Сама жизнь актуализирует процессы и тенденции, которые прежде были неявными и эмбриональными. Так, в начале 1990-х в историческом сообществе обсуждались вопросы «о состоянии массового сознания россиян под влиянием постсоветского синдрома, о восприимчивости российского общества к радикальным и экстремистским идеологиям, о свободе, о национальной идее и национальном интересе,

о последствиях превращения геополитики в инструмент государственного проектирования и управления» [Михайленко 2021, с. 117]. Сегодня практически те же самые темы приобрели еще большее значение, если не сказать — судьбоносное. Постараемся прямо или косвенно предоставить собственное видение проблем, обсуждаемых тридцать лет назад и сейчас.

Часть 1. Крах очередной вестернизации России «сверху»

Возрастание сложности и скорости процессов всемирной истории значительно повышает цену отставания общества (государства) от стандартов, норм и ценностей мировой цивилизации. Вызовы истории создают серьезные риски потери темпа инноваций, тем самым отката на задворки истории, превращения в страну-изгоя и т. п. Приобщение к современности предполагает выбор адекватных целей, траекторий развития, рационализации форм социального контроля и управления, приведения их в соответствие с задачами социального прогресса. Как подчеркивает А. Г. Глинчикова, «суть любого общества, в том числе и индустриального, определяется характерными и адекватными его скоростям формами социальной интеграции, контроля и управления. И исчерпывает оно себя на том этапе, когда эти формы начинают все более отставать от темпов развития общественных процессов и тем самым утрачивают способность контролировать и поддерживать жизнедеятельность общественной системы» [Глинчикова 2001, с. 45].

Систематически опаздывающая рефлексия — характерная черта российской власти любой классовой природы в любой период ее господства. Она (власть) предпочитает простую, если не примитивную, логику решений: создавая повсеместно управленческие вертикали, подавляя инициативу и инакомыслие. Государственная власть сознательно ставит заслон развитию когнитивно сложного мышления и коллективного разума как необходимых компонентов современного общества риска, социального и интеллектуального многообразия. Отсюда попытки рационализации социального контроля через архаичные мифы о золотом веке СССР и гении Сталина, ностальгия о прошлом имперском величии. Ортодоксальность подобной политики в динамичном современном мире в конце концов обнаруживает свою несостоятельность, но цена последствий неверных решений, потери темпа и непродуктивно используемых ресурсов оказывается значительной, порой катастрофичной.

Постсоветское общество России оказалось наиболее уязвимым в важнейшем пункте преобразований — способности как точно определять приоритетные задачи общественного развития, так и умения их решать, переходя последовательно от одного этапа к следующему.

Политический класс так и не справился с задачей институционализации нового социально-экономического и политического порядка. Попытка провести

непродуманные преобразования радикально быстро окончилась провалом. Она лишь подтвердила историческую закономерность — обрыв социокультурной преемственности навязыванием «сверху» норм, ценностей и институтов, возникших на иной цивилизационной (западной) основе, с неизбежностью восстанавливает негативные черты прошлого, противоречащие декларируемым целям и ценностям.

С внешней, формально-юридической стороны институциональная система России достаточно современна. В Конституции закреплены все надлежащие принципы и нормы правового государства, она базируется на такой ценности либеральной демократии, как основные права и свободы человека и гражданина. Фактически жизнь в России подчиняется традиционным неформальным корпоративно-бюрократическим правилам. Поправки, внесенные в Конституцию в 2020 году, по способу принятия и содержанию свидетельствуют о неспособности (и нежелании) государства и в целом политической системы управлять и властвовать в соответствии с принципами и нормами демократии и права. Создание с помощью «вертикали» власти политической стабильности быстро законсервировало институциональную неразвитость общества и государства. «Неразвитость» в данном случае означает фактическое отсутствие разделения властей и парламентаризма, действительной многопартийности, честной и открытой избирательной системы. Отсюда отсутствие политики в собственном смысле слова, ее замена закулисными интригами и сделками, традиционной подкованной борьбой. Господствует политическая культура, сосредоточенная на захвате и удержании власти; для нее характерно презрительное отношение к населению, интерпретируемому как масса и расходный материал. «Правящий класс», стремясь сохранить достигнутые результаты передела власти и собственности под лозунгом «стабильности», превратил и законодательную, и судебную власть в придатки исполнительной власти, контроль крупной собственности дополнился отчетливым стремлением взять под контроль и духовно-идеологические процессы.

Целью любой идеологии является внедрение прокламируемой ею системы ценностей, принуждение людей действовать в одном направлении — при неподдельном воодушевлении. Но, полагает С. Жижек, «любая идеология действительно успешна в той мере, в какой она не позволяет увидеть противоречия между предлагаемыми ею конструкциями и действительностью, когда она задает модус действительного повседневного опыта» [Жижек 1999, с. 28]. Поэтому в России вместо официальной либерально-демократической Конституции с ее ценностями, глубоко чуждыми большинству российского общества сложилась неофициальная практическая идеология власти. Она противоречива и иррациональна, эклектически соединяя Великую Победу и «власовский» триколор, православную империю и атеистический Советский Союз, «братство народов свободных» и «фиктивный» федерализм и т. д. по весьма обширному списку.

Но, как подтверждает практика, подобная эклектика имеет особый смысл. В своем воздействии на массовое сознание она гибка и пластична, может одновременно быть и антилиберальной, и антикоммунистической, и консервативной, и революционной, и националистической и интернационалистской — в зависимости от ситуации применения и прагматических целей власти. Подобная противоречивость и иррациональность оказывается эффективным средством завоевания массовой поддержки населения и влияния на его чувства и поведение. Примитивизация идей особенно эффективно влияет на маргинальные, аутсайдерские социальные слои, не нуждающиеся и не понимающие рациональные аргументы и доводы. Другая «благодарная» аудитория — силовики, государственные служащие, бюджетники. Они и составляют контингент с патерналистской ментальностью, привыкшие соотносить жизненные устремления исключительно с государственными формами опеки и руководства.

Способность видеть в этих идеях противоречия, нестыковки, демагогию служит практическим критерием идейного размежевания — отнесения к оппозиции «интеллигентов и либералов», они же «пятая колонна» и т. п.

Властвующая элита, приближенные к власти корпоративные кланы постепенно сформировали так называемый «новый деспотизм», сохраняющий официальные декларации либеральной демократии, но выхолащивающий гражданское волеизъявление. Репрессивное законодательство по противодействию экстремизму используется для профилактического подавления любых форм гражданского протеста относительно чиновничьего произвола и коррупции. Военная спецоперация открыла шлюзы безграничного подавления любого несогласия с политикой режима. Манипулятивные технологии, используемые СМИ, «дробят» общество, устраняя почву для институций и ассоциаций гражданского общества в их функциях социальной медиации и интеграции. Единомыслие и политическая лояльность создаются сверху путем подкупа социально уязвимых слоев населения и репрессий против активных социальных групп. В новой форме восстанавливаются методы контроля и управления, свойственные тоталитарному государству.

Неискушенная массовая психология старшего и среднего поколений оказывается беззащитной перед манипуляциями гибкой и пластичной гибридной идеологии. Она не «заметила» циничного использования либерализма для подавления коммунистической идеологии и критики всего советского прошлого. Мимо нее прошел либерализм правящего класса, способного властью и собственностью обеспечить свои «естественные» права и свободы. (Правда, по мере укрепления режима персоналистской автократии принцип личной преданности начинает вытеснять и привилегии. «Неправильная», чрезмерная самостоятельность чиновника или крупного бизнесмена чревата практически мгновенной потерей собственности и свободы.) С расчетом на мгновенное

доверие массового потребителя средствам государственной пропаганды делается акцент на лозунги народности, православия и державности, в какую бы современную риторику они не облачались. Особое внимание уделяется Великой Победе с дальней целью создания психологии «осажденной крепости», призванной «скрепить» население с государственной властью. В подсознание населения индоктринируется идея о легкости «повторения» победы над традиционными врагами в лице Европы, США и НАТО.

Одна из начальных иллюзий перестроечных событий в России состояла в некритическом повторении догм «народолюбства» — демократия отсутствует как прямое следствие длительного господства политического деспотизма. (Как утверждал один из идеологов перестройки, Г. Попов, «люди готовы к свободе всегда».) Либеральные проекты экономических и прочих реформ неявно исходили из убеждения о достаточном человеческом потенциале радикальных перемен — личной инициативы, ответственности, готовности к напряженной работе, отстаиванию своих прав и т. д. Но любые грандиозные проекты, игнорирующие повседневность и не содержащие механизмов воплощения в жизнь новых институтов, норм и ценностей, закономерно обречены на провал. Как прозорливо отмечал А. С. Ахиезер: «Абстрактность идеалов перестройки проявила себя, прежде всего, в резком разрыве между ростом духовной активности и отсутствием соответствующих сдвигов в социальных отношениях. Эта абстрактность была непосредственно унаследована не только от прежних правителей, но и от диссидентов, которые не были достаточно озабочены превращением своих нравственных представлений в достаточно глубокие системы социальных, экономических и т. д. интерпретаций. Идеи перестройки при всей своей радикальности опирались на уже давно накопленное русской интеллигенцией культурное богатство, прежде всего на основное заблуждение интеллигенции, на веру в народ — тотем, что его освобождение от внешнего давления, от антитотема приведет к спонтанному восстановлению самореализации идеала народной жизни» [Ахиезер 1991, т. 2, с. 261–262]. Своеобразным символом интеллектуальной пустоты этой идеи станет лозунг «Свобода лучше несвободы».

Казалось, что рыночная экономика одерживает победу в современной России, воплощая в жизнь ценности развитого утилитаризма: личную деловую инициативу, рационализм труда и поведения, способность связывать успех с собственными усилиями и т. п. Они, в свою очередь, готовят почву для ценностей либерализма: идеалов свободы, законности, диалога и компромисса. Но, насытив потребительский рынок, открыв границы, сняв морально-политическую цензуру, отечественный псевдолиберализм обрек значительную часть общества на нищету, сохранил сырьевой характер экономики, разрушил гуманитарную сферу, создал всевластие чиновничества. Оказалось, что массы, нацеленные преимущественно на адаптацию к модернизированному порядку,

сулящему повышение уровня жизни, не готовы к изменениям, зависящим от личной предприимчивости и саморазвития. Общественный договор, достигнутый по умолчанию, оказался куцым — потребительским по содержанию. Диалог власти и общества по поводу политических прав и свобод, организации самой власти оказался не нужен ни правящему классу, ни значительной части населения.

Правда, социологи, отмечая значительный рост поддержки российской власти разного уровня, предлагают не делать категорических выводов относительно такого единодушия. Во-первых, на общественное мнение колоссальное влияние оказывают СМИ и мощная система пропаганды. Во-вторых, может действовать и так называемая спираль молчания — боязнь индивидов оказаться в изоляции [Зырянов, Зырянова 2015, с. 41] особенно в контексте так называемой специальной военной операции в Украине. Игрет свою роль оголтелая критика либерализма, породившая юридическую квалификацию «иностранных агентов» и политический ярлык «национал-предателей». Ментальность изоляционизма и «осажденной крепости» делают подобные инвективы значимыми факторами коррекции поведения.

При этом будем помнить, как «единство партии и народа» в СССР закончилось развалом государства при молчаливом безразличии большинства, не простившего замену «светлого будущего» на общество тотального дефицита. Аналогично кратковременным был взрыв патриотического восторга при вступлении России в Первую мировую войну. Нам предстоит опять убедиться, что мобилизационная риторика с течением времени ослабевает, превращается в информационный шум, начинает вызывать раздражение и отторгаться. Кроме того, по факту станет ясным, прежде всего молодым поколениям, что достижение социальной стабильности покупается подавлением индивидуальной творческой энергии, сдерживанием развития культуры и национальной экономики. Причины технологического и экономического отставания страны от мирового уровня станут наглядными путем даже поверхностного сравнения.

Отечественные модернизации, инициируемые «революциями сверху», в конечном итоге заканчиваются стадией контрреформ с их защитной реакцией самосохранения правящего класса, претензиями на великодержавность в геополитическом пространстве. Снова воспроизводятся матрицы этатизма и государственного патернализма в границах циклической схемы: «кризис» — «либеральные реформы» — «консервативные контрреформы». Первоначальные достижения модернизации вносят известные необратимые изменения прогрессивного свойства, но последующий откат восстанавливает в новых формах вполне традиционное содержание. Подобный циклизм следует из того, что первоначальный импульс к изменениям не приводит к созданию институтов самореформирования, сначала отдельных социальных групп, затем общества в целом. Их эмбриональные формы достаточно быстро ликвидируются

в период контрреформы. Утрата традиционности при неосвоенной азбуке цивилизации ведет к отторжению культурных оснований модернизации. Свобода, ответственность, права человека и права собственности выступают условиями вхождения в пространство цивилизации и дальнейшего инновационного развития [Михайленко 2003, с. 62]. Либеральные ценности и либеральные институты мошеннически сводятся к гей-парадам и однополым бракам, на деле отвергаются базовые для действительных реформ ценности просвещения, образования, науки, личности. Не умея, а скорее не желая переходить к иным, более сложным способам управления, российская власть из кризиса выходит укреплением «вертикали» власти. Тем самым государство разрушает источники инициативы и самостоятельности гражданского общества, порождая избыточность регулирования всей системы общественных отношений.

Здесь, отмечает А. Н. Олейник, «лексикон, определяющий множество вариантов использования власти в российском институциональном контексте, включает в себя как минимум следующие понятия: верховная власть, государство, самовластие и самодержавие» [Олейник 2011, с. 53]. В этом «лексиконе» верховная власть независима от каких-либо высших принципов и инстанций, в том числе от разделения властей. Противодействуя любым альтернативам своей монополии, любым ограничениям, она воспроизводит единоначалие на всех уровнях иерархии управления. Стремясь к безграничным полномочиям, верховная власть с легкостью использует насильственные средства навязывания воли, без приобретения обязанностей по отношению к объектам власти. Подобная власть не нуждается в действительной обратной связи с обществом, если таковой не считать жалобы и доносы населения, позволяющие копить компромат на чиновников в карьерно-бюрократических целях. В современной России все ветви власти субординированы верховной властью, действуя в соответствии с математической логикой: по мере стремления власти к своей максимальной неподконтрольности она становится все менее эффективной. Подчинение общества государству оборачивается возникновением полицейского государства (с достаточно широким диапазоном средств репрессивного контроля). Оправившись от растерянности в период перестроечного подъема активности советского «среднего класса» под лозунгами либеральной демократии, бывшая номенклатура талантливо приспособила эти лозунги для грабительского раздела бывшей «общенародной собственности». Сами лозунги понимались их творцами скорее символически — в их антикоммунистической и антисоветской направленности, они закономерно имели абстрактный, плохо согласующийся с реалиями истории и культуры характер. Как и прежде в российской истории, реформирование по либеральным лекалам оказалось поверхностным. Нельзя сказать, что оно вообще не изменило традиционного уклада жизни, но, во-первых, внешние (бытовые и технические) изменения произошли преимущественно в городах-миллионниках. Во-вторых, возникло

и развивается крайне негативное отношение к идеологии либерализма, обвиняемой массовым сознанием в разрушительных последствиях реформ. В-третьих, и это самое главное, не изменился характер взаимосвязи власти и собственности — все патримониальные режимы традиционны в отсутствии или чисто номинальной границе между властью и собственностью. Ни церковь, ни право и закон, ни тем более общественное мнение не ограничивают верховную власть в стремлении к всеохватному контролю над обществом. Стабильность всегда была одной из высших социальных ценностей, но есть принципиальная разница между надежностью, предсказуемостью институтов общества, обеспечивающих динамичное развитие усилиями свободных людей, и застойной стабилизацией, симптомами которой является подмена проекта будущего подавлением гражданской активности посредством обращения к архаичным истокам и традициям.

Часть 2. Идеологические мифы кризисного общества как угроза тоталитаризма

Здесь мы и встречаем одно из древнейших средств легитимации власти — мифологию. Поскольку природа мифа не в достоверности, не в логической доказательности, мифологическая картина мира требует ее безусловного принятия на основе религиозной или квазирелигиозной веры. Мифы в норме кодируют представления, связанные с высшими ценностями и полностью подчиняют весь опыт личности и общества безусловному, т. е. исключаящему какое-либо сомнение, господству Абсолюта. Абсолютом может выступать Бог, Отечество, Вождь. Отсюда некритичность мифологического сознания, его аксиоматичность и неverifiedируемость — для носителей мифа нет фактов, способных опровергнуть миф. Публичная святость мифа призвана объединить общество, отвести интенции сознания от критики статус-кво — коррупции, произвола, несправедливости. Миф обладает принудительной силой воздействия и собственной логикой существования. Сопrotивляясь рационализации, он сохраняется даже в сознании интеллектуальной элиты общества, даже при достаточно высокой степени развития самосознания общества в целом. Словом, устойчивость мифа не зависит от его «иллюзорности». В идеологическом структурировании социальной действительности функцию кодирования выполняют именно мифы — главные инструменты превращения публики в «некритично мыслящую массу».

Массы, не готовые и не желающие вникать в логические аргументы и доказательства, гипнотизируются языком аллегорий и мифологем. Долговременный характер действия политических мифов обусловлен изощренным использованием полуправды или полулжи. В некоторых случаях они базируются

на откровенных вымыслах и подделках, но классовый интерес позволяет произвольно интерпретировать и объективные данные. Инфантильное массовое сознание под воздействием чувств и эмоций разной природы (страх, беспомощность, месть, ненависть и т. д.), спонтанно реагируя на события, неспособно различать реальность и вымысел. Вот почему мифологическому сознанию бессмысленно предъявлять упрек в неувоенных уроках истории.

Интенции массового сознания подхватываются идеологами, профессионалами, умеющими создавать и толковать аллегории, гиперболы, лжемифы. С их помощью происходят трансформации социального опыта в коллективной памяти общества, украшающие или камуфлирующие идейные основы социального неравенства, закрепленного государственным принуждением, в том числе и насилием. Аналогичным образом действуют и идеологи социального протеста, разумеется, с другим ценностно-смысловым вектором своих идей. Правда, у «придворных» мифологов есть несомненные преимущества в средствах, политических и технических, для распространения своих версий исторических событий и персонажей.

Мифы, модифицируясь и видоизменяясь, вплетены во всю человеческую историю — от архаики до сегодняшнего дня. На основе мифов формируется и живет национальное самосознание, создающее единство народа и государства, наполняющее смыслом жизнь отдельного человека. Исторические события становятся значимыми для потомков и передаются эстафетой поколений, будучи вписаны в структуру национального мифа. «Мифология нации — это иносказательный образ ее нравственного идеала, ее „крови“ и „почвы“, это аллегорическая автобиография нации» [Полосин 1999, с. 83]. Этот образ включает в себя и исторический пантеон национальных героев, и определенную версию национальной истории. Мифы превращают события и людей в кумиров, в ценности, вызывающие или преклонение и возвышенный пафос, или внушающий ужас и ненависть. В известном смысле история народа — это миф, создаваемый им о самом себе, а исторические события — строительный материал для мифа. Как отмечает Г. С. Полосин, «народ является единственным и подлинным субъектом мифотворчества, поскольку произвольно рожденная элитой символическая история может стать мифом только в случае и по мере своего общественного признания в качестве истинной иносказательной истории» [Там же, с. 31]. Отличия одного народа от другого в конечном счете фокусируется в его собственном мифотворчестве, выражающем его национальную идентичность, служащим залогом его существования в истории, воспроизводимом как историческая традиция. Особую роль в национальной мифологии играет представление общества о своей исторической миссии, о своем предназначении, месте в истории, становящееся национальной идеей. Тем самым национальная мифология становится основным духовным стержнем полнокровной жизни государства и народа.

Всемирно-исторический процесс демонстрирует закономерность: рационализация повседневности, «расколдовывание» мира, научный прогресс не только не устраняют, но и вызывают «реинкарнацию» мифологии. Кризисное состояние общества (экономическая нестабильность, социально-психологическая растерянность и тревога, отсутствие ясных ценностных ориентиров и т. п.) резко активизирует мифологическое мышление.

Политико-идеологические коллизии последних лет обнаруживают присутствие мифологических сюжетов в политической риторике, пропаганде и информационных войнах.

Миф, в силу своей художественно-бессознательной природы, игнорирует элементарные логические противоречия, упрощает мотивы поступков и причинно-следственные связи, сводит сложность действительности к схеме. Мифологическое сознание подчинено власти инстинктов, чувств и эмоций. «„Мифологический сюжет“, — замечал Я. Э. Голосовкер, — независимо от того, имеем ли мы дело с эпической или драматической традицией, и есть воображаемая, имагинативная действительность, выражающая смысл всего существующего с его чаяниями, страстями <...>. Цель жива и скрыта в самом смысле мифа. Но система отношений и связей в этой воображаемой, имагинативной действительности иная, чем в действительности, к которой прилажен наш здравый смысл» [Голосовкер 1987, с. 18]. По Я. Э. Голосовкеру, «...для воображения существует иная система действительности, чем для здравого смысла первого приближения. Следовательно, категории, лежащие в основе логики воображения, будут иными, чем категории формальной логики здравого смысла» [Там же, с. 19]. Другими словами, миф, в отличие от лжи или заблуждения в науке, обладает особой иллюзорностью. Это ложно мнимая иллюзия, или амфиболия (по Канту, беспредметный предмет, например, тень). В мире чудесного беспредметные предметы проявляют свойства вещественных предметов, но при этом не обусловлены свойствами физического пространства и времени, обладают любыми абсолютными качествам и функциями. Миф иррационален, поскольку в его содержании из двух противоречащих суждений оба могут быть истинными и оба могут быть ложными одновременно. Более того, между ними может быть нечто третье, семантически не редуцируемое к противоположностям.

Идеология «заимствует» важнейшее свойство мифа: переживая миф, индивид принимает участие в его воссоздании, тем самым — в интеграции общности, в воплощении идеала, несущего программу ликвидации конфликтов и противоречий, предотвращения инакомыслия и девиантного поведения. Поэтому основная функция идеологического мифа — служить инструментом адаптации к противоречиям общества тех социальных групп, что не могут рационально воспринимать социальную действительность и анализировать сложные ситуации.

Программируя символическими кодами разные типы социальных коммуникаций, идеология «симулирует» реальность, создает матрицу predetermined выборов и предпочтений. В идеологическом структурировании социальной действительности с помощью системы кодов главную роль выполняют именно мифы. Политический миф создает социальную картину мира, претендующую на истинность, а образ будущего, трактуемый как возвращение к подлинным истокам, связывает с определенным событием во времени, приобретающим сакральный смысл.

Какие обстоятельства и причины побуждают всегда относиться с тревогой к мифологизации общества? Идеологический миф — главный инструмент превращения публики в «некритично мыслящую массу». «Сверхценность» содержания идеологического мифа требует от верующего в него безусловного подчинения — без тени сомнения, отторжения любых фактов, противоречащих догмам и канонам, даже если они нелепы с точки зрения здравого смысла.

Так, Е. Шейгал обратила внимание на обстоятельство, заслоняемое повседневностью мифа: крейсер «Аврора» в октябре 1917 года стрелял из одного орудия, но официальная пропаганда и система образования создали стереотип — начало новой эры озаменовано «залпом» «Авроры». Обыденный выстрел с помощью универсального лингвистического механизма мифообразования — гиперболизации — превратился в торжественный залп! Как отмечает автор, «в данном случае имела место не только денотативная (один — много), но и коннотативная гиперболизация (индуцирование и усиление эмотивности). Все это, вместе с переключением стилистического регистра и изменением тональности (обыденная — возвышенная), способствовало формированию идеологической коннотации („наш“): „наш“ залп „Авроры“ известил о начале „нашей“ революции» [Шейгал 2004, с. 135]. Здесь уместно вспомнить и мифологизированное представление советских граждан о штурме Зимнего дворца, индуцированное постановочными сценами кинофильма «Октябрь» (1927) режиссера Сергея Эйзенштейна.

Рассматривая доминирование мифологии в культуре как рудимент традиционного общества, А. С. Ахиезер считал, что в критических социокультурных ситуациях именно она отбрасывает и разрушает более высокие формы культуры и соответствующие им общественные отношения [Ахиезер 1991, т. 3, с. 193].

Любая государственная идеология и во все времена (в большей или меньшей степени) — это украшение или камуфлирование идейных основ государственного насилия (принуждения) догмами, идеями, мотивациями патриотического, этнического, шовинистического плана. Государственная идеология, используя разнообразные манипулятивные ухищрения, стремится к внедрению системы идейных догм оправдания существующего политического режима. Статичность и стабильность этой идейной системы обеспечивает устойчивость системы государственного принуждения. Поэтому даже незначительные

изменения языка и риторики идеологии, не говоря уже о ее противоречиях, способны негативно влиять на субъективную поддержку оснований принуждения. Видимо, по этим причинам диктатурам автократического или олигархического характера присуще стремление к примитивизации идеологии как важнейшего элемента принуждения.

Реформирование российского общества, ставшее притчей во языцех, уперлось в отжившие или устаревшие социально-организующие и человеческие ресурсы. Они — та реальность, которую невозможно радикально изменить или ликвидировать. Германии понадобилось второе сокрушительное поражение в мировой войне для преодоления идеологических мифов агрессии и военного реваншизма. Национальное покаяние за чудовищные преступления нацизма послужило залогом демократического и правового развития немецкого государства и преодоления «веймарского» комплекса.

Предсказанная А. Яновым угроза появления «веймарской» России сбылась: униженная поражением в холодной войне, потерявшая значительные территории, потерпевшая развал экономики, крах ценностей и идеалов страна. Российские «реформаторы» первой волны не озаботились созданием конструктивной мифологии преобразования общества. Кропотливая работа должна была соединить ценности и идеалы прошлого и будущего, объединенные идеалами свободы и творчества. Либеральное «умствование» плохо приживалось на российской почве, мифологическое сознание, «выбирающее сердцем», обратилось к прошлому. Консервативная реакция стала закономерным ответом на разрушительные последствия бездумного заимствования чужих культурных образцов.

Кризисное общество, измученное псевдореформами и разрывом с историей, потребовало «объяснения» прошлого взамен отречения от причин его разрушения. Разочарование от потери бывшего «сверхдержавного» величия обусловили поиск утешения в прошлых победах. Фрустрации, социальная беспомощность в неблагополучной экономике, отсутствие прав и свобод возбуждают массовую интерперсональную агрессивность как основной способ выхода из ситуации кризиса. Общество, застрявшее в кризисе, постоянно испытывается дилеммой: возврат в идеализированное прошлое от неприемлемого настоящего утопичен; попытка же возрождения черт прошлого в настоящем ведет к деградации. Так, фокусирование мифологии войны исключительно на Великой Победе, но не на Дне Скорби и Печали о непомерных жертвах войны означает фактическую реабилитацию Сталина. Реабилитация же Сталина возвращает в повседневность миф о мудром государственном вожде, победителе в войне, «отце народов». Высказывания о Сталине как параноике, убийце и организаторе массового террора, уничтожавшего собственный народ, виновнике чудовищных человеческих потерь квалифицируются как «очернение» истории.

Воспроизводство анахронизмов расчищает путь для беспочвенных новаций, утопическому футуризму радикальных ценностно-нормативных и институциональных революций. Утопический футуризм выступает скорее попыткой ухода от настоящего и обретения утраченной надежды массами, тогда как архаизация свойственна правящему классу.

Если ранее происходила абсолютизация архаического (общинного) начала отечественной истории, становящаяся основой проектам будущего, то сегодня нет никаких проблесков футуристических начал, обосновывающих целеполагание духовных и социальных практик. Негативные последствия в настоящем заключаются в блокировании диалога и медиации во внутреннем и внешнем культурном взаимодействии. Культура начинает замкнутое вращение по кругу в рамках инверсионной перекодировки социальных и культурных смыслов, препятствующее цивилизационному прорыву.

Историческая слепота подобной идеологии заключается в романтизации национальной отсталости, оправдании государственной политики изоляционизма. Необходимый для самосохранения культуры консерватизм при помощи официальной идеологии становится охранительно-реакционным. Его характерными чертами являются:

- акцент на доминировании национальных (этнических) символов и святынь перед ценностью человека и личности;
- предпочтение государственности иным формам социальной самоорганизации в качестве высшей формы социального единства, основного «кванта» истории; прямая или скрытая дискриминация зачатков современного гражданского общества;
- безусловный приоритет избранных исторических событий и персон, сакрализующих прошлое перед профанным настоящим;
- превосходство самобытной «почвы» по отношению к рационализму и универсализму интеллектуальной элиты;
- мессианизм — воодушевляющий проект будущего превосходства собственной культуры и государства в сравнении с органическими недостатками и тупиками других цивилизаций.

Происходит реставрация идеи исключительности собственного государства (нации, народа, религии, истории и т. д.), в пределе доводимая до богоизбранности. Культивирование собственного совершенства и безупречности происходит через сложные культурно-психологические механизмы, через систему прямых, косвенных и обратных средств и приемов, приобретающих агрессивную форму. Энергетика этой идеи создается и подпитывается убеждением в деградации творческих сил наций (государств, цивилизаций) — соперников. Собственная духовная уникальность стандартно противопоставляется утилитаризму или извращенным моральным принципам экономически и технологически доминирующей нации (цивилизации). По отношению к менее

развитым государствам собственное превосходство рассматривается как само собой разумеющееся. Собственному народу приписываются более высокие религиозно-нравственные качества по сравнению с другими народами.

Игнорируя «неудобные» исторические факты, объяснительные версии прошлого и его присутствия в настоящем, мессианизм превращается в эсхатологическую утопию, трактующую историческую необходимость по своему усмотрению. Эсхатологическая идея спасения мира в целом, оправдывающая любые средства своей реализации, удивительным образом сочетается с пренебрежением к каким-либо практическим действиям по спасению собственной страны.

Такого рода мифология погружает сознание в темноту коллективного бессознательного, содержащего в себе утопию возрождения будто бы «светлого» прошлого. Из глубины массового сознания поднимается и дает о себе знать застарелый невроз своеобразия. Его типичные симптомы: ксенофобия и бред преследования по отношению к многочисленным врагам, нетерпимость к инакомыслию, уверенность в обладании истиной и отрицание или даже запрет возможных переоценок.

Психоаналитически потребность националистического сознания иметь врагов (и друзей) объясняется психологией «избранной общей травмы» как следствия национального унижения или же психологии «избранной общей славы», мифологизирующей действительные или мнимые исторические события триумфа над врагом — все это становится мощным фактором группового самоуважения и стержнем национальной идентификации.

Чаще всего сторонники подобной мифологии полагают себя «истинными патриотами» — в противовес «пятой колонне» и «национал-предателям». Меньше всего им в голову приходит, что именно они и являются русофобами. Обрекая под лозунгом самобытности и исключительности на консервацию и застой отечественную культуру, они отказывают русскому народу в творческом развитии в контексте открытого, свободного междивизиационного взаимодействия.

Мифологическому сознанию бессмысленно предъявлять упрек в неусвоенных уроках истории, в способности к рациональной рефлексии. Для него нет истории, его время циклично — возвращается к одним и тем же знаковым событиям, переживаемым в эмоционально-бессознательном виде. Отсюда повтор одних и тех же ошибок, ведущий к трагическим коллизиям в истории страны и государства. Непомерной ценой оборачивается следование за историческими миражами и поклонение прошлому, превращенному в мавзолей. Мифологизация сознания обрекает государство и общество на движение спиной вперед.

Список литературы

- Ахиезер 1991 — Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. М. : Изд-во ФО СССР, 1991.
- Глинчикова 2001 — Глинчикова А. Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество — к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 36–53.
- Голосовкер 1987 — Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1987. 218 с.
- Жижек 1999 — Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. М. : Художественный журнал, 1999. 237 с.
- Зырянов, Зырянова 2015 — Зырянов С. Г., Зырянова В. М. Экономические и политические факторы формирования общественного мнения в условиях кризиса (на примере города Челябинска) // Социум и власть. 2015. № 1 (51). С. 41–50.
- Михайленко 2003 — Михайленко В. И. Тоталитарный соблазн России // Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации : доклады Пятой Всерос. конференции (Екатеринбург, 14–15 октября 2003 г.) : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. В. И. Копалов. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2003. С. 61–75.
- Михайленко 2021 — Михайленко В. И. Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 116–139. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043.
- Олейник 2011 — Олейник А. Н. Преемственность и изменчивость превалирующей модели власти: «эффект колеи» в российской истории // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 52–66.
- Полосин 1999 — Полосин В. С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ладомир, 1999. 440 с.
- Шейгал 2004 — Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 324 с.

References

- Akhiezer, A. S. (1991), *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta, v 3 tomakh* [Russia: Criticism of Historical Experience, in 3 vols], Philosophical Society of the USSR, Moscow, 377 p. (in Russian).
- Glinchikova, A. G. (2001), “Capitalism, socialism, industrial society — to the question of the relationship of concepts”, *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 36–53 (in Russian).
- Golosovker, Ya. E. (1987), *Logika mifa* [Myth logic], Nauka, Moscow, 218 p. (in Russian).
- Mikhailenko, V. I. (2003), “Russia’s totalitarian temptation”, in Kopalov, V. I. (ed.), *Sud’ba Rossii: natsional’naya ideya i ee istoricheskie modifikatsii, doklady Pyatoi Vserossiiskoi konferentsii (Ekaterinburg, 14–15 oktyabrya 2003)*, v 2 chastyakh. Chast’ 2 [The fate of Russia: the national idea and its historical modifications, reports of the Fifth All-Russian Conference (Yekaterinburg, October 14–15, 2003), in 2 parts, Part 2], Ural State University, Yekaterinburg, pp. 61–75 (in Russian).
- Mikhailenko, V. I. (2021), “Intellectual Reflections of the Early 1990s on the Topics of Post-Soviet Transition of Russia”, *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 116–139 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043.
- Oleinik, A. N. (2011), “Continuity and variability of the prevailing model of power: the ‘rut effect’ in Russian history”, *Social Sciences and Contemporary World*, no. 1, pp. 52–66 (in Russian).
- Polosin, V. S. (1999), *Mif. Religiya. Gosudarstvo: issledovanie politicheskoi mifologii* [Myth. Religion. The State: A Study in Political Mythology], 2nd ed., Ladomir, Moscow, 440 p. (in Russian).
- Sheigal, E. I. (2004), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse], Gnozis, Moscow, 324 p. (in Russian).
- Žižek, S. (1999), *The Sublime Object of Ideology*, translated by Sofronov, V., *Khudozhestvennyi zhurnal*, Moscow, 237 p. (in Russian).

Zyryanov, S. G. and Zyryanova, V. M. (2015), "Economical and Political Factors Forming Public Opinion of Large Industrial City Population in Crisis", *Sotsium i vlast'*, no. 1, pp. 41–50 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 22.04.2022

Принята к публикации / Accepted: 6.05.2022

Информация об авторе

Ершов Юрий Геннадьевич
доктор философских наук, профессор
независимый исследователь
Россия, Екатеринбург
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Information about the author

Ershov, Yuri Gennad'evich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Independent Researcher
Yekaterinburg, Russia
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.014

УДК 323(47+57)“1991”

LA RUSSIA E GLI ANNI NOVANTA. UNA PRIMAVERA DIMENTICATA

A. VitaleUniversità di Milano
Milano, Italia

RUSSIA AND THE 1990S. A FORGOTTEN SPRING

A. VitaleUniversity of Milan
Milan, Italy

Abstract: In the West, it is increasingly difficult to talk about the years of the crisis of the Soviet Union, about the processes that they set in motion, as well as the turning point of 1991, the people who participated in it firsthand, with their hopes, their courage, their illusions and their fears. Moreover, it is also difficult to talk about the 1990s experienced in Russia with any hope of being understood. Indeed, this era now seems light-years away, in the face of what has happened since the 2000s. Even scholars can no longer grasp its meaning and simply end up describing it in heavily negative tones. Thus, the rough and repetitive stereotypes about Russia, about its “autocratic destiny,” about the Russian people being “incapable of self-government” and renewal, the bearers of a “destiny of servitude,” burdened with the “unchanging” character already described by the Marquis Astolphe de Custine in the 19th century, easily prevail. However, in spite of that, those years contain very different and useful insights and tools for reading the history and political evolution of post-Soviet Russia. Those years, which may be called the “Springtime of Russia,” were the fruit of a long process full of attempts at renewal and enthusiasms that gave a new dignity to the Russian people — alongside and on the same level as that of the other peoples of the Union — and the pride of a regained belonging, after having been humiliated for decades. The brakes on the renewal that begun chaotically in those years have favored and are favoring hasty interpretations and stereotypes. From nationalism to the “loss of empire syndrome,” from the obsession with internal security to the difficult relationship between state and society, to the failure to consolidate a federal structure, all these elements have contributed to fostering a distorted image of contemporary Russian history. The image that forgets fifteen years of life that were full of potential and quite different from how they are portrayed. Going against the mainstream

in judging those years — denigrated and often misunderstood — the article’s author also draws on personal experience from more than three decades of exploring Russia and participating directly in the events the country experienced at the turn of the millennium.

Keywords: Breakdown of the Soviet Union, Post-Soviet Russia, Nationalism, Stereotypes, Russian People, Post-Totalitarian Political Reforms, Federalism.

For citation: Vitale, A. (2022), “La Russiae Gli Anni Novanta. Una Primavera Dimenticata”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 26–37. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.014

РОССИЯ И 90-Е ГОДЫ. ЗАБЫТАЯ ВЕСНА

А. Витале

Миланский университет
Милан, Италия

Аннотация: На Западе все труднее говорить о годах кризиса Советского Союза, о том какие процессы там были запущены, о поворотном моменте 1991 года, о людях, которые участвовали в нем лично, со своими надеждами, своим мужеством, своими иллюзиями и своими страхами. Однако и говорить о 1990-х годах в России с надеждой быть понятым тоже сложно. На самом деле, это эпоха, которая сейчас кажется далекой по сравнению с тем, что произошло в 2000-х годах, эпоха, значение которой даже ученые уже не могут оценить и просто описывают ее в крайне негативных тонах. Таким образом, снова возвращаются грубые и повторяющиеся стереотипы о России, о ее «самодержавной судьбе», о том, что русский народ «неспособен к самоуправлению» и обновлению, является носителем «судьбы рабства», отягощенной «неизменным» характером, описанным еще маркизом Астольфом де Кюстинном в XIX веке. Тем не менее эти годы содержат очень разные и полезные указания и инструменты для осмысления истории и политической эволюции постсоветской России. Эти годы, которые также можно назвать «весной России», были плодом длительного процесса, полного попыток обновления и энтузиазма, который дал русскому народу новое достоинство — наряду с другими народами Союза и на одном уровне с ними — и гордость за вновь обретенное достоинство после десятилетий унижения. Задержка обновления, хаотично начавшегося в те годы, благоприятствовала и продолжает благоприятствовать поспешным интерпретациям и стереотипам, далеким от истины. Пройденный путь от национализма до «синдрома потери империи», от одержимости внутренней безопасностью до сложных отношений между государством и обществом, до неспособности консолидировать федеральную структуру — все эти элементы способствовали созданию искаженного образа современной российской истории, который как бы вычеркивает пятнадцать лет жизни, что были полны потенциала и кардинально отличались

от того, как их сейчас описывают. Идя против течения в своей оценке тех лет, очерченных и часто неправильно трактуемых, автор статьи также опирается на свой личный опыт более чем трех десятилетий изучения и проживания в России и непосредственного участия в событиях, которые переживала страна на рубеже тысячелетий.

Ключевые слова: распад Советского Союза, постсоветская Россия, национализм, стереотипы, русский народ, посттоталитарные политические реформы, федерализм.

Для цитирования: *Vitale A. La Russia e Gli Anni Novanta. Una Primavera Dimenticata // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 26–37. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.014*

Mentre in Occidente tornano a dilagare gli stereotipi sulla Russia imperiale, sul popolo russo e sul suo “destino di schiavitù”, sempre più definito come “ovvio” e “inevitabile”, sull’autocrazia di turno che inevitabilmente lo governa e lo governerà sempre, è diventato molto difficile raccontare, con la speranza di essere compresi, che cosa siano stati gli anni della lunga crisi dell’Unione Sovietica, i momenti del suo crollo, gli entusiasmi, la voglia di liberazione, le paure e le speranze di quel periodo, al centro dell’Impero. La capitale e poche altre città erano del resto gli unici posti in Russia nei quali un abitante per nascita del blocco politico-militare occidentale poteva recarsi. È diventato impossibile essere compresi quando si racconta il lento esaurirsi dell’ideologia, che cadendo come un velo dalla realtà dei rapporti politici ed economici lasciava spazio in quegli anni a una visione realista e disincantata della politica, del potere e del mondo.

Raccontare di come a Mosca emergesse la simpatia per i popoli che rivendicavano la loro indipendenza (ricambiata anche da quelli, che appoggiavano la Repubblica Russa di Eltsin, in un’affermazione reale dell’amicizia fra i popoli) e di come nelle manifestazioni si portasse, ad esempio, la bandiera lituana¹, significa suscitare incredulità. Lo stesso accade quando si cerca di raccontare quello che avvenne durante il Putsch del 19 agosto 1991, la vita sulle barricate, quei giorni e quelle notti fra i giovani, il coprifuoco, le minacce dei putschisti. E poi quella gente, che partecipava in prima persona, rischiando il proprio posto di lavoro (come i medici) o perfino la propria vita, gli ex prigionieri del GULag che scendevano nelle strade, gli intellettuali, i piccoli commercianti e poi i capannelli che si formavano agli angoli delle vie, nei quali si discuteva — spesso affrontando anche qualche provocatore che era stato inviato per fare propaganda e per diffondere notizie false — della possibilità

¹ Come nella manifestazione del 1 maggio 1990. L’indipendenza della Lituania era già stata dichiarata l’11 marzo dello stesso anno. Una fotografia di quella manifestazione, con bandiere lituane nel centro di Mosca, è riportata sulla copertina di Goussard [Goussard 2009].

di riconquistare la libertà, dopo settant'anni di totalitarismo. Come raccontare il senso di libertà che regnava in quei momenti, l'orgoglio della gente che tornava a parlare liberamente, difendendo le enormi barricate che sbarravano i larghi boulevard di Mosca, con in mano bandiere liberate dalla polvere, che in Unione Sovietica per quasi un secolo erano state proibite, mentre quella grande dignità recuperata mandava in pochi giorni al macero interi volumi delle lettere del marchese Astolphe de Custine sulla Russia [Custine 1843], che proprio oggi invece, non a caso, vengono citati di nuovo in Occidente per dimostrare che la Russia non cambierà mai? Come raccontare quei giorni umidi di pioggia, le voci che si rincorrevano attorno al Palazzo Bianco o il silenzio fra la folla, la sera, la paura di un intervento armato dei reparti speciali e dell'esercito, come a Tian An Men due anni prima? Quella sete di libertà, diversa, molto più profonda e importante della "democrazia", rimasto l'unico disco rotto e ripetitivo che risuona oggi in Occidente, non può certo essere compresa da chi nei Paesi dell'Europa occidentale non riesce a andare oltre la definizione di quegli anni e di quei giorni come una "farsa insignificante". Come se invece non si fosse trattato di un lungo processo, iniziato negli anni precedenti, che ha avuto conseguenze in tutti gli anni seguenti [Kotkin 2001].

È impossibile essere compresi quando si parla di quegli anni e di quei giorni come della "Primavera della Russia", durata dalla fine degli anni Novanta al settembre del 1993. Una Primavera nella quale, soprattutto dopo l'agosto 1991, la gente comune provava orgoglio per la dignità di un popolo che era riaffiorata, per tutto quello che era accaduto e per quella identificazione con la RSFSR impersonata dal Presidente Eltsin, che si era contrapposta duramente al potere sovietico, appoggiando le rivendicazioni popolari e le altre Repubbliche. Come per decenni era accaduto nell'Europa centrale, nell'Impero esterno, anche la Russia aveva recuperato un'identità che rischiava di smarrirsi a causa della privazione della nazionalità russa della sua propria essenza, essendo stato il popolo russo il primo a fare le spese di un lungo processo di denazionalizzazione [Kundera 2022, p. 48-49].

Raccontare anche di quale enorme innovazione teorica e pratica abbia rappresentato la creazione della Comunità di Stati Indipendenti (CSI) nel campo del diritto internazionale, con i suoi principi di fondo (accordi volontari fra i rappresentanti delle Repubbliche, ricerca di principi comuni di convivenza, temporaneità del patto di aggregazione, sottoponibile a discussione dopo alcuni anni, continua verifica del rispetto del patto, messa in discussione dei rigidi principi della sovranità politica, con la sua eternità e immutabilità, che per secoli hanno dominato la formazione dello Stato moderno in Occidente), significa non essere più compresi.

Oggi tutto questo non può più essere raccontato, spiegato e capito. Non interessa più a nessuno e non si fa più alcuno sforzo per comprenderlo. Sembra infatti un'era storica completamente differente. Come se quel periodo e la luce improvvisa di quella Primavera non fossero nemmeno esistiti.

I freni al rinnovamento degli anni Novanta

Del resto, è certo vero che quella “Primavera della Russia”, nella quale fiorivano i dibattiti intellettuali, le idee, la forza dell’innovazione, è stata di breve durata. Quasi subito dopo i giorni d’agosto si sentivano già addensarsi le nuvole cupe dell’irrigidimento istituzionale, del contrasto fra le proposte di riforma e le esigenze immediate della politica, ma soprattutto le ombre del nazionalismo, che trasformavano, avvelenandolo, l’orgoglio patriottico e la dignità della riconquistata libertà. D’altra parte, come sapeva già Niccolò Machiavelli, il principio, il bisogno della libertà subiscono sempre periodi di “alti” e “bassi”.

Gli studi per dotare la Russia di una moderna Costituzione, i progetti molto elaborati e frutto di un confronto con gli specialisti mondiali, che venivano proposti, ad esempio dall’*Institut Gosudarstvo i Prava* di Mosca, facevano percepire come vicina e inevitabile una trasformazione radicale del Paese, dalla quale potevano persino arrivare insegnamenti per il resto del mondo occidentale, alle prese da molto tempo con un’evidente crisi dell’applicazione pratica dei principi stessi del Costituzionalismo. La lotta politica, ma anche la paura di un’ulteriore disgregazione del Paese, ritagliato “per differenza” dal crollo dell’Impero sovietico, imponeva però contemporaneamente scorciatoie, insofferenti di quelle lunghe e pazienti riflessioni sull’equilibrio fra i poteri, sulla possibile limitazione della loro concentrazione e inevitabile espansione o su un assetto autenticamente federale della Russia post-sovietica e dettava soprattutto soluzioni sbrigative, immediate, che portavano a trascurare quella complessa elaborazione: come accadde alla fine, con la Costituzione del 1993, elaborata frettolosamente e per far fronte alla crisi istituzionale dell’ottobre dello stesso anno (lo scontro fra Presidente e Parlamento) e che non tenne più conto di tutte le negoziazioni, le elaborazioni e i progetti precedenti.

Quello che emergeva però, soprattutto, in modo evidente, era il montare del nazionalismo, che da un lato riempiva il vuoto dell’ideologia, ormai dissolta, mentre dall’altro forniva una eccezionale possibilità alle classi politiche post-sovietiche di farne la loro nuova bandiera ideologica. Le analogie con la Germania degli anni Trenta, soprattutto il senso di umiliazione da perdita della superpotenza, erano evidenti [Михайленко 2021, с. 122, 124]. Era come una sorta di freno al rinnovamento, che emergeva quasi da una “paura della libertà”, dopo un settantennio di chiusura sociale e politica. Ai lati delle strade si vendeva sempre più, giorno per giorno, letteratura nazionalista, perfino con inquietanti toni fascisti o nazisti. *Pamiat’* era solo la punta dell’iceberg, con la sua diffusione di classici della letteratura storiografica russa e molta manipolazione del passato, mentre montava l’ondata neo-eurasista. La rivista *Den’* raccoglieva le tesi e gli umori di questa corrente ideologica. Veniva stampata e diffusa l’opera di Ivan Il’in, con il suo appello non solo alla Russia imperiale, ma soprattutto allo Stato unitario centralizzato, derivante da una concezione radicalmente

“organicista” (lo Stato come corpo vivente), del tutto incompatibile con qualsiasi rinnovamento in senso federale e gravido di conseguenze in termini di violenza, sia espansiva che di contenimento di qualsiasi separazione da quel “corpo” territoriale. Iniziava a dilagare una concezione determinista e fatalista della geopolitica, trasformata in ideologia [Михайленко 2021, c. 26]. Il nazionalismo si confondeva continuamente con l’idea dell’ampliamento del sistema statale e in tal modo lo statalismo finiva per subordinare a sé l’etnocentrismo. Del resto il nazionalismo etnico russo non riusciva a identificarsi pienamente con la Repubblica derivata dalla RSFSR, ma solo con una dimensione di Stato imperiale. Da qui l’alleanza rosso-bruna — una sintesi impensabile in Occidente, che ha fatto saltare lo spettro politico al quale erano abituate generazioni occidentali — che ha unito nazionalismo e dimensione imperiale.

Incominciavano poi a prevalere i “*Gosudarstvenniki*”, teorici del primato dello Stato sulla società e sull’individuo [Михайленко 2021, c. 122]. Il fine della creazione di uno “Stato forte” dilagava come idea e come pratica in tutti i settori della politica e della società. Contrariamente alla retorica che dilagava in Occidente, sulla “transizione al mercato e alla democrazia”, basata su una teleologia implicita nel paradigma stesso della “transizione”², si andava diffondendo l’idea dello Stato territoriale come “sacro”, unito e indivisibile, nel quale la sua grandezza e i suoi interessi erano superiori a quelli di qualsiasi altro cittadino. Si diffondeva sempre più anche l’idea, molto radicata nei detentori del potere già in epoca sovietica, che la Costituzione serve a proteggere lo Stato e chi lo impersona dai cittadini (come riteneva già Vjačeslav Molotov) e non il contrario. Ossia il fine diametralmente opposto rispetto a quello che le Costituzioni sono state inventate per servire. Era questa la premessa della rinascita della velikaja derzhava, nella quale l’ordine può essere portato solo dai “*Gosudarstvenniki*” [Леган 2001, c. 223–226].

La liberal-democrazia incominciava a essere percepita come una minaccia per l’ordine e la stabilità politici [Murawiec, Gaddy 2002, p. 35]. Parallelamente, tutto questo, in un processo di costruzione dell’*obraz vraga*, era identificato con gli interessi americani e occidentali, con una minaccia crescente di una cospirazione mondiale per i valori tradizionali, la cultura e la storia russa e con il “tradimento” dello Stato da parte dei nemici interni. Lo stesso governo “filo-occidentale” di Eltsin era visto come un ostacolo per i Russi al recupero della loro identità

Era come se forze sotterranee, rigide ideologie revansciste e del capro espiatorio si liberassero, emergendo da quella stessa crisi, come una forma di compensazione per una società fortemente atomizzata, ancora priva di attivi corpi intermedi fra

² Gli anni di Eltsin sono stati dominati dalla parola „transizione”: dal totalitarismo alla democrazia, dal socialismo al capitalismo, dal sistema amministrativo e di comando a uno economico, ecc. Come se si trattasse di un processo inverso alla continua „transizione” sovietica, in altra direzione, che implicava specifiche policies „di transizione” [Read 2001, p. 232].

cittadino e Stato, conquistando sempre più le menti, il dibattito, la cultura, la politica e la vita quotidiana.

Gli Anni Novanta: Stato e società in Russia

Nel corso degli Anni Novanta ho avuto la fortuna di viaggiare a lungo e in numerose occasioni, per motivi di lavoro molto diversi, in tutta la Russia: dal Mar Bianco, alla Siberia, alla Russia artica, al Mar di Ochotsk. Ho conosciuto persone di straordinario interesse, popoli e etnie differenti, caratterizzati da grande vitalità, rimanendo in contatto a lungo con loro, anche a distanza. Nonostante tutto quello che accadeva nello Stato, a livello politico-amministrativo e nella società, nonostante le grandi e evidenti difficoltà di fare i conti con il passato sovietico, lo spirito del rinnovamento, le aspirazioni alla libertà e a vivere in un Paese radicalmente rinnovato erano in Russia vive ovunque. Soprattutto questo era molto visibile nelle dinamiche città siberiane, popolate di giovani attivi, intelligenti, con entusiasmo e di nuovi imprenditori. L'idea dello sviluppo moderno del turismo aperto al mondo era ad esempio la più chiara dimostrazione di queste aspirazioni. Negli Anni Novanta nelle immense periferie della Russia maturavano grandi fermenti e una voglia evidente di cambiamento, che si scontrava con rigidità ereditate dal passato e con strutture politico-burocratiche ingessate.

Contemporaneamente, tuttavia, si andavano incancrendo i problemi di fondo, che il Presidente Eltsin non è riuscito ad affrontare in tutta la loro gravità o che sono peggiorati perché sono stati usati strumenti politici e amministrativi che avevano un fine differente. Eltsin doveva fare i conti con debolezze e disfunzionalità dello Stato post-comunista, ormai incapace di assolvere a sue funzioni fondamentali e soprattutto con le conseguenze sociali del collasso. Erano tutti problemi vecchi, derivanti dall'imponente e onnipresente eredità sovietica e dalla difficoltà di superarla. Continuava una certa enfasi sul dominio dello Stato sulla società³, mentre non veniva presa in considerazione la sua inefficacia. Lo Stato russo che emerse come indipendente nel gennaio del 1992 era debole in quasi tutto, incluse le sue istituzioni politiche chiave. Nonostante l'incremento sotto Eltsin della cosiddetta *State capacity*, si trattava di pesanti patologie organizzative dello Stato: dalla burocrazia poco legata allo "Stato di diritto", al debole controllo sugli organi di *law enforcement*, all'insufficienza dei freni alla concentrazione del potere, che non consentivano di ostacolare la sua centralizzazione e alle permanenti possibilità che ne derivasse un governo autoritario, al rischio della fusione dei poteri e delle loro funzioni (anche per la continua e pur legittima paura di una restaurazione politica), alla mancata creazione di un efficiente regime di protezione dei *property rights*. Un sistema legale

³ Del resto questa ha sempre fatto da sfondo a molta letteratura storiografica. Si veda ad es. [Nettl 1968; Hosking 1997; Poe 2003], ecc.

funzionante (*rule of law*) era continuamente frenato dalle continuità del regime precedente, che impediva soprattutto un efficace sistema di limitazione e controllo legale del potere e della burocrazia. Il monopolio territoriale della violenza, nel senso di Max Weber⁴, finiva così per continuare a servire e proteggere gli interessi di chi governava e amministrava e non della società nel suo complesso [Elias 1988, p. 179–180], diventando sempre più appetibile per chi aspirava a controllarlo. Consolidare il potere e centralizzarlo (fino a far saltare nei fatti l'ordinamento federale e anche solo il suo rispetto formale) è molto differente dal migliorare la qualità della *governance* in uno Stato. Inoltre ha conseguenze prevedibili, dato che risponde a regolarità della politica.

La parola chiave che andava facendosi strada era: “sicurezza”. La classe politica, sfruttando una mentalità diffusa, proclamava come fine supremo il raggiungimento della sicurezza interna e verso l'esterno. Espandendo tutto ciò che serviva a raggiungerla e a tutelarla, al contempo veniva sfruttata per costruire uno Stato forte. Il problema che però in questo modo rimaneva aperto, di enorme importanza, era come prevedibile quello della protezione dalle possibili degenerazioni derivanti inevitabilmente da questo rafforzamento: la libertà del cittadino e la protezione dei *property rights*, indispensabile per lavorare e produrre ricchezza e benessere [De Soto 2000].

Il rafforzamento del potere statale, sempre più finalizzato all'ottenimento della sicurezza, nonostante i tentativi di contenerlo nell'azione dei *law enforcement organs*, già alla fine del periodo della presidenza Eltsin rivelava un rafforzamento del patrimonialismo, soprattutto nella pratica burocratica (con l'uso di criteri informali e personalistici nelle decisioni amministrative, piuttosto che criteri professionali oggettivi o standard legali-razionali), già esistenti nello Stato sovietico. I funzionari di Stato hanno continuato a promuovere il *self-interest* di breve periodo, invece che orientare la loro azione verso qualcosa di significativo e di utile alla società, un fine appagante e innovativo per cui lavorare, a favore del popolo intero.

Gli anni Novanta hanno visto una simbiosi fra una spinta energica di rinnovamento, che proveniva dalla società russa e una frenata, sia a causa della depressione politica e economica che per il fallimento delle riforme necessarie. Eltsin aveva cercato, mentre puntava a una fusione fra istituzione, di contenere la concentrazione del potere degli organi di *law enforcement*, ma senza riuscirci. Questa mancata riforma li ha resi sempre più indipendenti e utili solo per proteggere i detentori del potere da qualsiasi forza di opposizione, reale o anche solo potenziale.

⁴ Si veda: [Weber 1946, p. 78; Weber 1978, p. 54].

La mancata riforma federale

È stata però soprattutto la mancata riforma federale — ancora possibile anche sulla base di alcuni presupposti stabiliti nella Costituzione del 1993⁵ — quella che a mio avviso ha impedito un profondo rinnovamento della Russia post-sovietica. Il principio federale ha come sua ragione di fondo quella di mantenere una frammentazione della sovranità sul territorio, impedendo che il potere centralizzato si espanda e finisca per controllare tutto, fino a raggiungere, nelle sue manifestazioni estreme, forme di tirannide politica, imponendo a tutti decisioni uniformi, alle quali diventa sempre più impossibile resistere. Il federalismo moderno, sviluppato nell'ambito del Costituzionalismo, ha avuto come scopo principale proprio il contenimento dei pericoli di concentrazione del potere sovrano in poche mani e quindi di tirannide, fornendo lo strumento della separazione del potere su base territoriale e non solo funzionale (legislativo, esecutivo, giudiziario) nei termini di Montesquieu: divisione quest'ultima che è fallita in tutto il mondo, a causa della fusione e della sovrapposizione fra i poteri.

Questa necessaria divisione della sovranità sul territorio, per impedire le conseguenze più gravi della concentrazione del potere, è stata invece denunciata come una premessa certa e inevitabile della disintegrazione dello Stato territoriale. I governatori regionali sono stati visti come potenziali attori di una concentrazione locale di potere politico e economico, pericoloso per il potere centralizzato e i suoi interessi. La mancanza di un impianto istituzionale che stabilisse le prerogative e le rispettive limitazioni, anche nell'ambito del potere regionale e nel campo del *self-rule*, poteva in effetti rendere plausibile anche questo pericolo. Inoltre, c'era anche la paura di una dispersione territoriale del potere coercitivo, degli organi di *law enforcement*, che stimolerà in seguito la restaurazione della "verticale del potere", sebbene quella dispersione abbia anche fortemente complicato negli anni Novanta l'affermazione di una dittatura centralizzante. Questo problema invece ha favorito una tendenza costante alla ri-centralizzazione, che ha reso la Russia sempre più simile all'Unione Sovietica e al suo sistema di *sham federalism* (*Scheinföderalismus*), ponendo le premesse per il ritorno a uno Stato unitario di fatto.

In realtà il federalismo implica una delicata bilancia istituzionale, che deve far fronte alla continua tendenza del potere politico a centralizzare [Bednar, Eskridge, Ferejohn 2001]⁶. Necessita di una continua negoziazione, di garanzie costituzionali [Stepan 2001, p. 318–319], di istituzioni in grado di regolare le relazioni federali

⁵ Anche se il processo di „armonizzazione” (unificazione e centralizzazione) fra le leggi federali e quelle locali — una tecnica antifederale per eccellenza — era iniziato sotto la presidenza Eltsin, va ricordato che più di 2000 leggi sono state annullate negli anni Novanta dal Procuratore generale Yuri Shkuratov, perchè violavano la Costituzione. Il Cremlino di Eltsin aveva in realtà ben chiaro il problema [Kahn, Trochev, Balayan 2009].

⁶ Si veda anche: [Filippov, Ordeshook, Shevtsova 2004; De Figueireido, Weingast 2005].

(senza poteri esclusivi o relazioni gerarchiche) e di *checks and balances*. Ha bisogno dello sviluppo della società civile e del *rule of law*, che in Russia negli anni Novanta, a differenza di quanto stavano recuperando i Paesi dell'Europa Centrale, non avevano un radicamento [Read 2001, p. 235; McFaul 2001, p. 301-339]. Anche in Russia, come era avvenuto per la CIS, sarebbe stata necessaria nel 1992 una federalizzazione volontaria fra le diverse componenti del Paese, un "*holding together federalism*" [Stepan 1999] che sarebbe stato in grado di trasformare uno Stato unitario in una federazione. Le differenze territoriali nel funzionamento dell'apparato statale, indispensabili per articolare meglio l'azione di governo e amministrativa locali, si sono sviluppate negli anni Novanta, ma sono state frenate molto presto, in quanto viste come un ostacolo allo sviluppo del sistema statale.

Conclusioni

Contrariamente a un discorso molto diffuso, sia in Russia che in Occidente e in Italia in particolare, gli anni Novanta hanno rappresentato una grande opportunità di rinascita, di rinnovamento e di riscossa per la Russia post-sovietica. Non solo la "Primavera della Russia" (1991-1993) è stata un punto di svolta e di recupero per la dignità di popolo dei Russi etnici e per i popoli della Russia, intesa come Stato territoriale, ma anche tutti gli anni Novanta sono stati anni di notevole rinnovamento, di fermenti, di speranza e di ripresa effettiva di un Paese sottoposto per settant'anni a pressioni imponenti e a tutte le difficoltà create da un'economia pianificata. I diritti individuali e politici, la libertà di parola, di stampa, di movimento anche all'estero, di organizzazione avevano dato i loro frutti a partire dall'ultimo periodo sovietico [Read 2001, p. 237]. Quelle energie tuttavia si sono scontrate con fattori storici, ideologici, politico-amministrativi e anti-economici imponenti, che hanno frenato lo sviluppo di grandi potenzialità.

References

- Bednar, J., Eskridge, W. N. and Ferejohn, J. (2001), "A Political Theory of Federalism", in Ferejohn, J., Rakove, J. N. and Riley, J. (eds), *Constitutional Culture and Democratic Rule*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 223-267. DOI: 10.1017/CBO9780511609329.008.
- Custine, A. de (1843), *La Russie en 1839, en 4 vol.*, Wouters & Cie, Bruxelles.
- De Figueireido, R. and Weingast, B. R. (2005), "Self-Enforcing Federalism", *Journal of Law, Economics & Organization*, vol. 21, no. 1 (April), pp. 103-135. DOI: 10.1093/jleo/ewi005.
- De Soto, H. (2000), *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*, Basic Books, New York, 300 p.
- Elias, N. (1988), "Violence and Civilization: The State Monopoly of Physical Violence and Its Infringement", in Keane, J. (ed.), *Civil Society and the State: New European Perspectives*, Verso, London, pp. 177-198.
- Filippov, M., Ordeshook, P. C. and Shevtsova, O. (2004), *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*, Cambridge University Press, Cambridge, 398 p.

- Goussard, A.-M. (2009), *Des murs à abattre: Témoignage d'une militante engagée pour la liberté. Moscou, Vilnius, Kaliningrad, Jamba, Kiev*, L'Harmattan, Paris, 185 p.
- Hosking, G. A. (1997), *Russia: People and Empire. 1552-1917*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., xxviii, 548 p.
- Kahn, J., Trochev, A. and Balayan, N. (2009), "The Unification of Law in the Russian Federation", *Post-Soviet Affairs*, vol. 25, no. 4, pp. 310–346. DOI: 10.2747/1060-586X.24.4.310.
- Kotkin, S. (2001), *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000*, Oxford University Press, Oxford, xvi, 250 p.
- Kundera, M. (2022), *Un Occidente prigioniero. La tragedia dell'Europa centrale*, Premesse di Rupnik, J. e Nora, P., Traduzione di Pinotti, G., Adelphi, Milano, 85 p. (Piccola Biblioteca Adelphi, 776).
- Legan, I. (2001), *KGB — FSB. Vzglyad iznutri*, in 2 vols, Tsentrkniga, Moskva (in Russian).
- McFaul, M. (2001), *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*, Cornell University Press, Ithaca, NY, 384 p.
- Mikhaylenko, V. I. (2021), "Intellectual Reflections of the Early 1990s on the Topics of Post-Soviet Transition of Russia", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 116–139 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043.
- Murawiec, L. and Gaddy, C. C. (2002), The Higher Police: Vladimir Putin and His Predecessors, *The National Interest*, vol. 67 (Spring), pp. 29–36.
- Nettl, J. P. (1968), "The State as a Conceptual Variable", *World Politics*, vol. 20, iss. 4, pp. 559–592. DOI: 10.2307/2009684.
- Poe, M. (2003), *The Russian Moment in World History*, Princeton University Press, Princeton, Oxford, 144 p.
- Read, Ch. (2001), *The Making and Breaking of the Soviet System: An Interpretation*, Palgrave Macmillan, New York, 269 p.
- Stepan, A. (1999), "Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model", *Journal of Democracy*, vol. 10, no. 4 (October), pp. 19–34.
- Stepan, A. (2001), *Arguing Comparative Politics*, Oxford University Press, Oxford, New York, xi, 369 p.
- Weber, M. (1946), "Politics as a Vocation", in Gerth, H. H. and Wright Mills, C. (eds), *Max Weber: Essays in Sociology*, Oxford University Press, New York, pp. 77–128.
- Weber, M. (1978), *Economy and Society*, Roth, G. and Wittich, C. (eds), University of California Press, Berkeley, 1469 p.

Список литературы

- Леган 2001 — *Леган И. И.* КГБ — ФСБ. Взгляд изнутри : в 2 т. М. : Центркнига, 2001.
- Михайленко 2021 — *Михайленко В. И.* Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 4. С. 116–139. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043.
- Bednar, Eskridge, Ferejohn 2001 — *Bednar J., Eskridge W. N., Ferejohn J.* A Political Theory of Federalism // *Constitutional Culture and Democratic Rule* / ed. by J. Ferejohn, J. N. Rakove, J. Riley. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 223–267. DOI: 10.1017/CBO9780511609329.008.
- Custine 1843 — *Custine A.* La Russie en 1839 : en 4 vol. Bruxelles : Wouters & Cie, 1843.
- De Figueireido, Weingast 2005 — *De Figueireido R., Weingast B. R.* Self-Enforcing Federalism // *Journal of Law, Economics & Organization*. 2005. Vol. 21. No. 1 (April). P. 103–135. DOI: 10.1093/jleo/ewi005.
- De Soto 2000 — *De Soto H.* The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. New York : Basic Books, 2000. 300 p.
- Elias 1988 — *Elias N.* Violence and Civilization: The State Monopoly of Physical Violence and Its Infringement // *Civil Society and the State: New European Perspectives* / ed. by J. Keane. London : Verso, 1998. P. 177–198.

- Filippov, Ordeshook, Shevtsova 2004 — *Filippov M., Ordeshook P. C., Shevtsova O.* Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 398 p.
- Goussard 2009 — *Goussard A.-M.* Des murs à abattre: Témoignage d'une militante engagée pour la liberté. Moscou, Vilnius, Kaliningrad, Jamba, Kiev. Paris : L'Harmattan, 2009. 185 p.
- Hosking 1997 — *Hosking G. A.* Russia: People and Empire. 1552-1917. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1997. xxviii, 548 p.
- Kahn, Trochev, Balayan 2009 — *Kahn J., Trochev A., Balayan N.* The Unification of Law in the Russian Federation // Post-Soviet Affairs. 2009. Vol. 25. No. 4. P. 310-346. DOI: 10.2747/1060-586X.24.4.310.
- Kotkin 2001 — *Kotkin S.* Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000. Oxford : Oxford University Press, 2001. xvi, 250 p.
- Kundera 2022 — *Kundera M.* Un Occidente prigioniero. La tragedia dell'Europa centrale / Premesse di J. Rupnik, P. Nora ; Traduzione di G. Pinotti. Milano : Adelphi, 2022. 85 p. (Piccola Biblioteca Adelphi, 776).
- McFaul 2001 — *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2001. 384 p.
- Murawiec, Gaddy 2002 — *Murawiec L., Gaddy C. C.* The Higher Police: Vladimir Putin and His Predecessors // The National Interest. 2002. Vol. 67 (Spring). P. 29-36.
- Nettl 1968 — *Nettl J. P.* The State as a Conceptual Variable // World Politics. 1968. Vol. 20. Iss. 4. P. 559-592. DOI: 10.2307/2009684.
- Poe 2003 — *Poe M.* The Russian Moment in World History. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2003. 144 p.
- Read 2001 — *Read Ch.* The Making and Breaking of the Soviet System: An Interpretation. New York : Palgrave Macmillan, 2001. 269 p.
- Stepan 1999 — *Stepan A.* Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. No. 4 (October). P. 19-34.
- Stepan 2001 — *Stepan A.* Arguing Comparative Politics. Oxford, New York : Oxford University Press, 2001. xi, 369 p.
- Weber 1946 — *Weber M.* Politics as a Vocation // Max Weber: Essays in Sociology / ed. by H. H. Gerth, C. Wright Mills. New York : Oxford University Press, 1946. P. 77-128.
- Weber 1978 — *Weber M.* Economy and Society / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley : University of California Press, 1978. 1469 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 5.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 22.07.2022

Информация об авторе

Витале Алессандро
доктор политологии, доцент
Миланский университет
20122, Италия, Милан,
л. Консерватории, 7
E-mail: alessandro.vitale@unimi.it
Авторский ORCID: 0000-0001-7016-5722

Information about author

Vitale, Alessandro
Ph.D., Associate Professor
University of Milan
7 via Conservatorio, Milan, 20122 Italy
E-mail: alessandro.vitale@unimi.it
Author's ORCID: 0000-0001-7016-5722

Однополые браки: contra + pro = проблема

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья авторитетного ученого-правоведа Михаила Александровича Краснова, посвященная дискуссии с позицией Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ оспорил решения российских судов по проблеме брака однополых пар), заинтересовала редакцию «Койнона» как острой дискуссионной актуальностью темы, так и своеобразием концептуальной позиции автора. Михаил Александрович не ограничился чисто, или имманентно, правовой, логико-юридической стороной вопроса, а нашел аргументы в сфере экстра- или доюридических, а именно морально-нравственных оснований права; отказ от них при принятии решения ЕСПЧ, по мнению М. А. Краснова, угрожает фундаментальным основам европейской (христианской в своем генезисе и базисе) правовой культуры.

Как и заведено в нашем журнале, статья М. А. Краснова была отправлена двум рецензентам. Оба отметили актуальность статьи, ее высокий профессиональный уровень, оригинальность и значимость высказанной автором позиции и единодушно рекомендовали статью анонимного (для них) автора в печать. В то же время в одной из рецензий были высказаны уважительные по форме, но, по мнению редакции, весьма существенные и интересные для читателя в контексте дискуссий по теме возражения позиции М. А. Краснова. Считая, что с точки зрения целей науки и с учетом социально-практической значимости решения непростой проблемы будет правильно представить в журнале обе принципиальные позиции — как contra, так и pro, мы предложили и автору рецензии Алексею Павловичу Семитко высказаться на страницах «Койнона». Вместе со статьей М. А. Краснова публикуем и статью А. П. Семитко. А в заключение данного раздела, в качестве послесловия к дискуссии, публикуется текст Л. А. Закса, в котором он оценивает и проблему однополых браков, и «нашу» дискуссию с позиции культурологии, не совпадающую полностью с видением юридической науки, а — в силу собственной специфики — дающую собственное видение проблемы и — еще в большей степени — проблемной ситуации и ее контекста.

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.015
УДК 341.645.5:342.7:314.5

АКСИОМЫ, РАЗРУШАЮЩИЕ ПРАВО

М. А. Краснов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается решение Европейского суда по правам человека по делу о правомерности отказа российских властей в регистрации брачных отношений трем однополым парам. В первой части автор подвергает критике это решение, поскольку считает, что Европейский суд (ЕСПЧ) основывает свои доводы и выводы, применяя новую аксиоматику. Развитие права, в том числе в сторону гуманизации — процесс естественный и даже необходимый. Но, по мнению автора, этот процесс имеет границы, пересматривать которые опасно, прежде всего, для самого права, ибо ради свободы индивидуального выбора в жертву приносятся некоторые социальные институты, которые составляют опору общества. Среди новых аксиом, на которых ЕСПЧ основывает свои решения, автор выделяет следующие: государство обязано обеспечивать основные права и свободы, касающиеся личной и семейной жизни, не вдаваясь в моральный контекст; апелляция государства к моральным императивам в сфере личной и семейной жизни является дискриминацией; практически не существует границ между понятиями «личная (частная) жизнь» и «семейная жизнь», наконец, человек имеет право на любой выбор, ибо он является хозяином (полным и исключительным собственником) своего тела. Во второй части статьи предпринята попытка обосновать критику решений ЕСПЧ, защищающих право на создание юридически значимых однополых союзов. Основная мысль автора сводится к тому, что европейское право выросло на основе христианской этической системы и размывание моральных императивов, свойственных этой системе, служит размыванию и последующему разрушению самого права.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), право, однополые пары, общественная нравственность, христианская этическая система, моральная нейтральность, дискриминация.

Для цитирования: Краснов М. А. Аксиомы, разрушающие право // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 39–55. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.015

AXIOMS THAT DESTROY THE LAW

M. A. Krasnov

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Abstract: The article deals with the decision of the European Court of Human Rights in the case about the legality of the refusal of Russian authorities to register marriage relations for three same-sex couples. In the first part, the author criticizes this decision, as he believes that the European Court of Justice (ECHR) bases its arguments and conclusions on a new axiomatics. The development of law, including in the direction of humanization, is a natural and even necessary process. But, in the author's opinion, this process has limits, and to revise them is dangerous, first of all, for the law itself, because for the freedom of individual choice, some social institutions, which are the pillars of society, are sacrificed. Among the new axioms on which the ECHR bases its decisions, the author singles out the following: the state is obliged to ensure basic rights and freedoms concerning private and family life, without going into the moral context; the state's appeal to moral imperatives in the sphere of private and family life is discrimination; there are virtually no borders between the concepts of personal (private) life and family life; finally, the person has the right to any choice, because he is the owner (the complete and exclusive owner) of his body. The second part of the article attempts to justify the criticism of the ECHR decisions that protect the right to form legally significant same-sex unions. The author's main point is that European law grew up on the basis of the Christian ethical system and the erosion of the moral imperatives inherent in this system serves the erosion and subsequent destruction of the law itself.

Keywords: European Court of Human Rights (ECHR), law, same-sex couples, public morality, Christian ethical system, moral neutrality, discrimination.

For citation: Krasnov, M. A. (2022), "Axioms that Destroy the Law", *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 39–55 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.015

Но дошло до миллиарда —
повернулось колесо,
появились Леонардо,
Просвещение, Руссо,
научились мыть посуду,
гладко складывать слова...
Где-то, хоть и не повсюду,
соблюдаются права,
сокращаются бесчинства,
умягчился Божий гнев,
уважаются меньшинства,
совершенно обнаглев...

Дм. Быков. Числительное

1.

Право появилось одновременно с творением человека, которому была предоставлена широчайшая свобода, но установлен единственный запрет, а также санкция за его нарушение: «...а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2: 17). Собственно, в этих словах заключена известная юристам классическая структура правовой нормы: гипотеза — диспозиция — санкция.

Все право так и заключалось бы в этой норме, а потому его, права, как бы не существовало. Но после нарушения запрета — грехопадения — коренным образом изменилась антропология. И тогда понадобилась уже целая система запретов и наказаний за их нарушение. Понадобилась для того, чтобы род человеческий не истребил сам себя — для того, чтобы слабый был хоть как-то защищен от сильного. Именно поэтому право можно считать самым благородным феноменом. Х. Ортега-и-Гассет писал: «Либерализм — правовая основа, согласно которой Власть, какой бы всесильной она ни была, ограничивает себя и стремится, даже в ущерб себе, сохранить в государственном монолите пустоты для выживания тех, кто думает и чувствует наперекор ей, то есть наперекор силе, наперекор большинству. Либерализм — и сегодня стоит об этом помнить — предел великодушия; это право, которое большинство уступает меньшинству, и это самый благородный клич, когда-либо прозвучавший на Земле» [Ортега-и-Гассет 2002, с. 73].

Но право — весьма уязвимое явление. И наибольший ущерб ему может нанести, как это ни удивительно, не правонарушители, а суд. Ведь это институция, призванная быть живым воплощением права. Всякому очевидно, что право страдает, если судьи нарушают процессуальные правила и отбрасывают требования беспристрастности и непредвзятости, вынося неправосудные решения. Но далеко не все понимают, что еще большая опасность, если суд, строго соблюдающий закон, в основу своего решения кладет некие аксиомы,

которые создают условия для разрушения самого права. Особую опасность такие решения приобретают, если они выносятся высшими и международными судами, поскольку такие решения освящены их высоким авторитетом и не могут быть обжалованы. В силу высокой квалификации судей правовой порок в их решениях крайне трудно разглядеть.

Пример того, как это происходит, демонстрирует *решение Европейского суда по правам человека по делу Федотова и другие против России от 13 июля 2021 г.* [ECtHR 2021], в котором Суд признал, что Российская Федерация нарушила ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [О ратификации Конвенции 1998], поскольку ее законодательство не предусматривает возможность официальной регистрации однополых союзов. Это не первое решение Суда по данной проблеме, но первое, вынесенное в отношении Российской Федерации.

Трем однополым парам российские отделы ЗАГС отказали в регистрации брака, ссылаясь на ст. 1 Семейного кодекса РФ, определяющую брак как добровольный союз мужчины и женщины; соответствующие судебные инстанции отклонили иски заявителей, оспаривавших данные решения. Заявители утверждали, что невозможность вступить в брак или иным образом получить официальное признание их отношений нарушает их право на уважение семейной жизни (ст. 8 Конвенции) и образует дискриминацию по признаку сексуальной ориентации (14 Конвенции).

Европейский суд отметил, что он признает свободу усмотрения государства в выборе наиболее подходящей формы регистрации однополых союзов с учетом его специфического социального и культурного контекста (например, гражданское партнерство, гражданский союз). Однако в настоящем деле государство вышло за пределы этой свободы, поскольку внутренне право не предусматривало никакой правовой основы для защиты отношений заявителей как однополых пар. По мнению Суда, предоставление заявителям доступа к официальному признанию статуса их пар в иной форме, кроме брака, не будет противоречить «традиционному пониманию брака», преобладающему в России, или взглядам большинства населения, на которые ссылается государство, поскольку оно выступает только против однополых браков, но не других возможных форм юридического признания однополых союзов¹. В связи с этим Суд признал нарушение ст. 8 Конвенции (п. 56). Принимая данное решение, Европейский

¹ При этом Суд сослался на опыт других стран: 16 государств — участников Конвенции (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Исландия, Ирландия, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция и Соединенное Королевство) юридически признают однополые браки; и еще 14 государств (Андорра, Хорватия, Кипр, Чешская Республика, Эстония, Греция, Венгрия, Италия, Лихтенштейн, Монако, Черногория, Сан-Марино, Словения и Швейцария) юридически признают ту или иную форму гражданского союза для однополых пар (п. 29).

суд основывался на позициях, которые уже были сформулированы в других его решениях. *О каких же новых аксиомах идет речь?*

В данном случае имею в виду лишь одну аксиому: *человек имеет право на любой выбор, ибо он является хозяином (полным и исключительным собственником) своего тела*. Соответственно, нормы общественной морали в этом отношении должны быть пересмотрены, а, соответственно, следует изменить и правовые позиции. О некоторых из них я и хочу сказать.

Государство обязано обеспечивать основные права и свободы, касающиеся личной и семейной жизни, не вдаваясь в моральный контекст. Европейский суд не обязывает государство признавать однополый союз браком «в традиционном понимании» (и в понимании ст. 12 Конвенции), но утверждает, что такое сожителство *должно в какой-либо форме юридически признаваться*. Представляется, что ст. 8 Конвенции не дает оснований для такого вывода. В п. 1 данной статьи провозглашается право на уважение частной и семейной жизни, но в п. 2 смысл слова «уважение» раскрывается именно как невмешательство в личные и семейные отношения за исключением случаев, когда это необходимо для защиты перечисленных в ней интересов и прав. Однако Европейский суд не сводит «уважение» к «невмешательству» и из этого выводит свою позицию. В п. 44 решения по делу Федотовой он указывает, что хотя основной целью ст. 8 является защита людей от произвольного вмешательства со стороны публичных властей, она также может налагать на государство определенные позитивные обязательства по обеспечению эффективного уважения защищаемых ею прав². Эти обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения частной или семейной жизни даже в сфере отношений между людьми, в том числе позитивные обязательства по созданию правового регулирования, гарантирующего эффективное осуществление предусмотренных прав.

Хотя Европейский суд подчеркивает, что, понятие «уважение» не является четким, особенно в том, что касается позитивных обязательств, тем не менее в данном деле он счел значимым то воздействие, которое оказывают на заявителя ситуации несоответствия между социальной реальностью и правом (п. 45). По мнению Суда, позитивные обязательства государства включают в себя юридическое признание однополых союзов (пусть и не обязательно в качестве брака), поскольку, в противном случае, по его мнению, однополые пары не смогут решать возникающие практические проблемы таким же образом, что и лица,

² Здесь и далее опускаются ссылки Суда на свои предыдущие решения, где были обоснованы соответствующие позиции. Наличие у государств позитивных обязательств признается Судом давно (например [ECtHR 1979]).

состоящие в браке. В частности, они будут лишены доступа к жилищным или финансовым программам, а также возможности посещения своих партнеров в больнице, гарантий в уголовном процессе (право не свидетельствовать против партнера), права наследовать имущество умершего партнера (п. 51).

Представляется, что ст. 8 Конвенции имела в виду исключительно обязанность государства «оставить в покое» граждан в их частной жизни (до тех пор, пока это не наносит вред иным защищаемым правам и интересам). Даже если согласиться с тем, что «уважение» частной жизни предполагает позитивные обязательства государства, то эти обязательства, по смыслу ст. 8, могут касаться лишь обеспечения защиты частной жизни от чьего-либо вмешательства³. Например, на Четвертой Европейской конференции по насилию в семье, проведенной в Любляне в сентябре 2021 года [ECDV 2021], приводились факты убийств на Кавказе девушек (причем, нередко родственниками) в связи с тем, что кто-то выкладывал в сеть компрометирующие их видео или даже если распространялись в отношении их компрометирующие слухи. Здесь позитивные обязательства государства по защите таких женщин жизненно необходимы.

Апелляция государства к моральным императивам в сфере личной и семейной жизни является дискриминацией. В решении Европейского суда (п. 26) в качестве одного из оснований его выводов приводятся выдержки из резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы от 10 октября 2018 года № 2239 «Частная и семейная жизнь: достижение равенства независимо от сексуальной ориентации» [Council of Europe 2018], которая призывает государства-члены обеспечить правовую базу для признания и защиты однополых союзов (п. 4.3.1). Суд также сослался (п. 28) на Информационный бюллетень по вопросам ЛГБТИ Европейской комиссии против расизма и нетерпимости, выпущенный 1 марта 2021 г. [Council of Europe 2021], где отмечалось, что власти должны обеспечить правовую базу, обеспечивающую официальное и юридическое признание и защиту отношений однополых пар без какой-либо дискриминации, чтобы они могли решать практические проблемы, возникающие в социальной реальности, в которой они живут. Кроме того, необходимо изучить, существует ли объективное и разумное обоснование любых различий в регулировании отношений супружеских и однополых пар, и отменить любые такие необоснованные различия (п. 6).

Сегодня никто открыто не выступает против принципа равенства. Возражения бывают связаны с тем, что под его действие попадает не любой социальный, гендерный и иной статус индивида. В этом смысле Европейская

³ Эта проблематика хорошо разработана в немецкой доктрине: «Право на защиту и государственная обязанность защищать — это противоречивые, разновекторные функции основных прав, обеспечивающих свободу. Они гарантируют идентичное конституционное благо от посягательств, которые грозят с разных сторон, как от публичной власти, так и от частных лиц» [Государственное право Германии 1994, с. 188].

комиссии против расизма и нетерпимости правильно говорит о необходимости изучить, существует ли объективное и разумное обоснование любых различий в регулировании отношений супружеских и однополых пар. Однако на самом деле Комиссия имела в виду конкретное проявление этого принципа: однополые пары, отношения которых юридически не признает государство, подвергаются дискриминации. Так ли это?

Европейский суд утверждает, что регистрация однополых союзов никаким образом не наносит ущерб традиционным институтам семьи и брака, отмечая, что он не усматривает каких-либо рисков для традиционного брака в связи с официальным признанием однополых союзов, поскольку это не препятствует разнополым парам вступать в брак или пользоваться преимуществами, которые брак предоставляет (п. 54).

Разумеется, признание однополых союзов не будет препятствовать созданию традиционных семей. Однако сосуществование традиционного института семьи и института однополого партнерства, претендующего на статус семьи, размывает и подрывает социальную значимость института семьи.

Люди, разумеется, могут считать семьей или равноценным семье любое сочетание биологических особей, а может быть, и не биологических (прогресс способен дойти до самых немислимых объединений, построенных на «любви»⁴). Однако у публично организованного общества — государства тоже есть некие аксиоматические позиции. Оно, разумеется, может их менять, должно менять, да и меняет. Но только если это не подрывает некие ценности, на которых государство (по крайней мере, в евро-атлантической, т. е. христианской цивилизации) основано и стоит. А институты брака и семьи — едва ли не главная его основа. Так что государство вправе и даже обязано не распространять правосубъектность на союзы, которые извращают смысл брака, стремясь походить именно на семейный союз.

ЕСПЧ утверждает, что однополые «пары» «так же способны, как и разнополые пары, вступать в отношения. Они находятся в аналогичной ситуации с разнополой парой в том, что касается их потребности в официальном признании и защите своих отношений» (п. 48). Суд не вдается в доказательства, почему должно быть равенство в *государственном признании* семейных и однополых союзов. Все сводится лишь к тому, что оба союза находятся в «*аналогичной ситуации*». Но в «аналогичной ситуации» находятся или через какое-то время будут находиться и другие союзы. Из чего же следует, что государство должно содействовать удовлетворению практических потребностей *любого* союза? Это, конечно, можно счесть авторской фантазией и сказать, что в данном случае речь не идет о противоправных союзах. Но в том и драма, что ныне уже невозможно предугадать, где остановится правовая лояльность, ибо и нынешнюю

⁴ Фильм «Двухсотлетний человек» (1999, реж. К. Коламбус) — яркая иллюстрация этого.

проблему невозможно было представить себе в качестве спора с государством лет сто назад.

Разумеется, какое-то государство может признать и однополый союз институтом, подобным семье или собственно семьей, но отказ признавать такой союз институтом никак не может считаться дискриминацией в смысле ст. 14 Конвенции. Хотя она, перечисляя критерии для установления факта дискриминации (пол, возраст, раса и др.), говорит, что недопустима дискриминация «по любым иным признакам», *однополый союз нельзя отнести к такому «иному признаку»*. Во времена разработки и принятия Конвенции, да и долгое время после этого никому в голову не приходило, что может появиться *такой* «признак» дискриминации. Как не приходило в голову, что можно извратить смысл ст. 12 Конвенции, опираясь на нечеткость ее редакции. Эта статья, напомним, гласит: «*Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права*». Раньше это однозначно читалось как брак *только* между мужчиной и женщиной. Но сегодня это уже далеко не однозначно, поскольку редакция статьи напрямую не указывает на это.

Суд допускает, на наш взгляд, еще одну малозаметную подмену: *индивид приравнивается к институции* под предлогом того, что речь идет о правах лиц, живущих в однополном партнерстве. Это именно предлог, так как спор ведется именно о признании союза. Но ст. 14 Конвенции говорит именно об индивидах.

Помимо прочего, ЕСПЧ говорит о том, что признание статуса подобных союзов «в иной форме, кроме брака» не будет противоречить «*взглядам большинства*, на которые ссылается Правительство» (п. 56). Действительно, российская сторона апеллировала в том числе и к общественному мнению, национальным традициям. В Решении ЕСПЧ говорится, что, например, Липецкий облсуд отклонил апелляцию одной из «пар» в том числе потому, что аргументы заявителей «противоречат устоявшимся национальным традициям». Но, главное, в качестве аргумента от имени Российской Федерации приводятся цифры опроса ВЦИОМ, показывающие рост отрицательного отношения российских граждан к однополым бракам. К слову говоря, такая аргументация лишает принципиальности позицию, представленную от имени России. Однако любопытно, как ЕСПЧ ответил на упоминание об этом общественном неприятии. Данные социологических опросов, по мысли Суда, можно было бы принять как аргумент, если бы общественная поддержка была оказана «*в пользу расширения* сферы действия гарантий Конвенции», и, напротив, общественным мнением следует пренебречь, когда оно «используется для того, чтобы лишить значительную часть населения доступа к основному праву на уважение частной и семейной жизни» (п. 52).

Границ между понятиями «личная (частная) жизнь» и «семейная жизнь» практически не существует. Из этого исходят заявители, а Суд

подтвердил такое понимание. В частности, он признал, что «факты настоящего дела *подпадают под сферу „частной жизни“ заявителей, а также „семейной жизни“ по смыслу статьи 8 Конвенции»* (п. 41). Однако эта статья неслучайно и совершенно обоснованно разводит оба понятия. Они, хотя и пересекаются, но означают *разные явления*. Личная жизнь может относиться только к *конкретному лицу*, но не к коллективному субъекту, каковым является семья. Больше того, оба этих основных права могут даже вступать в конфликт между собой. Неприкосновенность частной жизни охраняется и *внутри семьи*. И не только нормами морали⁵, но и законодательством многих европейских стран, да и решениями того же ЕСПЧ.

Ранее Европейский суд, надо отметить, гораздо более четко разделял частную и семейную жизнь. И гомосексуальные отношения рассматривал именно как проявления частной жизни. Да и позитивные обязательства государства воспринимал более узко, нежели сейчас. Например, в упомянутом выше деле Риз против Соединенного Королевства судьи признали, что «сам факт отказа внести изменения в реестр актов гражданского состояния и выдать [человеку, сменившему пол] новое свидетельство о рождении, содержание которого отличается от данных, зафиксированных в реестре, не может рассматриваться как вмешательство (п. 35)» [Стандарты Совета Европы 2002, с. 179]. Правда, это были времена (1980-е гг.), когда вопрос ставился вообще о правомерности/неправомерности юридического преследования гомосексуальных отношений [Там же, с. 177].

Хотя законодательство ряда стран юридически приравнивает однополые союзы к семье, ЕСПЧ пока не настаивает на отождествлении этих понятий. Но постепенно его решения эволюционируют в эту сторону. Между тем Суд, как раз опираясь на ст. 8 Конвенции, мог бы твердо противостоять развитию этого процесса и признать, что создание однополых союзов не является созданием семьи.

2.

Высказанная здесь критика позиций, выведенных или поддержанных ЕСПЧ, может выглядеть не очень убедительно, если рассматривать ее с позиций имморализма, т. е. если пренебречь *фактором нравственности*. Между тем ст. 8 Конвенции дает все основания для рассмотрения дела через призму охраны нравственности, ибо ч. 2 этой статьи называет интересы (ценности), ради защиты которых *можно нарушить* право на уважение (неприкосновенность)

⁵ Например, нельзя читать письма, адресованные пусть близкому, но другому человеку. Впрочем, тут моральная ситуация усложняется, если такое чтение связано, допустим, с желанием оградить ребенка от чьих-то преступных намерений.

личной и семейной жизни государством. И среди этих ценностей — нравственность (имеется в виду общественная нравственность). В таком случае исключение, предусмотренное ч. 2 ст. 8 Конвенции, должно позволить государству ради охраны общественной нравственности не только действовать — осуществить вмешательство в личную и семейную жизнь, но и бездействовать — отказаться от правового признания однополых союзов. Однако к этой норме не апеллировала ни российская сторона, ни сам Суд⁶.

Разумеется, можно согласиться с тем, что понятие «нравственность» довольно расплывчатое и что им легко спекулировать. Но ведь столь же расплывчато и еще более спекулятивно понятие «безопасность». Разумеется, есть весьма спорные случаи апелляций к категории нравственности. Но все же, как правило, общество понимает, что стоит за ней, в противном случае вряд ли многие конституции упоминали бы об этой ценности. Например, Основной закон ФРГ говорит о «нравственном законе» как ограничителе права на свободное развитие своей личности (ст. 2); Конституция Индии — о разумных ограничениях «в интересах приличия и морали» (ст. 19); Конституция КНР — об обязанности уважать нормы общественной морали (ст. 53); Конституция Японии — об «опасности для морали» как об одном из условий закрытого судебного разбирательства (ст. 82); Конституция Италии — о «моральном равенстве супругов» (ст. 29); Конституция Кипра — о «морально позорящем проступке» как препятствии для выдвижения кандидатуры на посты Президента и Вице-президента страны (ст. 40); Конституция Бельгии — об «уважении нравственной неприкосновенности» ребенка (ст. 22 bis); Конституция Бразилии — об «уважении моральной неприкосновенности» заключенных (ст. XLIX); а Конституция Таиланда упоминает даже о «высокой нравственности» в качестве ограничительного условия прав и свобод человека (статьи 28, 36, 37, 43, 49, 50, 64).

Общественная нравственность является охраняемой государством ценностью потому, что, во-первых, *вне определенной этической основы право не может существовать*, а, во-вторых, *исторически обусловленная моральная система обеспечивает как национальную, так и цивилизационную идентичность данного общества*.

В древности система моральных регуляторов фактически представляла собой одновременно и систему права. Как справедливо заметил известный библиист XIX века А. П. Лопухин, «область права, в сущности, есть вместе

⁶ Слово «нравственность» употреблено в решении ЕСПЧ лишь два раза: при цитировании самой ст. 8 Конвенции и при изложении позиции российской стороны, но только в связи с защитой несовершеннолетних от пропаганды гомосексуализма. А слово «мораль/моральный» фигурирует четыре раза: три из них в сочетании «моральный вред», компенсации которого требовали заявители (Суд удовлетворил их требование, обязав Российскую Федерацию выплатить по 50 000 евро каждой «паре» заявителей) и один раз в связи со ссылкой на российское общественное мнение.

и область нравственности; *в основе своей они тождественны*» [Лопухин 2005, с. 5]. Само понятие «закон» в Древнем Израиле⁷ означало как чисто «религиозные», так и «житейские» (моральные и правовые) предписания. Но такая дифференциация возможна лишь с *современных* позиций, когда моральные нормы отделились от религиозных, а правовые — от моральных. Тот же Лопухин писал, что «благодаря особенной жизненности религиозного начала *чисто нравственные правила могут иметь значение вполне юридических постановлений*». Поэтому-то в Десятисловии, напр., наряду с *чисто юридическими постановлениями*: „не убей“, „не укради“, стоят чисто нравственные правила: „не пожелай жены искреннего (ближнего. — М.К.) твоего“ и пр. и для народа они имели *одинаковую обязательную силу*» [Там же]. Примерно в том же ключе рассуждает и А. М. Осавелюк, который разбил десять заповедей на две условные группы: «небесные» и «земные», а вторую группу, в свою очередь, — на «моральные императивы» и «важнейшие постулаты права». При этом к первым он относит заповеди о почитании родителей, запреты прелюбодеяния и зависти, а ко вторым — запреты убийства, хищения и лжесвидетельства [Осавелюк 2010, с. 137]. Известный историк права Гарольд Берман, критикуя А. Даймонда, считавшего, что «большая часть древнееврейского ветхозаветного права является также „светским правом“, абсолютно отличным от религии», верно заметил: «Древние евреи никогда не признавали такого отличия и осудили бы его; для них каждое слово Библии было священо» [Берман 1998, с. 89].

Синкретичность морали и права вообще характерна для древности и античности. Характерно в этом отношении, например, законодательство Юстиниана (VI в.), содержащее немало норм в защиту нравственности. Современный исследователь А. Геростергиос приводит такой пример: «Хотя преступники и могли искать убежища в церкви, Юстиниан в новелле XVII (535) приказал, чтобы это убежище не предоставлялось прелюбодеям, насильникам и торговцам проститутками, так как, согласно убеждениям, убежище Церкви создано не для злодеев, а для невинных: *„Привилегия получения убежища в храмах дается не преступникам, но несправедливо пострадавшим. Нельзя, чтобы в священных местах могли получать защиту и те, кто творит зло, и те, кто от него страдает“*» [Геростергиос 2010, с. 271].

По мере развития европейской цивилизации (в духовном смысле — по мере религиозной энтропии) право и мораль все более и более обретают признаки самостоятельных регулятивных систем, а мораль, в свою очередь, начинает разделяться на религиозную и светскую. Процесс этот, нужно заметить, не был

⁷ Корни европейской цивилизации растут из новозаветной этики, которая, в свою очередь, не противопоставляется *этике ветхозаветной, а является ее более высокой нравственной ступенью*.

простым. Так, в XVI веке среди сторонников Реформации разгорелся спор, названный «антиномистским»⁸. Лидер антиномистов — ученик и друг Мартина Лютера Иоганн Агрикола — «считал, что провозглашение Закона относится к компетенции не Церкви, но магистрата или светской власти („Десять заповедей уместны в уголовном суде, но не в Церкви“, — утверждал он)» [Корзо 2012, с. 372]. Такой взгляд основывался на обоснованном ранним Лютером положении, будто христианин спасается только верой, а не делами, а потому не нуждается ни в каких делах и, соответственно, не связан никакими заповедями и законами [Там же, с. 372–373]. Однако позже Лютер смягчил эту позицию и выступил с осуждением взглядов Агриколы. В конечном итоге «в пастырской и педагогической практике лютеран изменение отношения к роли Декалога проявилось в акцентировании его *нравственно-дисциплинирующей функции*» [Там же, с. 373]. Больше того, подпись Лютера стоит под документом («Judicium», 1536 г.), где говорится, что именно светская власть есть «хранитель обеих таблиц Декалога» [Там же, с. 376–377], т. е. заповедей, обращенных как к духовной, так и к бытовой жизни. А спустя век светские власти (в Англии и в Новой Англии) начали даже преследовать тех, кто отрицал обязательность следовать предписаниям Декалога. Они рассматривались как угроза социальному миру [Там же, с. 378].

Итак, *мораль как регулятивная система не только породила право, но и по сей день остается, образно говоря, резервуаром для него*. Является ли это достаточным основанием для правовой охраны норм нравственности? Если применить «поэтическую» логику, ответ будет утвердительным: охраняя моральные нормы, право как бы отдает свой долг «материнскому лону». Такой логики придерживались, например, такие видные российские правоведы и философы конца XIX — первой трети XX века, как А. П. Лопухин, В. С. Соловьев, А. С. Ященко, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин и др. Однако в наши дни такая связь зачастую отвергается.

Противники «морализации» права выступают не против нравственности как системы регулирования, а только против «официальных контактов» морали и права. Их позиция обосновывается опасениями, что правовая охрана нравственности, с одной стороны, ведет к уничтожению личной моральной ответственности, с другой — угрожает свободе личности (например [Чичерин 1998, с. 152]). Иначе обосновывают имморализм представители *либертарианства* (либертаризма). Они понимают гарантии свободы как *физическое* невмешательство в жизнь индивида и выступают за максимальное сокращение возможностей государственной охраны публичных ценностей. Так, Дэвид Боуз категорически заявляет: «Каковы пределы свободы? Вывод

⁸ От лат. *anti* — против и греч. *nomos* — закон. Под Законом понимался, в первую очередь, именно Декалог.

из либертарианского принципа, гласящего, что „каждый человек имеет право жить так, как он считает нужным, если он не нарушает равные права других“, таков: *ни у кого нет права совершать агрессию в отношении человека или чьей-либо собственности* (курсив в источнике. — М. К.). Это то, что либертарианцы называют аксиомой неагрессии, являющейся главным принципом либертарианства» [Боуз 2004, с. 84].

При всем различии оттенков подхода либертарианцев к идее нравственного измерения права, они сходятся в одном: правовая охрана нравственности есть покушение на свободу личности, поскольку оперирование государства моральными категориями посредством позитивного правового регулирования и правоприменения обуславливает потестарный тип властвования. Правовой же тип, по их мнению, возможен только при либертарном правопонимании [Варламова 2003, с. 97; Четвернин 2009, с. 42; Лапаева 2010, с. 54].

Антитоталитарный пафос либертарианства нельзя не приветствовать. Однако категорически отнимая у права функцию охраны нравственности, полностью разъединяя понятия морали и права, эта концепция объективно разрушает право.

Представим, что право вообще не апеллирует к нормам морали. Станут ли граждане исполнять юридические предписания и соблюдать юридические запреты? При сохранении хотя бы нынешнего уровня свободы *не станут*, ибо сама сущность права предполагает внутреннее согласие с некими моральными императивами. Современная система регулирования поведения рухнет.

Правовая (конституционно-правовая) апелляция к нравственным категориям в процессе ограничения прав и свобод личности необходима не только не меньше, чем апелляция к иным ценностям общего блага — безопасности государства, его территориальной целостности, демократии и др., но и в чем-то даже больше, ибо *нравственность — это ценность, не просто скрепляющая общество, но и ограждающая его от одичания — от крушения права и государственности*. Представьте, например, что запреты посягать на свободу, здоровье, жизнь человека обосновываются не нравственными идеями, а, допустим, подрывом экономической эффективности. Тогда завтра можно будет доказать, что убивать людей, относящихся к определенной категории, не только можно, но и, с точки зрения экономики, даже полезно.

Апелляция к моральным нормам подразумевает, в рамках евро-атлантической цивилизации, апелляцию к *христианской* этической системе. Почему к ней? Потому, что именно христианская мораль создала современную Европу. Однако сегодня многие, даже если согласятся с исторической ролью христианства, скажут примерно следующее: «Ныне *христианская этика уже не отвечает потребностям глобального общества* и поэтому само общество выработает необходимую для него этическую систему».

Тут ключевой момент. Я сознаю, что недопустимо вести дискуссию, основываясь на разных методологиях (условно назовем их *трансцендентальной*

и рационалистической). Но разные ли они? В сущности, рационализм — это отказ гордого человека от «над»; это стремление познавать и изменять мир сугубо логическими средствами. Не потому ли, замечу, наш мир именно такой, какой он есть? Можно отрицать существование Творца сущего и верить в случайность сотворения видимого мира и его последующую эволюцию. Однако в таком случае будет (да уже!) подпилен сук, на котором «сидит» гуманизм, т. е. признание имманентности человеку его достоинства. Как едко заметил замечательный философ в изгнании Б. П. Вышеславцев, «почему, в самом деле, благоговеть перед потомками обезьяны?» [Вышеславцев 1994, с. 178]. В таком случае, коль скоро человеческое достоинство есть лишь конвенциональное понятие, значит, можно договориться и об изменении его понимания. Больше того, поскольку развитие идет на основе рационализма, почему бы когда-нибудь не прийти к выводу, что достоинство у всех разное (такое существовало в истории, но обосновывалось иначе)? А затем почему бы — из-за истощения ресурсов — не объявить, что гуманизм распространяется лишь на отдельные категории людей?

Это не мои фантазии. Изменение правовой аксиоматики показывает, что разум (рационалистический ум) неизбежно будет и *далее раздвигать границы морально дозволенного*, и это приведет общество к такому состоянию, при котором станет юридически разрешено совершать дикие (с позиций современных стандартов европейского этоса) поступки.

Список литературы

- Берман 1998 — Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Н. Р. Никонова при участии Н. Н. Деевой. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М — Норма, 1998. 624 с.
- Боуз 2004 — Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / пер. с англ. М. Кислова, А. Куряева. Челябинск : Социум : Cato Institute, 2004. 391 с.
- Варламова 2003 — Варламова Н. В. Правопонимание: Синкретичность и «чистота» подходов // Правовые культуры: история, эволюция, тенденции развития : материалы межвуз. науч. конф., 26 марта 2003 г. / отв. ред. Г. И. Муромцев. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. С. 97.
- Вышеславцев 1994 — Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М. : Республика, 1994. С. 153–324.
- Геростергиос 2010 — Геростергиос А. Юстиниан Великий — император и святой / пер. с англ. прот. М. Козлова. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 442 с.
- Государственное право Германии 1994 — Государственное право Германии : сокращенный перевод немецкого семитомного издания : в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. С. А. Реутовой, Е. А. Сидоровой, Л. П. Фоминой и др. ; редкол.: Б. Н. Топорнин (отв. ред.), Б. М. Лазарев, Ю. П. Урьяс. М. : Институт государства и права РАН, 1994. 320 с.
- Корзо 2012 — Корзо М. А. Дискуссии о Декалоге в протестантской мысли XVI века // Философия права Пятикнижия : сборник статей / сост. П. Д. Баренбойм ; под ред. А. А. Гусейнова, Е. Б. Рашковского. М. : ЛУМ, 2012. С. 369–378.

- Лапаева 2010 — Лапаева В. Российская философия права в свете актуальных задач политико-правовой практики // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2 (75). С. 51–57.
- Лопухин 2005 — Лопухин А. П. Законодательство Моисея: исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея ; Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения ; Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым / под ред. и с предисл. проф. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2005. 309 с.
- О ратификации Конвенции 1998 — Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
- Ортега-и-Гассет 2002 — Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : сборник / сост. В. Ю. Кузнецов ; пер. с исп. С. Л. Воробьева, А. М. Гелескул, Б. В. Дубина и др. М. : Изд-во АСТ, 2002. 512 с.
- Осавелюк 2010 — Осавелюк А. М. Государство и церковь : монография. М. : Изд-во Российского гос. торгово-экономического ун-та, 2010. 239 с.
- Стандарты Совета Европы 2002 — Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации: Избранные права / науч. ред. Н. В. Варламова, Т. А. Васильева. М. : Институт права и публичной политики, 2002. 604 с.
- Четвернин 2009 — Четвернин В. А. Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М. : Высшая школа экономики, 2009. С. 41–62.
- Чичерин 1998 — Чичерин Б. Н. Философия права : сборник. СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1998. 655 с.
- Council of Europe 2018 — *Council of Europe. Parliamentary Assembly. Resolution 2259 (2018) : Private and family life: achieving equality regardless of sexual orientation* [Electronic resource]. Text adopted by the Assembly on 10 October 2018 (33rd Sitting). URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=25166&lang=en> (access date: 01.04.2022).
- Council of Europe 2021 — *Council of Europe. European Commission against Racism and Intolerance (ECRI). Factsheet on LGBTI issues of 1 March 2021* [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/european-commission-against-racism-and-intolerance/factsheet-lgbti> (access date: 01.04.2022).
- ECDV 2021 — Fourth European Conference on Domestic Violence (ECDV), Ljubljana, 13–15 September 2021 [Electronic resource]. URL: <http://ecdv-ljubljana.org/about.html> (access date: 01.04.2022).
- ECtHR 1979 — *European Court of Human Rights (ECtHR). Airey v. Ireland. Application no. 6289/73. Judgment of 9 October 1979. Series A. No. 32.*
- ECtHR 2021 — *European Court of Human Rights (ECtHR). Fedotova and Others v. Russia* [Electronic resource]. Applications nos. 40792/10, 30538/14 and 43439/14. Judgment of 13 July 2021. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-211016%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-211016%22]%7D) (access date: 01.04.2022).

References

- Berman, H. J. (1998), *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*, translated by Nikonov, N. R. and Deeva, N. N., 2nd ed., Moscow State University, INFRA-M — Norma, Moscow, 624 p. (in Russian).
- Boaz, D. (2004), *Libertarianism. A Primer*, translated by Kislov, M. and Kuryaev, A., Sotsium, Cato Institute, Chelyabinsk, 391 p. (in Russian).
- Chetvernin, V. A. (2009), “Historical progress of law and types of civilizations”, *Ezhegodnik libertarno-yuridicheskoi teorii. Vypusk 2* [Yearbook of Libertarian Legal Theory. Iss. 2], Higher School of Economics, Moscow, pp. 41–62 (in Russian).
- Chicherin, B. N. (1992), *Filosofiya prava, sbornik* [Philosophy of Law, Collection], Nauka, Sankt-Peterburgskaya izdatel'skaya firma, Saint Petersburg, 655 p. (in Russian).

- Council of Europe. European Commission against Racism and Intolerance (2021), *Factsheet on LGBTI issues of 1 March 2021*, available at: <https://www.coe.int/en/web/european-commission-against-racism-and-intolerance/factsheet-lgbti> (accessed 1 April 2022).
- Council of Europe. Parliamentary Assembly (2018), *Resolution 2239 (2018): Private and family life: achieving equality regardless of sexual orientation*, Text adopted by the Assembly on 10 October 2018 (33rd Sitting), available at: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=25166&lang=en> (accessed 1 April 2022).
- European Court of Human Rights (1979), *Airey v. Ireland*, Application no. 6289/73, Judgment of 9 October, Series A, No. 32.
- European Court of Human Rights (2021), *Fedotova and Others v. Russia*, Applications nos. 40792/10, 30538/14 and 43439/14, Judgment of 13 July, available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-211016%22%7D> (accessed 1 April 2022).
- Federal'nyi zakon ot 30.03.1998 № 54-FZ «O ratifikatsii Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i Protokolov k nei»* [Federal Law of the Russian Federation of 30 March 1998 No. 54-FZ “On Ratification of the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols”] (1998), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, no. 14, item 1514 (in Russian).
- Fourth European Conference on Domestic Violence* (2021), Ljubljana, 13–15 September, available at: <http://ecdvljubljana.org/about.html> (accessed 1 April 2022).
- Gerostergios, A. (2010), *Yustinian Velikii — imperator i svyatoi* [Justinian the Great — emperor and saint], translated by Kozlov, M., Sretensky Monastery Publishing House, Moscow, 442 p. (in Russian).
- Korzo, M. A. (2012), “Debates on the Decalogue in 16th-Century Protestant Thought”, in Guseinov, A. A. and Rashkovskii, E. B. (eds), *Filosofiya prava Pyatiknizhiya, sbornik statei* [Philosophy of Law of the first Five Book of the Bible (Pentateuch)], LOOM Publishing House, Moscow, pp. 369–378 (in Russian).
- Lapaeva, V. (2010), “Russian philosophy of law in view of actual goals of political and law practice”, *Comparative Constitutional Review*, vol. 2, no. 75, pp. 51–57 (in Russian).
- Lopukhin, A. P. (2005), *Zakonodatel'stvo Moiseya: issledovanie o semeinykh, sotsial'no-ekonomicheskikh i gosudarstvennykh zakonakh Moiseya. Sud nad Iisusom Khristom, rassmatrivaemyi s yuridicheskoi tochki zreniya. Vavilonskii tsar' pravdy Ammurabi i ego novootkrytoe zakonodatel'stvo v sopostavlenii s zakonodatel'stvom Moiseevym* [The Legislation of Moses: A Study on the Family, Socio-Economic, and State Laws of Moses. Judgment on Jesus Christ, viewed from a legal point of view. The Babylonian King of Truth Ammurabi and His Newly Discovered Legislation in Comparison with the Legislation of Moses], Zertsalo, Moscow, 309 p. (in Russian).
- Ortega y Gasset, J. (2002), *Vosstanie mass, sbornik* [Rise of the Masses: Compilation], Kuznetsov, V. Yu. (ed.), translated by Vorob'ev, S. L., Geleskul, A. M., Dubin, B. V. and Matveev, A. B., AST Publishing House, Moscow, 512 p. (in Russian).
- Osavelyuk, A. M. (2010), *Gosudarstvo i tserkov'* [State and Church], Russian State University of Trade and Economics, Moscow, 239 p. (in Russian).
- Topornin, B. N., Lazarev, B. M. and Ur'yas, Yu. P. (eds) (1994), *Gosudarstvennoe pravo Germanii, v 2 tomakh. Tom 2* [German public law, in 2 vols, Vol. 2], translated by Reutova, S. A., Sidorova, E. A., Fomina, L. P., Ledyakh, I. A., Polenina, S. V. and Zhalinskii, A. E., Institute of State and Law RAS, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Varlamova, N. V. (2003), “Legal Understanding: Syncretism and ‘Purity’ of Approaches”, in Muromtsev, G. I. (ed.), *Pravovye kul'tury: istoriya, evolyutsiya, tendentsii razvitiya, materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii, 26 marta 2003* [Legal cultures: history, evolution, development trends: materials of the interuniversity scientific conference, March 26, 2003], RUDN University, Moscow, p. 97 (in Russian).
- Varlamova, N. V. and Vasil'eva, T. A. (eds) (2002), *Standarty Soveta Evropy v oblasti prav cheloveka primenitel'no k polozheniyam Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: Izbrannye prava* [Council of Europe standards in the field of human rights in relation to the provisions of the Constitution

of the Russian Federation: Selected rights], Institute of Law and Public Policy, Moscow, 604 p. (in Russian).
Vysheslavtsev, B. P. (1994), "Eternal in Russian philosophy", in Vysheslavtsev, B. P., *Etika preobrazhennogo erosa* [Ethics of transfigured eros], Respublika, Moscow, pp. 153–324 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 15.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 8.07.2022

Информация об авторе

Краснов Михаил Александрович
доктор юридических наук, профессор
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
109028 Россия, Москва, Большой
Трехсвятительский пер., 3
E-mail: mkrasnov@hse.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-5641-4689

Information about the author

Krasnov, Mikhail Aleksandrovich
D. Sci. (Law Sciences), Professor
National Research University Higher School
of Economics
3 Bolshoy Trekhsvyatitelskiy Pereulok,
Moscow, 109028 Russia
E-mail: mkrasnov@hse.ru
Author's ORCID: 0000-0002-5641-4689

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.016

УДК 341.645.5:342.7

ПРЕДРАССУДКИ, РАЗРУШАЮЩИЕ ПРАВО

А. П. Семитко

Гуманитарный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Рассматривается статья М. А. Краснова «Аксиомы, разрушающие право», посвященная решению Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу о правомерности отказа российских властей в регистрации брачных отношений трем однополым парам. М. А. Краснов обосновывает свою критику данного решения новой аксиоматикой, т. е. некоторыми принимаемыми без доказательства постулатами, из которых, по его мнению, исходит ЕСПЧ. В данной статье показывается, что такой аксиоматики в постановлении суда не наблюдается ни в открытом — прямом, текстуально выраженном — виде, ни в скрытом, косвенно извлекаемом из решения значении. Напротив, Суд доказывает свои исходные посыпки приглашением властей России обосновать вред, который может, по их мнению, возникнуть в случае введения в стране юридического института однополых союзов, а также призывает найти справедливый баланс между общественными интересами и интересами заявителей. При этом Суд не настаивает на непопулярном в общественном мнении страны решении о признании однополых браков в России. В статье предлагается отыскать общие основания для поиска компромиссов сторонников и противников однополых союзов: в качестве таковых предлагаются известные правовые аксиомы равноправия, уважения человеческого достоинства и обосновывается, что реальный вред правовым началам в стране наносится имеющимися общественными предрассудками, а не новыми аксиомами, которые к тому же еще и не удалось отыскать в решении ЕСПЧ.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), право, однополые союзы, традиционный брак, общественная нравственность, моральные нормы, равноправие, уважение человеческого достоинства, дискриминация, предрассудки.

Для цитирования: Семитко А. П. Предрассудки, разрушающие право // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 56–68. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.016

PREJUDICES THAT DESTROY THE LAW

A. P. Semitko

Liberal Arts University — University for Humanities
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The review considers the article “Axioms that destroy the law,” dedicated to the decision of the European Court of Human Rights (ECHR) in the case of the legality of the refusal of the Russian authorities to register marriage between three same-sex couples. The author of the peer-reviewed article justifies his criticism of this decision with new axiomatics, that is, some postulates taken without proof, from which, in his opinion, the ECHR proceeds. The proposed review shows that such axiomatics in the Ruling of the Court are not observed either in an open — direct, textually expressed — form, or in a hidden, indirectly meaning extracted from the decision. On the contrary, the Court proves its original premises by inviting the Russian authorities to substantiate the harm that, in their opinion, might arise if a legal institute of same-sex unions were introduced in the country, and also calls for finding a fair balance between the public interests and the interests of the applicants. At the same time, the Court does not insist on the decision of the authorities unpopular in the country’s public opinion on the recognition of same-sex marriages in Russia. The review proposes finding common grounds for compromises between supporters and opponents of same-sex unions: as such, the author offers well-known legal axioms of equality, respect for human dignity. He also justifies that real harm to legal principles in the country is caused by existing public prejudices, and not by new axioms, which, moreover, have not been found in the decision of the ECHR yet.

Keywords: European Court of Human Rights (ECHR), law, same-sex unions, traditional marriage, public morality, moral norms, equality, respect for human dignity, discrimination, prejudice.

For citation: Semitko, A. P. (2022), “Prejudices that Destroy the Law”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.016

Статья М. А. Краснова «Аксиомы, разрушающие право» посвящена анализу решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу о правомерности отказа российских властей в регистрации брачных отношений трем однополым парам — Федотова и другие против России от 13 июля 2021 года [ECtHR 2021], в котором Суд признал, что Российская Федерация нарушила ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года [О ратификации Конвенции 1998], поскольку ее законодательство не предусматривает возможность официальной регистрации однополых союзов. Данная проблема является актуальной не только для России, но и для

всего западного мира, где в некоторых странах в момент принятия законодательного решения об однополых браках проходили массовые демонстрации (например, во Франции) как в поддержку, так и против такого решения. Там эта проблема тоже вызывала жаркие дискуссии [Duchateau, Guerlain 2012; Barjot 2012]. Добавим, что для России эта тема даже еще более актуальная или, точнее сказать, более болезненная, поскольку практически все подвластные средства массовой информации: телевидение, пресса, интернет-ресурсы — проводят оголтелую гомофобную пропаганду, раздувая ненависть к ЛГБТ-сообществу и представляя Запад как рассадник указанного тлетворного морального влияния на образцово-показательные традиционные семейные российские ценности, создавая при этом даже определенный новояз, называя Европу не иначе, как гей-Европой (?!). Посыл и решаемые властями задачи вполне понятны: если не удастся добиться превосходства в уровне и качестве жизни россиян по сравнению с западным миром, не удастся добиться первенства в технологических и прочих инновациях (очень многие в РФ покупают почему-то Apple и Samsung, западные автомобили, компьютеры и много еще чего «гей»-европейского, а не продукцию российских предприятий, основывающих свою деятельность на высоких традиционных духовных ценностях), и такие неудачи сегодня, в эпоху открытости западного мира для россиян и невольных сравнениях ими того, «как у них» и «как у нас», режут глаз, то хоть здесь — в плане гонения на секс-меньшинства — можно легко убедить население, что мы «лучше всех на свете», так как имеем якобы гораздо более высокие духовные ориентиры, а потому призваны научить мир, как нужно жить правильно. По этой причине обращение к данной болезненной теме требует особой деликатности и, как мне кажется, М. А. Краснов, не скрывая своего однозначно отрицательного отношения к проблеме однополых браков (и даже однополых гражданских союзов, партнерств), соблюдает все необходимые меры «предосторожности» и рассматривает ситуацию весьма корректно, на высоком академическом уровне, хотя сделать это не так-то просто.

Несмотря на определенную «застарелость» проблемы, статья М. А. Краснова содержит интересные моменты новизны, так как комментарий нового (в отношении Российской Федерации) решения авторитетной международной судебной инстанции, создающей для России прецедент, то есть формирующей новое содержание российского права по данной проблеме, является в правоведении новым с научно-юридической точки зрения. Краснов дает строго научный и, на первый взгляд, весьма убедительный анализ проблемы. Однако слабой, с моей точки зрения, стороной данной статьи является, с одной стороны, уклонение от текста и смысла комментируемого судебного решения (например, про аксиому, которая в указанном тексте отсутствует, о чем скажу ниже) в область абстрактных рассуждений, а с другой — незавершенность ее аргументации, недоговоренности и даже некоторые намеки, которые могут быть поняты

по-разному. Так, уже в красивом поэтическом эпиграфе к статье дается намек или определенная оценка (?) обсуждаемым в статье требованиям однополых пар о регистрации их близких отношений в качестве брачных (либо в качестве иных юридических союзов, которые бы позволили им избежать дискриминации в самых разных их отношениях по сравнению с гетерогенными парами) как требования меньшинств обнаглевших («уважаются меньшинства, совершенно обнаглев...»). Этот намек не получает конкретного развития в дальнейшем по причине, видимо, полной и очевидной для автора истинности разделяемой им позиции. Однако такая исследовательская установка базируется скорее на эмоциональном, чем рациональном фундаменте всего им написанного: ведь если меньшинства обнагтели, а их в этом еще и Европейский суд по правам человека поддерживает, то какой смысл убеждать их авторским разумом, им просто надо дать достойный отпор, показав, что такая позиция ведет ни много ни мало к катастрофе — разрушению права (Краснов пишет: «И наибольший ущерб ему (праву. — А. С.) может нанести, как это ни удивительно, не правонарушители, а суд»).

Право страдает, если суд выносит неправосудные решения, но «далеко не все понимают, что еще бóльшая опасность, если суд, строго соблюдающий закон, в основу своего решения кладет некие аксиомы, которые создают условия для разрушения самого права»). В таком случае рациональная аргументация не является ведущей, даже если автор, как кажется, только ее и пытается представить. Подобную ситуацию хорошо описал в особом мнении по делу Голдер против Соединенного Королевства (*Golder v. United Kingdom*, 21.02.1975) сэр Джеральд Фицморис, указавший «на сложности, которые неминуемо возникают в связи с процессом толкования, когда то, что разделяет стороны, связано не столько с разногласиями по поводу значения терминов, сколько с различием в способах мышления. Стороны в этом последнем случае работают в разной системе координат; они идут параллельными путями, которые никогда не пересекаются — по крайней мере, в евклидовом пространстве, за пределами геометрии Лобачевского, Римана или Больяи. По образному выражению сэра Хэмфри, стороны говорят, пользуясь разной длиной волны, в результате они не столько не в состоянии понять друг друга, сколько просто услышать. Каждая сторона может в рамках своей системы координат представить внутренне непротиворечивую аргументацию, но так как эти системы координат различны, ни один из доводов одной стороны не может сам по себе опровергнуть доводы другой. Решение проблемы невозможно, если только вначале не определить правильной — вернее, приемлемой для сторон — системы координат, но так как это зависит от подхода, ощущения, отношения или даже политики, а не от правильности юридических или логических доводов, то, следуя по этому пути, вряд ли удастся найти решение» [Европейский суд 2000, с. 63–64].

Поскольку здесь во многом речь идет о ценностях и вытекающих из них соответствующих картинах социальной реальности и способах мышления по их поводу, то разговор должен идти о поиске приемлемой для сторонников и противников однополых союзов общей системе координат, общей системе ценностей. Иначе дискуссия не сможет состояться в принципе, ибо для лиц, толерантных к ЛГБТ-сообществу, любые рассуждения, приводимые М. А. Красновым в его статье, напоминают «научные» рассуждения о том, почему черным нельзя ездить в одном автобусе с белыми, учиться с ними в одних школах и т. д. Подобные рассуждения вызывают у них резко отрицательные моральные оценки [Taillefer 2013, p. 19]¹, а для автора гетерогенного супрематизма подобную же, видимо, реакцию вызывают противоположные подходы («обнаглевших меньшинств»?). И основания таких оценок и рассуждений, по его мнению, достаточно мощные: М. А. Краснов неоднократно упоминает о них в своей статье — *это мнение большинства россиян*, которые думают и чувствуют так же (господствующая в обществе нравственность). Этот фундамент напоминает немного способы поддержки запретительных норм в рамках моральных дискуссий, о которых упомянул в свое время А. Макинтайр; в одном из таких способов, он писал: «...я просто говорю: „Делай так-то и так-то“. На вопрос человека, которому адресуется приказ: „Почему я должен делать это?“, я отвечаю: „Потому что я так хочу“» [Макинтайр 2000, с. 15]. Под «я» в нашем случае имеется в виду господствующее в России моральное гомофобное большинство. Оно так хочет, и уже этого одного вполне достаточно, ибо оно — большинство, обладающее силой, властью, в том числе властью диктовать господствующие моральные нормы и соответствующие им законы, которые запрещают однополые браки и даже однополые гражданские союзы, которые их противникам напоминают традиционные гетерогенные браки. В другом случае, возвращаясь к Макинтайру, «ответом на вопрос „Почему я должен делать это?“ (после того, как сказано „Делай так-то и так-то“) является не „потому, что я этого хочу“, но некоторое высказывание типа „потому что это будет приятно определенному числу людей“» [Там же]. В нашем случае «определенное число людей» — это большинство. Оно считает любое свое мнение высокоморальным и глубоко духовным по определению, ибо ведь оно — большинство. Такая аргументация не представляется самодостаточной для обоснования правомерности законодательства, принятого на основе одной только господствующей в обществе нравственности во всех случаях и особенно в тех, когда имеются иные моральные притязания, так как мы знаем, что

¹ В литературе, посвященной критике «хьюманрайтизма» (преувеличений в области защиты прав человека), отмечается неэффективность интеллектуальных дискуссий, которые базируются на эмоциональных оценках, аргументах *ad hominem*, когда вместо обсуждения пределов правозащитной деятельности максималисты последней говорят лишь об отвращении и тошноте, которую вызывают у них взгляды оппонентов, которых они называют «врагами».

моральные нормы меняются в ходе истории, и М. А. Краснов сам справедливо об этом последнем упоминает. Какие-то моральные нормы становятся со временем не такими жесткими и императивными, даже если их и придерживается большинство; последнее постепенно меняет свое отношение к тому или иному поведению, и моральная норма теряет свою «непримиримость». Один этот изолированный аргумент — от морального большинства — закономерно не был принят ЕСПЧ, и поэтому в п. 52 своего решения он отметил: «Суд принимает к сведению утверждение властей РФ о том, что большинство россиян не одобряют однополые союзы. Действительно, общественные настроения могут играть роль в оценке Суда, когда дело доходит до оправдания на основании социальной морали. Однако существует значительная разница между уступкой общественной поддержке в пользу расширения сферы действия гарантий Конвенции и ситуацией, когда эта поддержка используется для того, чтобы лишить значительную часть населения доступа к основному праву на уважение частной и семейной жизни. Было бы несовместимо с основополагающими ценностями Конвенции как инструмента европейского публичного порядка, если бы осуществление конвенционных прав группой меньшинства было обусловлено ее принятием большинством».

В данном споре более продуктивным представляется постановка другого вопроса: какой вред обществу может причинить юридическое разрешение в России однополых союзов? И Европейский суд именно его и ставит. Уважая мнение российского большинства и его национальные традиции, Суд не настаивает на легализации однополых браков, он говорит о том, что представитель российского государства не указал никаких аргументов о конкретных видах ущерба общественной нравственности в случае разрешения официальной регистрации однополых союзов (гражданских союзов, пактов гражданской солидарности и т. п.), что позволило бы лицам одного пола иметь юридическую защищенность, которая есть у разнополых пар в области имущественных, наследственных и иных правовых отношений. Не указал, к сожалению, этих аргументов в своей статье и М. А. Краснов. Утверждения же его, что «сосуществование традиционного института семьи и института однополого партнерства, претендующего на статус семьи, размывает и подрывает социальную значимость института семьи» или еще более резкая констатация, что однополые союзы «извращают смысл брака, стремясь походить именно на семейный союз», являются исключительно эмоциональными констатациями, показывающими лишь неприязнь большинства российского населения к данному юридическому институту. С рациональной же, логической точки зрения эти заявления совершенно бессодержательны, так как если бы они соответствовали реальной действительности, то должны были бы быть показаны конкретные виды ущерба, наносимого такими союзами традиционным семьям и обществу (его подавляющему большинству) в целом. Иначе это всего лишь

внешне рациональная, но внутри пустая оболочка для эмоционально неприемлемого автору результата.

Как и почему гражданский союз однополых пар (либо какой-то иной юридический институт, который защитил бы их имущественные, наследственные, процессуальные и иные права как лиц, проживающих вместе) может разрушить традиционную семью?! Если пофантазировать, то, кроме анекдотичных, полных гротеска аргументов и горькой иронии, на ум ничего не приходит; например: если вдруг появится такой юридический институт в России, то все гетерогенные пары расторгнут свои традиционные брачные союзы (либо и вовсе не будут их создавать) и бросятся в объятия новых, теперь уже однополых партнеров и станут заключать исключительно однополые юридические союзы и традиционный брак по этой причине будет полностью разрушен, прекратится прирост населения и нация будет обречена на исчезновение (или еще что-то ужасное в таком же роде).

Основной аргумент автора и состоит в том, что уничтожение опоры права на господствующую общественную мораль уничтожает само право. Вводимые же Европейским судом новые, с его точки зрения, аксиомы, идущие в разрез с моральными представлениями российского общества, уничтожают российское право. Этот аргумент не является завершенным: он совершенно правильный сам по себе (да, право должно основываться на общественной морали — в этом суть как прежних, юснатуралистских, так и современных непозитивистских подходов к праву [Алекси 2011; Дворкин 2004]), но крайне абстрактный, так как не доведен до уровня обсуждаемой автором проблемы: достаточно ли одного лишь нравственного большинства, чтобы закон безоговорочно принимал сторону этого последнего во всех случаях или же не все господствующие в обществе моральные постулаты должны защищаться правом в одинаково безоговорочной степени? Или, может быть, даже напротив: право должно защищать меньшинства от господствующих, но устаревших нравственных предрассудков, обеспечивая принцип правового равенства и уважения человеческого достоинства? Это, с одной стороны, а с другой — авторский аргумент сопровождается немного утрированными сравнениями: «...представьте, например, что запреты посягать на свободу, здоровье, жизнь человека обосновываются не нравственными идеями, а, допустим, подрывом экономической эффективности»². Было бы очень хорошо, если

² В дискуссиях о правах человека, о принципах права, которые с ними связаны, выделяют принципиальные и стратегические аргументы. Последние обусловлены достижением некоторой цели, связанной с улучшением каких-то экономических, политических или социальных условий в обществе, а первые основаны на моральных требованиях как таковых (справедливость, честность и т. д.), и поэтому здесь «цена вопроса» уходит на второй план или отсутствует вовсе, а в стратегических аргументах без этого последнего не обойтись, потому что общество далеко не всегда может позволить себе такие расходы, которые бы в полной мере отвечали его нравственным

бы автор обосновал, почему изменение некоторых моральных императивов в других сферах не распространяется на указанные им отношения. Краснов ведь соглашается с тем, что позитивные обязательства государства по защите женщин жизненно необходимы, имея в виду «факты убийств на Кавказе девушек (причем, нередко родственниками) в связи с тем, что кто-то выкладывал в сеть компрометирующие их видео или даже если распространялись в отношении их компрометирующие слухи». Но ведь здесь тоже разрушается господствующая мораль того общества, где распространены эти обычаи (добавлю, что такие случаи встречаются не только на Кавказе, но и в иных обществах, где господствует ислам, в том числе и в тех европейских странах, где широко представлены мусульманские общины). Почему в одних случаях М. А. соглашается с европейскими морально-нравственными тенденциями в области защиты прав человека, а в других — нет? Это досадный пробел в аргументации, что делает позицию М. А. уязвимой, показывая, что в фундаменте его рассуждений лежит не рациональное, а скорее эмоциональное начало, что, конечно, не запрещено, но его одного явно недостаточно для завершеного научного анализа проблемы.

Наконец, центральная идея статьи — разрушающая право аксиома («человек имеет право на любой выбор, ибо он является хозяином (полным и исключительным собственником) своего тела»), на которой, по мнению автора, базируется решение Европейским судом данного дела (и других подобных дел), отсутствует в тексте анализируемого Постановления: нет такой аксиомы там ни в явном, ни даже, как нам кажется, и в скрытом виде тоже. Автор «достраивает» или скорее приписывает ее Суду. Любопытный может посмотреть текст решения и увидеть, что Суд говорит о необходимости поиска баланса между имеющейся в обществе социальной реальностью — наличием однополых пар, соответствующими интересами заявителей и возможным общественным вредом, о котором говорят противники однополых союзов, т. е. о необходимости поиска баланса интересов первых и интересов общества, заключающихся в неприятии подобных союзов. Понятно, что данный общественный интерес нельзя игнорировать по прихоти какого-либо меньшинства, но, уважая достоинство каждой личности, необходимо провести известный тест пропорциональности, т. е. оценить имеющиеся в России правоограничения для однополых пар и возможный ущерб обществу, на который ссылается большинство и который, по их мнению, возникнет в результате

требованиям. Поэтому нищенские размеры социальных пособий «ликвидаторам» последствий различных чрезвычайных ситуаций, людям, претерпевшим политические репрессии, другим категориям населения, то есть возмещение ущерба, нанесенного государством их правам, как раз и объясняются прямо или косвенно «подрывом экономической эффективности», что для автора является абсолютно неприемлемым (и я с ним в этом согласен), однако же имеет, к сожалению, место в нашей политико-правовой системе [Дворкин 2004, с. 45].

удовлетворения запросов заявителей (п. 49 упомянутого Постановления ЕСПЧ): «Суд повторяет, что статья 8 Конвенции закрепляет право на уважение частной и семейной жизни. Он прямо не налагает на Договаривающиеся государства обязательства официально признавать однополые союзы. Однако это подразумевает необходимость достижения справедливого баланса между конкурирующими интересами однополых пар и общества в целом. Выявив интересы отдельных лиц, Суд должен приступить к их сопоставлению с интересами общества». Исходя из этой правовой позиции можно сделать вывод, что если бы Суду предъявили аргументы, показывающие наличие серьезного вреда российскому обществу (кроме странного «аргумента»: ну, не нравится это большей части нашего общества — и точка), то он вряд ли бы стал настаивать на своем решении о том, что Россия нарушила ст. 8 Конвенции. Однако при наличии у ЕСПЧ упомянутой М. А. Красновым аксиомы данная постановка вопроса — о поиске баланса — не была бы для Суда актуальной: для него было бы просто бессмысленно ставить проблему поиска баланса интересов, ибо тогда человек мог бы делать любой выбор — даже нанося обществу колоссальный ущерб (незаметно М.А. дополняет данную аксиому в другом месте своей статьи, говоря, что ее применение приводит к «подрыву социальной значимости института семьи», к «извращению смысла брака»), ибо он хозяин своего тела. Автор говорит про другие решения, где эта аксиома как будто бы была сформулирована, но не ссылается на конкретные источники, где ее можно было бы отыскать. Приведем поэтому правовую позицию ЕСПЧ по другому делу, которая хотя и была высказана им 20 лет назад, но по более весомому для человека праву — праву на жизнь, на избавление от невероятных страданий и мучительной смерти, что косвенно опровергает утверждение автора о возможном наличии в посылках ЕСПЧ сформулированной им аксиомы. Так, в известном классическом прецеденте (leading case) Претти против Соединенного Королевства [ECtHR 2002] было установлено, что ст. 2 не гарантирует «право умереть», поэтому отсутствовало нарушение ст. 2, поскольку муж заявительницы, которая была смертельно больна, испытывала серьезные страдания и не могла совершить самоубийство, подвергся бы уголовной ответственности согласно законодательству Соединенного Королевства, если бы помог жене умереть. Наличие уголовной ответственности в данном случае не нарушает и ст. 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни) [Право Европейской конвенции 2021, с. 270, 367, 682]. Если бы Суд исходил из упомянутой автором аксиомы — «человек имеет право на любой выбор, ибо он является хозяином (полным и исключительным собственником) своего тела», — то какие основания были бы у Суда отказывать смертельно больной заявительнице в праве на то, чтобы муж исполнил ее последнюю волю произвести свой «любой выбор», в том числе распорядиться своим больным телом при помощи своего мужа? Никаких.

Глубина и академичность подхода М. А. Краснова находят свое выражение, помимо всего прочего, еще и в том, что он стремится избежать одностороннего анализа, рассматривая возможные *pro et contra* своего подхода. Однако в ряде случаев авторские «*pro*» оказываются слабее приведенных им «*contra*» к его же собственной позиции. Так, автор цитирует опубликованную почти полтора столетия назад (в 1882 году) работу Лопухина А. П. «Законодательство Моисея» и справедливо добавляет: «Однако сегодня многие, даже если согласятся с исторической ролью христианства, скажут примерно следующее: „Ныне христианская этика уже не отвечает потребностям глобального общества и поэтому само общество выработает необходимую для него этическую систему“». Верно! Сегодня даже в рядах католиков и православных начинают обсуждать вопрос о допуске женщин в ряды священников (что реализовано в некоторых протестантских христианских общинах), чего ранее и помыслить себе не могли ортодоксальные христиане. Понятно, что все еще господствующее в христианской доктрине и практике в XXI веке отношение к женщине есть не что иное, как вопиющая и, можно даже сказать, дикая дискриминация по гендерному основанию. Очевидно, что и негатив к однополым отношениям тоже относится к числу дискриминационных предрассудков этой великой мировой религии — духовному фундаменту западноевропейской цивилизации; и вполне возможно, что они могут получить со временем иную оценку со стороны христианской церковной доктрины. Но неужели современному и в основном светскому обществу надо ждать изменений устаревших религиозных догматов и, пока этого не случилось, ориентироваться на подобного рода отжившие пережитки прошлого?!

С нашей точки зрения, российское право разрушают сегодня скорее устаревшие предрассудки (идеологические, религиозные, политические, геополитические, гендерные, этнические и т. п.), нежели какие-то аксиомы, особенно когда не доказано их существование. Реально существующие правовые аксиомы — это проверенные временем, выстраданные цивилизацией юридические ценности. Предложенная М.А. формулировка не является юридической аксиомой, не является она и фундаментом, на основе которого ЕСПЧ принимает свои решения. Автор употребляет слово «аксиома» не в научно-юридическом смысле слова (близком к понятию «принцип права»), но скорее в ином его и, конечно, тоже научном — гносеологическом, логическом — значении как исходное утверждение Суда, не требующее от него никаких доказательств. Однако то, что ЕСПЧ приводит обоснование (доказательства) своей позиции, показано нами выше. А вот реально существующей и весьма глубинной юридической аксиомой развитого, цивилизованного права является принцип равенства и уважение современным правом человеческого достоинства. Уверен, что на базе этих правовых ценностей (аксиом, постулатов) можно построить общую систему координат,

о которой говорилось выше, для дальнейшего обсуждения данной проблемы и возможного поиска приемлемых для всех сторон компромиссов. В том же случае, когда мораль какого-то общества не соответствует этим правовым ценностям, ставшим аксиомами, она является антиправовой, неправомерной с юснатуралистской, непозитивистской точки зрения. Понятно, что общество не сразу приходит к пониманию этих глубинных и исключительно важных юридических начал, да и раскрыты они были полностью только после известной революции в области прав человека [Ignatieff 2007; Walker 1998; Gauchet 1989], произошедшей во второй половине прошлого столетия. Хотя эта правовая революция, к сожалению, прошла мимо немалого числа стран в мире и сегодня еще не является ценностью и ориентиром для правового развития таких стран. Хотя в исторической перспективе правовой прогресс неостановим: ведь когда-то господствующей моралью общества (и даже великими ее интеллектуальными представителями) одобрялось рабство, расовая дискриминация, гендерное неравенство и многое другое, что сегодня кажется очевидным вопиющим насилием над правом.

В качестве постскриптума следует заметить, что по рассматриваемому делу Россия обратилась с апелляцией в Большую палату (БП), и оно было туда передано 22 ноября 2021 года. Последнее означает, что Постановление ЕСПЧ от 13 июля 2021 года «Федотова и другие против России» не вступило и не вступит в силу, поскольку окончательное юридическое значение будет иметь последующее решение Большой палаты (БП). Однако поскольку 16 марта сего года Россия перестала быть членом Совета Европы, досрочно освободив себя в дальнейшем от обязательной юрисдикции ЕСПЧ (см. ст. 7 Федерального закона от 11.06.2022 № 183-ФЗ [Федеральный закон 2022]), то вряд ли БП успеет рассмотреть указанную проблему даже до 16 сентября 2022 года — даты, до которой согласно ст. 58 Конвенции о защите прав человека и основных свобод юрисдикция ЕСПЧ обязательна для России, а если и успеет, то Россия не будет признавать выводов БП по данному делу. Это значит, что обсуждаемое в статье М. А. Краснова решение никогда уже не будет иметь юридической силы для России (здесь еще имеется спор между органами Совета Европы, ЕСПЧ и РФ по поводу даты решений ЕСПЧ, когда они еще будут обязательными для России). Но («никогда не говори никогда») если наша страна вернется когда-нибудь в указанную организацию, то решение БП по данному вопросу (согласится ли она с правовой позицией Палаты ЕСПЧ из 7 судей от 13.07.2022 или нет) будет тогда юридически обязательным для России. Прецедент выхода и последующего возвращения государства в Совет Европы, в правовое пространство и юрисдикцию ЕСПЧ имеется: речь идет о случае с Грецией, которая вышла из Совета Европы во время установления в стране военной диктатуры правого толка — режима «черных полковников» и вновь вернулась в эту авторитетную международную правозащитную организацию

после того, как страна возвратилась на демократический, цивилизованный путь развития.

Будем надеяться на лучший для России вариант развития событий.

Список литературы

- Алекси 2011 — *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптева при участии Ф. Кальшойера. М. ; Берлин : Инфотропик медиа, 2011. 173 с.
- Дворкин 2004 — *Дворкин Р.* О правах всерьез / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с.
- Европейский суд 2000 — Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 1 / редкол.: В. А. Туманов и др. М. : Норма, 2000. 841 с.
- Макинтайр 2000 — *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
- О ратификации Конвенции 1998 — Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
- Право Европейской конвенции 2021 — *Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К.* Право Европейской конвенции по правам человека / пер. с англ. И. В. Артамоновой, Е. Г. Кольцова, А. Н. Русова ; науч. ред. А. И. Ковлер. 4-е изд. М. : Развитие правовых систем, 2021. 1448 с.
- Федеральный закон 2022 — Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 11.06.2022).
- Barjot 2012 — *Barjot F.* Touche pas à mon sexe! Contre le « mariage » gay... Paris : Mordicus, 2012. 29 p.
- Duchateau, Guerlain 2012 — *Duchateau G., Guerlain F.* Dernier inventaire avant le mariage pour tous. Paris : Stock, 2012. 288 p.
- ECtHR 2002 — *European Court of Human Rights (ECtHR).* Pretty v. the United Kingdom. Application no. 2346/02. Judgment of 29 April 2002.
- ECtHR 2021 — *European Court of Human Rights (ECtHR).* Fedotova and Others v. Russia [Electronic resource]. Applications nos. 40792/10, 30538/14 and 43439/14. Judgment of 13 July 2021. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-211016%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-211016%22]%7D) (access date: 11.06.2022).
- Gauchet 1989 — *Gauchet M.* La Révolution des droits de l'homme. Paris : Gallimard, 1989. 341 p.
- Ignatieff 2007 — *Ignatieff M.* The Rights Revolution. 2nd ed. Toronto : House of Anansi Press, 2007. 170 p.
- Taillefer 2013 — *Taillefer A.* Droit de l'hommisme : une névrose religieuse. Paris : Godefroy de Bouillon, 2013. 319 p.
- Walker 1998 — *Walker S.* The Rights Revolution. Rights and Community in Modern America. Revolution. New York : Oxford University Press, 1998. 240 p.

References

- Alexy, R. (2011), *Begriff und Geltung des Rechts*, translated by Laptev, A. N. and Kalscheuer, F., Infotropik media, Moscow, Berlin, 173 p. (in Russian).
- Barjot, F. (2012), *Touche pas à mon sexe! Contre le « mariage » gay...*, Mordicus, Paris, 29 p.

- Duchateau, G. et Guerlain, F. (2012), *Dernier inventaire avant le mariage pour tous*, Stock, Paris, 288 p.
- Dworkin, R. (2004), *Taking Rights Seriously*, translated by Lakhuti, M. D. and Makeeva, L. B., ROSSPEN, Moscow, 392 p. (in Russian).
- European Court of Human Rights (2002), *Pretty v. the United Kingdom*, Application no. 2346/02, Judgment of 29 April.
- European Court of Human Rights (2021), *Fedotova and Others v. Russia*, Applications nos. 40792/10, 30538/14 and 43439/14, Judgment of 13 July, available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-211016%22%7D> (accessed 11 June 2022).
- Federal'nyi zakon ot 30.03.1998 № 54-FZ «O ratifikatsii Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i Protokolov k nei»* [Federal Law of the Russian Federation of 30 March 1998 No. 54-FZ “On Ratification of the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols”] (1998), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, no. 14, item 1514 (in Russian).
- Federal'nyi zakon ot 11.06.2022 № 183-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozhenii zakonodatel'nykh aktov Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of the Russian Federation of 11 June 2022 No. 183-FZ “On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Certain Provisions of Legislative acts of the Russian Federation”] (2022), *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii*, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028?index=1&rangeSize=1> (accessed 11 June 2022) (in Russian).
- Gauchet, M. (1989), *La Révolution des droits de l'homme*, Gallimard, Paris, 341 p.
- Harris, D., O'Boyle, M. and Warbrick, K. (2021), *Pravo Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [Law of the European Convention on Human Rights], translated by Artamonova, I. V., Kol'tsov, E. G. and Rusov, A. N., 4th ed., *Razvitie pravovykh sistem*, Moscow, 1448 p. (in Russian).
- Ignatieff, M. (2007), *The Rights Revolution*, 2nd ed., House of Anansi Press, Toronto, 170 p.
- Macintyre, A. (2000), *After Virtue. A Study of Moral Theory*, translated by Tselishchev, V. V., *Akademicheskii proekt*, Moscow, *Delovaya kniga*, Yekaterinburg, 384 p. (in Russian).
- Taillefer, A. (2013), *Droit de l'homme : une névrose religieuse*, Godefroy de Bouillon, Paris, 319 p.
- Tumanov, V. A. et al. (eds) (2000), *Evropeiskii sud po pravam cheloveka. Izbrannye resheniya, v 2 tomakh. Tom 1* [The European Court of Human Rights. Selected Judgments, in 2 vols, Vol. 1], Norma, Moscow, 841 p. (in Russian).
- Walker, S. (1998), *The Rights Revolution. Rights and Community in Modern America. Revolution*, Oxford University Press, New York, 240 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 1.08.2022

Информация об авторе

Семитко Алексей Павлович
доктор юридических наук, профессор
Гуманитарный университет
620049, Россия, Екатеринбург,
ул. Студенческая, 19
E-mail: asemitko@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-4425-3053

Information about author

Semitko, Alexey Pavlovitch
D. Sci. (Law Sciences), Professor
Liberal Arts University — University
for Humanities
19 Studencheskaya St., Yekaterinburg,
620049 Russia
E-mail: asemitko@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0003-4425-3053

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.017
УДК 130.2:314.5:341.645.5:342.7

ПРОБЛЕМА ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ — ОДИН ИЗ МНОГИХ ВЫЗОВОВ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ)

Л. А. Зак

Гуманитарный университет
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Статья является послесловием к опубликованным в данном номере «Койнона» статьям правоведов М. А. Краснова и А. П. Семитко. Опираясь на материал этих статей, автор предлагает культурологическое видение проблемы однополых браков. С его точки зрения, главное противоречие жизни современного человечества — это порожденное масштабными всесторонними радикальными изменениями социокультурного мира противоречие между прошлым и возникающим сегодня будущим. Между старым опытом, воплощенным в традициях, нормах, ценностях, ментальных матрицах и привычках культуры, — и новым, сегодня совершаемым опытом, радикально отличающимся от прошлого, формирующим новые представления, ценности, способы деятельности и человеческих отношений. Этот новый опыт несет еще не виданные перспективы обществу и человеку, но он же рождает и новую, пока не освоенную сложность, неопределенность будущего, часто непонятные и даже непредсказуемые риски и угрозы. Радикальная эволюция современного человечества, таким образом, каждый день рождает новые сложные вызовы обществу, культуре, человеку. Проблема однополых браков в указанном контексте оказывается одним из вызовов, рожденных ускоренной эволюцией и порожденным ею противоречием прошлого и будущего. Важное звено концепции статьи — констатация рожденного ускоренным развитием амбивалентного значения культурного прошлого. Оно воспринимается и реально работает, с одной стороны, как не соответствующее и потому не нужное настоящему и будущему, как препятствие развитию общества и человека, а с другой — в условиях неопределенности перспектив и рисков во многом непредсказуемой радикальной эволюции — оно же получает новую ценность как резервуар проверенного жизнью опыта (даже не всегда осознаваемого), как важный фактор самосохранения общества в его антропологической и социальной специфике, в его закономерных, проверенных на практике отношениях с природой. С этой точки зрения автор оценивает

как заслуживающую внимательного отношения, полезную для нахождения оптимального решения сложной проблемы однополых браков умеренно консервативную позицию М. А. Краснова, чья апелляция к традиционным иудео-христианским морально-нравственным истокам права и на этой основе критическое отношение к однополым бракам вызывает к спокойному взвешенному анализу их возможных последствий, пока практически неясных. Отвечая на этот имплицитный призыв Краснова и, с другой стороны, на верный анти-тезис А. П. Семитко об исторической изменчивости морально-нравственных оснований права, автор обозначает самую проблемную зону однополых семей: социализацию детей, в течение всей предыдущей истории человечества осуществлявшуюся разнополыми парами, чьи особенности и различия во многом определили воспроизводство фундаментальной антропологической специфики человека и человеческого рода. Поэтому и появление однополых родителей не может не быть антропологически существенно. Но как именно, об этом пока нет надежной информации. В итоге автор выделяет три важнейших аспекта вызова рассматривавшейся проблемы: вызов, требующий тщательного всестороннего анализа опыта однополых семей по социализации детей, адекватного постижения проблемы в ее сложности; вызов, требующий объединения усилий сторонников разных взглядов и подходов к проблеме и подлинного диалога между ними, цивилизованной дискуссии; вызов, требующий практического культуротворчества: нахождения и реализации способа оптимального решения проблемы в гармоническом единстве интересов личностей и общества.

Ключевые слова: проблема однополых браков, культурные основания права, главное противоречие современности, истоки гомофобии, умеренный консерватизм, антропологическое значение гетеросексуальных семей, социализация детей как проблемный центр однополых семей, однополые браки и семьи как вызов современной культуре.

Для цитирования: *Закс Л. А.* Проблема однополых браков — один из многих вызовов развивающегося общества современной культуре (культурологическое послесловие) // *Koinon*. 2022. Т. 3. № 2. С. 69–85. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.017

THE PROBLEM OF SAME-GENDER MARRIAGE AS ONE OF THE MANY CHALLENGES OF A DEVELOPING SOCIETY TO MODERN CULTURE (A CULTUROLOGICAL EPILOGUE)

L. A. Zaks

Liberal Arts University — University for Humanities
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: This paper is an afterword to the articles by legal scholars M. A. Krasnov and A. P. Semitko published in this volume of *Koinon*. Based on the materials from these works, the author suggests a culturological vision of same-sex marriage problem. In his view, the main controversy of contemporary man's life is the controversy between the past and the today-emerging future originated from large-scale comprehensive radical changes in the sociocultural world; between the old experience embedded in the traditions, norms, mental matrices, habits of culture and a new, currently gained experience that differs radically from the past and that forms new notions, values, modes of activities and human relationships. This new experience brings about yet-unseen perspectives for society and the individual but it also gives birth to a novel, yet-unutilized complexity, uncertainty of a future, often incomprehensible and even unpredictable risks and threats. The radical revolution of today's mankind, thus, creates new complex challenges to society, man, culture on a daily basis. The problem of same-sex marriages in the given context appears to be one of the challenges generated by an accelerated evolution and the contradiction between the past and the future produced by it. An essential link of the paper's concept is the reporting of an ambivalent significance of the cultural past generated by the accelerated development. On the one hand, it is perceived and works as inconsistent and therefore unnecessary for the present and the future, as an obstacle to the development of society and the individual. On the other, in the context of uncertain prospects and risks of largely unpredictable radical evolution, it acquires a new value as a reservoir of the life-tested experience, as an essential factor of society's self-preservation in its anthropological and social specificity, in its regular, proven-in-practice relations with nature. From this point of view, the author treats a moderately conservative stance of M.A. Krasnov whose appeal to the Judeo-Christian moral origins of law, and, based on this, a critical attitude to same-gender marriage calls for a calm, balanced analysis of their possible consequences that are currently unclear, as worthy of careful consideration and useful in finding the best solution to the complex problem of same-sex marriages. Responding to this implicit call of Krasnov and, on the other hand, to the right antithesis of A.P. Semitko about the historical changeability of moral foundations of law, the author defines the most problematic zone of same-sex families: the socialization of children which, throughout all the preceding history, has been implemented by different-sex couples whose specific features and distinctions have

largely determined the reproduction of the fundamental anthropological specificity of mankind and human race. That is why the emergence of same-sex parents cannot help being anthropologically essential. But there is a lack of reliable information about how exactly it is. Eventually, the author identifies three most significant aspects of the challenge posed by the problem under consideration: the challenge that requires thorough, comprehensive analysis of the experience obtained by same-gender families in the socialization of children; the challenge that requires joint efforts of proponents of different views and approaches to the problem and genuine dialogue between them, civilized discussion; the challenge that requires practical culture-making: finding and implementing a way to optimally solve the problem in a harmonious unity of the interests of individuals and society.

Keywords: the problem of same-sex marriage, cultural foundations of law, major contradiction of today, origins of homophobia, moderate conservatism, the anthropological significance of heterosexual families, the socialization of children as problem centre of same-sex families, same-gender marriages as a challenge to present-day culture.

For citation: Zaks, L. A. (2022), "The Problem of Same-Gender Marriages as One of the Many Challenges of a Developing Society to Modern Culture (A Culturological Epilogue)", *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.017

Цель моего послесловия отнюдь не в том, чтобы «объявить победителя», тем более не в том, чтобы поставить точку в журнальной дискуссии по теме, которая дискутируется сегодня не только в пределах науки, но и в пространстве мировой культуры, причем на самых разных ее (ментальных, ценностных, мировоззренческих) уровнях. Эту дискуссию отличает не только ее почти глобальный характер и поляризация основных позиций (так, буквально в те же часы, когда пишется этот текст, в Государственной думе РФ прозвучало новое предложение об ужесточении наказаний за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений [Госдума 2022], а, с другой стороны, журнал «Сноб» сообщил на своем сайте, что Национальная ассамблея (парламент) Кубы проголосовала за легитимацию однополых браков и право однополых пар на усыновление детей [Алиева 2022]). Дискуссию отличает также огромный эмоциональный накал, окрашивающий высказывания как тех, кто «за» (прежде всего, представителей ЛГБТ-меньшинств и поддерживающих их правозащитников), так и тех, кто «против» (сторонников «традиционных семейных ценностей»). Этот накал определяется не только личностной и одновременно социальной значимостью «предмета» дискуссии (брак и семья — универсальные человеческие институты и ценности, равно затрагивающие интересы и общее состояние индивидов и общества в целом), но и тем, что она касается сокровенных человеческих отношений, связанных с фундаментальными

естественными (биологическими), и социокультурными потребностями и глубочайшими, давным-давно закрепленными культурой архетипическими «паттернами», интимными ментальными матрицами и представлениями, по сути, всех без исключения людей. Вот почему проблема однополых браков и дискуссия о ней далеко выходит за рамки узко профессионального разговора ученых, юристов, управленцев и политиков, а становится достоянием массовой психологии современного «информированного» социума со всеми присущими ей особенностями.

Для культуролога же все это говорит об общекультурном характере и культурологическом содержании как проблемы, так и дискуссии. И замечательно то, что некоторые важные, на мой взгляд, аспекты их общекультурного характера и значения проявились и в публикуемых «Койноном» статьях Краснова и Семитко. Этим, собственно, и объясняется подключение культуролога к дискуссии двух уважаемых юристов. Но и обсуждать я буду именно и только культурологические аспекты дискуссии. Мне тут помогают сами авторы. Обсуждая решения ЕСПЧ (один — критикуя их, другой — поддерживая), они так или иначе выходят за пределы собственно вопросов юриспруденции (что для них служит дополнительным аргументом в пользу своей собственно правовой позиции).

Начинает, естественно, М. А. Краснов. Его взгляд на решения ЕСПЧ, не согласившегося с российскими судами, отказавшими однополым парам в признании их права на брак, включает существенный для автора *метаюридический* компонент. Мне кажется, я понимаю логику выхода М.А. во внеправовое пространство: ему важно показать, что ЕСПЧ в своем решении (поддержке права гомосексуальных пар создавать семью, а для этого вступать в брак друг с другом — что является признанным правовым условием создания семьи) руководствовался убеждением в «естественном» праве каждого человека распоряжаться своим телом по собственному усмотрению¹. Но эта аксиома, по мнению М.А., не может в данном случае быть основанием юридического решения по данному вопросу. Она, с его точки зрения, противоречит историческому до- и экстраюридическому, а именно морально-нравственному основанию европейского права, истоком которого выступает иудеохристианская мораль². Почему противоречит и, главное, в чем негативная значимость (тем более, опасность) однополых браков, М.А. не объясняет. На что ему справедливо

¹ А. П. Семитко (на мой взгляд, весьма убедительно) опровергает эту посылку М. А. Краснова, но в данном случае важна сама генетическая связь правового с метаправовым, находимым в культуре.

² Оппонент Краснова подчеркивает в данном случае в его позиции акцент прежде всего на факторе массового неприятия гомосексуальных отношений россиянами как его главным аргументе против решения ЕСПЧ. Но я, несомненно, за звучащим аргументом «большинства» все же вижу более важное для Краснова культурное основание несогласия с решением ЕСПЧ.

указывает (как на пробел в обосновании его позиции) А. П. Семитко. Действительно, в реакции М. А. Краснова явно доминирует эмоционально-ценностное восприятие, связанное с безусловным доверием-приятием традиции. Логично предположить, что эта традиция — ветхо- и новозаветное осуждение гомосексуальных отношений как своего рода этический базис, контур и горизонт-предел правовых подходов (хотя позиция самого М.А. фактически выходит за эти рамки, о чем речь впереди).

И тут А. П. Семитко, в целом ориентированный на чисто юридическую логику и, в частности, на презумпцию естественных прав человека и равноправия всех людей, независимо от их этнической, гендерной, социально-групповой и «сексуально-ориентационной» принадлежности, реагируя на только что артикулированный мной культурный «подтекст» аргументации М. А. Краснова, тоже ненадолго вступает на культурологическую территорию. И высказывает очень важную и для правовой культуры общую (можно сказать, культурфилософскую) идею (я ее сформулирую своими словами): культурные (в том числе морально-нравственные) основания права историчны и эволюционируют вместе со всей культурой. Держаться за старые «абсолюты» или превращать старые ценности и нормы в абсолюты — без каких-либо поправок на перемены — значит оставаться в плену ушедшей, давно не существующей реальности. Поскольку же преданность нормам прошлого носит характер эмоциональной привязанности, иррациональной веры и привычки, А.П. (не без оснований) характеризует такие представления, как предрассудки (так их называет и наука социальная психология). Именно с таких (культурно-эволюционных) позиций А. П. Семитко и поддерживает решения ЕСПЧ, тем более что в них, что признает и М. А. Краснов, ЕСПЧ сам отдает дань «фактору культуры»: он признает роль и власть традиций и отсюда разную готовность обществ разных стран к легитимации совместной жизни однополых пар. Но для ЕСПЧ, с чем согласен и А. П. Семитко, этот «фактор культуры», необходимость учета актуальных традиций и общественных настроений не отменяет требования защиты прав меньшинства. Отсюда и необходимость выработки таких форм совместности, какие будут обеспечивать баланс прав ЛГБТ-меньшинств и уровень готовности общества к такого рода совместности (мне кажется, что при всех возражениях и опасениях М. А. Краснова, ему тоже не будет трудно понять необходимость институционализации и легитимации однополых союзов, их организационной интеграции в современный социум).

Тут мое весьма краткое изложение «ситуации» (дискуссии наших авторов и ее «денотатов») позволяет «остановиться», чтобы зафиксировать ее проблемную культурологическую сущность, проявляющуюся как в правовой сфере, так и в социокультуре в целом. На время отвлечемся от проблемы однополых браков.

Человечество в конце XX и в XXI веке переживает не известные всей предыдущей его истории по масштабу, темпам и радикальности новизны перемены

практически во всех сферах жизни и аспектах обеспечивающей их культуры — от технологий промышленного производства до оснащения повседневного быта и досуга миллионов, от представлений о рождении и строении Вселенной, об устройстве и утилитарных свойствах вещества, энергии и информации до понимания строения, функций и ресурсов хромосом и мозга человека. Данность, вряд ли требующая дополнительного пояснения. В силу этого в нашем историческом «сейчас» (настоящем) максимально сблизилась, практически сосуществуют прошлое и будущее — не только как «информация», абстракции или ценности, а как реальности, реальные модусы бытия. Как живая, владеющая умами, сердцами, помыслами, габитусами и поступками многих людей культура³. И это во многом принципиально разные, противоречащие друг другу реальности, которые, соответственно, выражаются принципиально разным сознанием. На мой взгляд, именно противоречие *радикально нового, представляющего будущее и ведущего в будущее социокультурного комплекса бытие/сознание* (условно назову это так, хотя можно назвать этот комплекс и одним словом: «культура») — и *традиционного, репрезентирующего и хранящего прошлое комплекса бытие/сознание* и является главным глобальным противоречием нашего времени. Противоречием и функционирования современного человечества и его развития. Противостояние-соперничество («борьба», как учила диалектика, и это слово в данном случае вполне может быть употреблено и без кавычек) старого и нового, традиций и инноваций проявляет себя в самых разных масштабах и формах. И что для нашей темы особенно важно, нередко затрагивает «предметы», казалось, раз и навсегда «данные», признанные как всеобщие и нормативные черты самой «сущности» человека — несмотря на все достижения науки, исторического мышления, культурно-эволюционистского сознания. Под натиском нового (в том числе и новых знаний о человеке, его биосоциокультурной природе, еще недавно казавшихся фантастикой технологических инноваций) утверждают себя непредставимые и немислимые прежде элементы, структуры и функции культуры, неизвестные и казавшиеся доселе в принципе невозможными отношения природного («естественного») и культурного («искусственного») в самом человеке и всей совместной жизни людей. Другой стороной этого обновления становится отказ от многого, что вчера еще казалось неизменным, необходимым, тождественным «человеческому» и составлявшим его фундаментальные и одновременно уникальные, отличительные свойства. Так, сегодня утрачивают свою «незыблемость» и «уникальность» такие черты человеческого существа, как данные человеку

³ Насчет жизни прошлого (более того, разных прошлых) в настоящем отсылаю читателей к глубокой концепции Э. Блоха, с которой можно познакомиться, например, по его статье, опубликованной в «Койноне» [Блох 2021]. Интересна и теория Райнхарта Козеллека о следах и слоях времени [Буллер 2022].

от рождения («от природы») набор внутренних органов и генофонд, биологический пол, способ продолжения рода (биологического воспроизводства), не говоря уже об особенностях индивидуального телосложения и внешнего облика. Сегодня под вопросом исключительность такого свойства человека, как сознание, а также его духовно-психосоматическая уникальность. На этом фоне уже достаточно исторически продолжительная и «плавная» легитимация гомосексуальности и гомосексуальных отношений и в целом ЛГБТ-особей («меньшинств») уже не кажется «авангардной», «передовой», хотя все равно рассматривается как необходимая черта социокультурного прогресса. В этом отношении она сравнима с продолжающейся эмансипацией женщин — и, так же как эта последняя, встречает на своем пути всевозможные препятствия, включая открытое сопротивление достаточно широкого круга людей, в том числе и наделенных властными полномочиями.

Истоки этого сопротивления коренятся в очень давних и глубоких традициях, ценностных представлениях, верованиях в коллективном бессознательном, освященном великими культурными текстами, обычаями и ритуалами прошлого. А непосредственные основания-мотивы неприятия гомосексуальности (как и, кстати, многих других «отклонений» от сакрализованных и ставших привычкой по своему генезису и характеру культурно-психологических ценностей-норм — этнических, социально-групповых, гендерных, даже культурно- и индивидуально-стилевых) — весьма разные. Сегодня самыми главными в своей негативной роли, агрессивной нетолерантности кажутся мне такие: *фундаментализм* — догматический традиционализм, экстремальный консерватизм; агрессивное иррациональное *неприятие всего иного* исключительно в силу его непохожести на свое, а потому чужого как *чуждого и враждебного*; *ресентимент* как злобная «темная» обида и мстительная зависть к другим, замешанные на собственной ограниченности обиженных завистников, на их материальной, душевной и духовной бедности, на внутреннем рабстве (свободный в своей нетрадиционности гей в этом случае вызывает у культурно ограниченного гетеросексуала такую же враждебную злобную обиду-зависть-ненависть, как удачливый богатый бизнесмен — у бедняка, гениальный творец — у соблюдающей правила, но бесплодной посредственности, вызывающая массовый восторг и счастливая в личной жизни красавица — у дурнушки или несчастной старой девы, что когда-то остроумно подметил Хулио Хуренито в романе И. Эренбурга). Все эти варианты (нередкие, увы, в наших палестинах) объединяются иррациональностью, агрессивностью, неспособностью и нежеланием понимания даже самой возможности, тем более правомерности *иного* и диалога с ним. Обида, оскорбленность, чувство угрозы со стороны иного, острая и в своей неосмысленности (=иррациональности) равная инстинкту потребность снять эту (так и не понятую в своем *ином* существовании) угрозу и, наконец, спонтанное видение естественным и потому наиболее

верным и желанным способом снятия этой угрозы *насилие* по отношению к источнику угрозы (отклонению от нормы) — это обычный и часто массовый психический комплекс, воплощающий неприятие и программирующий, грубо скажу, оголтелую примитивную («не пуцать!») социоповеденческую реакцию, далекую от норм современной цивилизации (диалог, толерантность, уважение к правам людей и их особенностям).

Но ведь позиция М. А. Краснова и по форме, и по существу совсем иная! Прочитавшие его статью убедятся, что в ней нет гомофобии (что корреспондирует — в плане общих оснований дискурса М.А. — с его либеральным контекстом и послылками⁴). М. А. Краснов не оспаривает не только реальность гомосексуальности, но и права на гомосексуальные отношения. Но эти отношения — одно, а брак и семья — совсем другое. Выступая против гомосексуальных браков и даже против других форм гомосексуальных союзов, исходя из предписаний христианской морали, М.А. при этом (пусть и имплицитно) учитывает то существенное обстоятельство, что для реализации гомосексуальных отношений (как и, кстати, гетеросексуальных) брак и семья совсем не обязательны.

Для меня очевидно, что статья М. А. Краснова выражает — и выражает не только в высшей степени корректно по отношению к оспариваемой им позиции ЕСПЧ, но и, я бы сказал, проникновенно, с искренней озабоченностью — позицию, которую я бы назвал позицией умеренного просвещенного консерватизма: не оголтелого, не ожесточенного в своем отношении к новизне, внимательного к ее, новизны, «аргументам», но убежденного в непреходящей ценности защищаемых им традиционных представлений и ценностей и именно озабоченного видимыми с его позиций рисками для цементирующей совместную жизнь людей и сохраняющей человеческое в человеке культуры, важнейшим компонентом которой является право.

И тут, во многом не соглашаясь с позицией М. А. Краснова и разделяя аргументы А. П. Семитко, я тем не менее ищу рациональное зерно в умеренном консерватизме Краснова, а потому меняю направление своих размышлений. Рискуя быть зачисленным в разряд консерваторов и врагов прогресса (что, вообще говоря, совсем не одно и то же), я предлагаю взглянуть на ситуацию современности — ситуацию «единства и борьбы» старого и нового и на ее проблемность с другой, возможно, «обратной» и даже противоположной, но, по-моему, весьма важной стороны.

⁴ Неслучайно статья Краснова начинается с цитаты Ортеги-и-Гассета о либеральном значении права, а дискутируя с либертарианцами о соотношении права и нравственности, М.А. одобрительно отзывается об антитоталитарном характере их взглядов.

Пока эта сторона чаще обсуждается с позиций испуганных «антипрогрессистов», в восприятии которых в будущем нас ждет «конец человека», крах человечества — новый апокалипсис, к которому приводит именно прогресс (для левых — прогресс в условиях капитализма, для верующих — прогресс в условиях секуляризации). Так думают не только европейские обыватели, трампы в США, но и некоторые профессиональные философы (такова, например, точка зрения нижегородского философа В. А. Кутырёва, одна из многочисленных, скорбных насчет нашего будущего публикаций которого имеет мрачное, полное безысходности название «Последнее целование» [Кутырёв 2015]).

Но и более оптимистически настроенные мыслители, говоря не только о будущем, но и о настоящем, не зря ключевыми концептами сделали такие понятия, как «неопределенность», «риск», «сложность» (см., например, [Бек 2000; Асмолов 2016; Гидденс 2011]). Причем эти концепты семантически распространяются не только на сферу освоения природы, но и на сферы самоорганизации общества, человеческих отношений и внутреннего мира людей. Представления о неопределенности, а значит, непредсказуемости и, в меньшей степени, рискованности, опасности, возможно, даже катастрофичности уже недалекого будущего растут из двух особенностей социокультурного развития: во-первых, из уже очевидных в своем негативном значении его результатов, не только возможных в принципе, но и уже наличествующих (экологические проблемы, включая глобальное потепление; зримые рискованные перспективы экспериментов в сфере генетики человека; прогресс в работах по искусственному интеллекту и по управлению мозгом и психикой людей и многое другое); во-вторых, из радикального характера и быстрых темпов перемен, что предвещает реальную возможность пока не предсказуемой нами, но опасной в своей новизне будущей реальности. И эти риски требуют трезвого, взвешенного, я бы сказал, весьма аккуратного и осторожного отношения к возможным вариантам развития, к выбору его направлений, процессов и результатов, к учету социально-организационных и духовно-психологических предпосылок и последствий технико-технологического развития.

Но проблемность будущего и сложность реального движения к «потребному будущему» (Н. А. Бернштейн) заставляют с новой практической заинтересованностью, «по-хозяйски» задуматься и осмыслить огромный запас накопленного культурой опыта, включая давний, проверенный многовековой практикой и давно функционирующий как бессознательный автоматизм. Наличие оголтелых традиционалистов-фундаменталистов, не желающих ничего менять и всякую новизну принимающих в штыки, в любой инновации видящих угрозу личной и мировой гармонии, отнюдь не означает безупречности любых инноваций и порочности (устарелости, ненужности) всяких традиций только потому, что они «родом из прошлого».

Именно в этом контексте я воспринимаю позицию М. А. Краснова, и она, мне кажется, заслуживает самого серьезного и, снова повторю, практичного отношения. Да, М.А., как уже сказано, предметно не конкретизировал свои опасения насчет гомосексуальных браков и семей. И авторитетные инстанции, на тексты, убеждения и нормы которых опираются его собственные взгляды, тоже работают в религиозно-моральных дискурсах, трактуя гомосексуальные отношения как греховные, даже порочные, в сущности, исключительно априорно-оценочно, исходя из (будто бы) известной позиции (системы моральных ценностей) высшей и абсолютной в своей истинности, благодати, добре и нравственной чистоте инстанции. Ее сущность и «статус» в рамках данного типа дискурса отменяет необходимость в утилитарно-практических, шире — рациональных, доказательствах тех или иных максим, предписаний и запретов. Тут «необходима и достаточна» вера в эту инстанцию, преданность и послушание, из этой веры исходящие. Почему нельзя есть свинину и варить козленка в молоке его матери, религиозная традиция не объясняет.

Для светской культуры, и в частности для науки, такой веры недостаточно. Ей нужны жизненно-практические основания, понимание пользы или вреда, а говоря языком современного знания о культуре — адаптивных и социо-антропоразвивающих достоинств (эффектов) или недостатков (дефектов) любого явления культуры, любого ее позитивного предписания или запрета. Так, некоторые безусловные для определенных религий запреты со временем раскрывают свою историчность, относительность и практическую безвредность — и светская культура преодолевает эти запреты, утверждает их добровольно-факультативный характер (многие израильтяне и жители арабских стран, например, употребляют в пищу свинину, несмотря на религиозное табу на сей счет).

В то же время история культуры накопила примеры, можно сказать, универсальных, или всеобщих, культурных норм, выработанных еще на заре человеческого рода и до сих пор сохраняющих свою императивную силу. Так, по мнению А. Л. Крёбера, общими нормами для всех народов (культур) являются осуждение убийства, кровосмешения, присвоения чужой собственности, обмана, негостеприимства [Kroeber 1910]. Несколько иной список универсальных для всех культур норм предлагал другой известный антрополог, Дж. П. Мёрдок. Это чистота, разделение труда, ритуалы приветствия и траура, те или иные пищевые запреты [Murdock 1945]. Сейчас для моих размышлений важно то, что в этих разных списках часть норм имеет понятные, вполне рациональные жизненно-практические основания, которые в последующие после зарождения этих норм времена получили не только практическое подтверждение, но и научное (как естественнонаучное, так и социогуманитарное) объяснение (начиная с запрета на убийство и кончая чистотой и гостеприимством). Однако ряд универсалий до сих пор работают

в культуре, не имея однозначного или доказательного рационального объяснения. Таковы уже названные пищевые запреты. Таков и древнейший, по-видимому, в мировой культуре универсальный запрет на инцест (при наличии многих объясняющих версий-гипотез). Означает ли отсутствие объяснения (ответа на вопрос «почему так?»), а также «отдельные» факты безболезненного нарушения этого табу, что пора попробовать на практике отказаться от него? Отсутствие ответов не означает отсутствия вопросов — оно означает существование проблемы!

У нас есть серьезные основания современную ситуацию встречи и противоречий старого и нового, традиций (в том числе запретов) и отказов от них рассматривать как очень важную для нашего общечеловеческого будущего *проблемную зону*. Зону, требующую рационального критико-аналитического взгляда на все стороны проблемы, декартовского сомнения не только в старом, но и в оспариваемом его новом, не только в кажущихся иррациональными давних верованиях, но и в рациональных на вид и совсем свежих уверенностях. Позиция М. А. Краснова — позиция оглядки на до конца не осознаваемый в своих основаниях, но проверенный жизнью опыт — актуализирует эту проблемность для серьезного, ответственного за судьбы следующих поколений сознания. Она сродни народной мудрости, что сначала надо семь раз отметить. Разумеется, вместе с позицией защищающих права человека ЕСПЧ и А. П. Семитко.

Попробую коротко эксплицировать эту проблему, или проблемность вопроса: какие угрозы может таить реализация индивидуальной потребности некоторых людей создать однополую семью?

Вышеупомянутый А. Л. Крёбер антропологическую универсальность некоторых норм объяснял инстинктами, присущими всем людям. Но уже такие антропологи-культурологи, как Б. Малиновский и К. Клакхон, рассматривали культуру, прежде всего, как «искусственные» (внебиологического происхождения) ответы на природные (биологические) потребности человека [Малиновский 2000; Kluckhohn 1953]. Сегодня мы понимаем, что потребность людей в институте брака и семьи имеет социокультурную, а отнюдь не биоинстинктивную природу и связана с рядом «надбиологических» потребностей: экономической, необходимостью не только (и не столько) биологического, но и социокультурного производства (социализации/инкультурации) потомства, а также, в немалой степени, с тонкими потребностями духовно-психического мира людей в душевно близкой, сочувственно-отзывчивой среде. Именно в свете этих потребностей и должны быть оценены однополые брак и семья.

В *экономическом плане* я тут не вижу никаких особых проблем ни в аспекте материального обеспечения совместной жизни, ни в аспекте прав материального наследства. Наоборот, легитимация однополых брака и семьи обеспечивают названные материальные права.

В плане удовлетворения психологических потребностей однополых супругов проблем, думается, не больше, чем в отношениях супругов разнополых. Само вступление в брак и создание семьи сегодня, как правило, базируется именно и прежде всего на психологической близости партнеров, на отношениях любви, дружбы, взаимопонимания и взаимоподдержки. А иначе много удобней и выгодней внебрачные отношения, свободное партнерство в сексе и других сферах жизни. Но и в брачной жизни сегодня весьма распространен вариант формальных отношений, свободы от сексуальных и психологических обязательств, отсутствие даже запроса супругов на эмпатию (что, безусловно, свидетельствует о кризисе конкретного брачного союза и брачных отношений в целом). И это отнюдь не проблема гомо- или гетеросексуальных основ брака.

Проблемы начинаются в следующем пункте: *дети*. Это, на мой взгляд, и есть самая социально проблемная сторона гомосексуальных браков. Многие их противники считают главной проблемой-угрозой таких браков демографический аспект: рост числа не способных производить потомство пар якобы наносит удар по численности населения (актуальнейший вопрос как для Европы, так и для России). Мне не кажется такая постановка вопроса правомерной. Во-первых, гомосексуальные пары и, соответственно, однополые браки/семьи (даже при условии их повсеместной легитимации) составляют и будут составлять незначительное меньшинство соответствующих общностей и не могут существенно влиять на демографическую ситуацию. Во-вторых, многие гомосексуальные пары потому и стремятся вступить в брак и создать семью, что как раз хотят иметь детей, что в современных условиях и для них вполне несложная задача. Это не требует особых разъяснений. Но тут-то и возникает, на мой взгляд, главная реальная проблема — проблема социализации детей у однополых родителей.

Важнейшая задача культуры — ее самотрансляция и самовоспроизводство в детях, в их природном (биологическом) соматико-психическом, или психосоматическом, субстрате. Это один из важнейших для общества и каждого человека, тончайших и деликатнейших аспектов многосторонних отношений культуры с природой. И в этом сложнейшем процессе социализации/инкультурации ребенка, как, впрочем, и во множестве других осуществляемых людьми процессах (деятельностях), доминирующая роль — за культурой со всей ее спецификой. Но и без природных начал, сил и свойств дело не обходится. И если природные факторы играют важную роль во всех делах культуры (Мёрдок называет, например, смену дня и ночи, дождь, дыхание, деторождение, болезни и смерть; но это также и гравитация, и времена года и климат, и поглощаемые людьми вещества природы, и «звездное небо над нами» (Кант)... список можно длить бесконечно), а природа в целом была и остается неустранимым основанием культуры и (социо)культурного бытия людей, их

не только материалом, но и формо- и смыслообразующим законом, хронотопом, границей, практическим и духовным образцом и многогранной ценностью, то понятной становится исключительная роль природных особенностей тех, кто играет первичную и ведущую роль в формировании из ребенка человека культуры, как и роль соотношения и взаимодействия этих природных особенностей родителей с природными особенностями самого ребенка. Я написал «понятной», имея в виду общее, принципиальное представление об этой роли природного. Во всех же аспектах и деталях мы, даже при нынешнем уровне научных знаний, себе этого в полной мере как раз не представляем! Но и при этом уровне информированности можем уверенно сказать: люди, какими они становятся в процессе социализации/инкультурации, а через каждого из них и все человечество в целом, и то, что их всех объединяет — «человеческое» во всей своей конкретике, — «получаются» такими, а не иными, в том числе и потому, что в их биологическом и социокультурном становлении и формировании участвуют родители женского и мужского пола со своими биологическими возможностями, органами, силами и особенностями. Материнские грудь и улыбка, отцовский голос и мужественная энергетика, тембры их от природы разных голосов и разные ощутимые телом ребенка качества прикосновения мужских и женских рук и т. д. — все это и тому подобное создало и создает человека, каким мы его знаем. Именно поэтому отсутствие живой любящей матери и безотцовщина давно стали маркерами трагической патологии социализации и вестником-предзнаменованием несчастной судьбы. Два идеальных отца не могут заменить растущему ребенку одной матери. Так же, как две прекрасные любящие матери не заменят ребенку обоих полов одного отца. Даже первые конфликты, психологические драмы в отношениях детей и родителей, как показал Фрейд, важны биологическими и социокультурными (гендерными) отличиями родителей и имеют фундаментальное влияние на характер, психику и сознание взрослеющего ребенка и будущего взрослого. Так устроены люди и человеческий род в целом.

В свете сказанного приходится признать, что замена разнополюх родителей на однополюх (как и утрата одного из разнополюх родителей) *антропологически существенна*. В этом сомнений нет. Но для выводов о том, к каким социокультурным и психологическим, антропологическим в целом изменениям приведет эта замена, достаточных данных нет. Есть неопределенность. Есть вопрос-проблема. И определенная доля риска получить нежелательные изменения, хотя в каких отношениях нежелательные, сказать тоже пока трудно, если не невозможно. Не исключается и противоположный вариант: изменений без негативных последствий. Ну, и третий вполне возможен: как часто бывает в жизни и развитии, изменения могут дать сочетание обретений и потерь, позитивного и негативного. В любом случае проблема однополюх браков — одна из многих, какие ставит перед современным обществом его

эволюция. Как и другие, эта проблема — примета возрастающей сложности социокультурного мира, один из многих вызовов современной культуре как специфическому для людей способу решения любых проблем.

Если быть точнее, это вызов сразу нескольким аспектам культуры.

Во-первых, это вызов нашей способности постигать мир в его сложности. Очевидно, что проблема нуждается в научном изучении, в накоплении и адекватном анализе необходимой информации. Старой, но и новой. Понятно, что безоговорочные тотальные запреты однополых браков не будут способствовать познанию их особенностей и социоантропологических последствий. Безоглядная же безразмерная свобода под эгидой равных прав для всех людей⁵, на мой взгляд, будет забеганием вперед, «решением» до и без должных информационных оснований. Тут нужна здоровая мера, мудрая точность и осторожность в осуществлении, по сути, сложного, но общественно и лично важного социального эксперимента (а таких в свете множества новых проблем и противоречий развития у нас впереди немало). Нужна понимающая чуткость к культурной (в том числе культурно-психологической) специфике и возможностям, готовностям разных обществ к такому эксперименту и такому нововведению, что ведь и ЕСПЧ имеет в виду.

Во-вторых, это вызов нашей способности к коллективному решению сложных вопросов. Способности к диалогу, к цивилизованному ведению дискуссии, к «сотворчеству понимающих» (М. М. Бахтин). Других способов, столь же плодотворных, ведущих в результате не только к практически полезному результату, но и к сплочению разных людей и групп, культура не знает. И в этом смысле мне кажется весьма достойным, не побоюсь сказать — образцовым способ выражения своего мнения и ведения дискуссии нашими уважаемыми авторами М. А. Красновым и А. П. Семитко.

В-третьих, это вызов нашей способности к практическому культуротворчеству (в данном конкретном случае — правовому институциональному творчеству). Потому что все противоречия и вызовы развития и сложности имеют в конце концов один социально необходимый и по-настоящему плодотворный результат: эффективное (и прагматически/утилитарно, и духовно; и для общества, и для личности; и для настоящего, и для будущего) практическое освоение-решение проблемы. Нахождение оптимального во всех отношениях

⁵ Фактически, на деле у принципа равенства прав человека всегда есть конкретные ограничения, проистекающие из особенностей самих людей. Для реализации своего права/свободы выбора профессии человек должен обладать способностями к соответствующей деятельности: не каждый, имеющий формальное право выбрать профессию балерины или пианиста, может стать ими. Человек, склонный к подавлению других людей, не умеющий учитывать их интересы и считаться с их особенностями, не должен иметь возможность реализовать свое абстрактное право управлять другими. Педофил не может быть допущен к работе с детьми. И так далее.

способа такого решения и его реализация способными для такой задачи субъектами и институтами.

Верные ответы на все названные вызовы не могут и не должны быть делом некомпетентных обывателей, как и одиозно-тенденциозных идеологов, нечистоплотных политиков, недостаточно профессионально и общекультурно компетентных педагогов и, тем более, падких на скороспелые «сенсационные» выводы журналистов.

Сегодня я не знаю ответа на поставленные здесь вопросы. Но я разделяю уверенность одной мудрой героини Томаса Манна, что «человеческого понимания на все достанет».

Список литературы

- Алиева 2022 — Алиева Ф. Парламент Кубы одобрил законопроект о легализации однополых браков [Электронный ресурс] // Сноб. 23.07.2022. URL: <https://snob.ru/news/parlament-kuby-odobril-zakonoproekt-o-legalizacii-odnopolyh-brakov/> (дата обращения: 23.07.2022).
- Асмолов 2016 — Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. М. : Федеральный институт развития образования, 2016. 24 с.
- Бек 2000 — Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Блох 2021 — Блох Э. Неодновременность и обязанность сделать ее диалектичной (май 1932 г.) / пер. с нем. С. Е. Вершинина // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 139–157. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.032.
- Буллер 2022 — Буллер А. Следы и слои времени (со статьями Райнхарта Козеллека). М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2022. 208 с.
- Гидденс 2011 — Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича ; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М. : Практика, 2011. 352 с.
- Госдума 2022 — В Госдуме предложили ужесточить наказание за пропаганду нетрадиционных отношений [Электронный ресурс] // Известия. 21.07.2022. URL: <https://iz.ru/1368157/2022-07-21/v-gosdume-predlozhili-uzhestochit-nakazanie-za-propagandu-netraditsionnykh-otnoshenii> (дата обращения: 22.07.2022).
- Кутырёв 2015 — Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетея, 2015. 312 с.
- Малиновский 2000 — Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И. В. Утехина. М. : ОГИ, 2000. 208 с.
- Kluckhohn 1953 — Kluckhohn C. Universal Categories of Culture // *Anthropology Today: An Encyclopedic Inventory* / prepared under the Chairmanship of A. L. Kroeber. Chicago : University of Chicago Press, 1953. P. 507–523.
- Kroeber 1910 — Kroeber A. L. The Morals of Uncivilized People // *American Anthropologist*. 1910. Vol. 12. No. 3. P. 437–447.
- Murdock 1945 — Murdock G. P. The Common Denominator of Culture // *The Science of Man in the World Crisis* / ed. by R. Linton. New York : Columbia University Press, 1945. P. 123–142.

References

- Alieva, F. (2022), “Cuban Parliament Approves Same-Sex Marriage Legalization Bill”, *Snob*, available at: <https://snob.ru/news/parlament-kuby-odobril-zakonoproekt-o-legalizacii-odnopolyh-brakov/> (accessed 23 July 2022) (in Russian).

- Asmolov, A. G. (2016), *Psikhologiya sovremenosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznobraziya* [Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity, and Diversity], Federal'nyi institut razvitiya obrazovaniya, Moscow, 24 p. (in Russian).
- Beck, U. (2000), *Risikogesellschaft: auf dem Weg in eine andere Moderne*, translated by Sedel'nik, V. and Fedorova, N., Progress-Traditsiya, Moscow, 383 p. (in Russian).
- Bloch, E. (2021), "Ungleichzeitigkeit und Pflicht zu ihrer Dialektik", translated by Vershinin, S. E., *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 139–157 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.032.
- Buller, A. (2022), *Sledy i sloi vremeni (so stat'yami Rainkharta Kozelleka)* [Traces and layers of time (with articles by Reinhart Koselleck)], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint-Petersburg, 208 p. (in Russian).
- Giddens, A. (2011), *The Consequences of Modernity*, translated by Olkhovikov, G. K. and Kibalchich, D. A., Praksis, Moscow, 352 p. (in Russian).
- Kluckhohn, C. (1953), "Universal Categories of Culture", in Kroeber, A. L. (ed.), *Anthropology Today: An Encyclopedic Inventory*, University of Chicago Press, Chicago, pp. 507–523.
- Kroeber, A. L. (1910), "The Morals of Uncivilized People", *American Anthropologist*, vol. 12, no. 3, pp. 437–447.
- Kutyrev, V. A. (2015), *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kiss. Man as a Tradition], Aleteiya, Saint-Petersburg, 312 p. (in Russian).
- Malinowski, B. (2000), *A Scientific Theory of Culture*, translated by Utekhina, I. V., OGI, Moscow, 208 p. (in Russian).
- Murdock, G. P. (1945), "The Common Denominator of Culture", in Linton, R. (ed.), *The Science of Man in the World Crisis*, Columbia University Press, New York, pp. 123–142.
- "The State Duma proposed to Toughen Penalties for Propaganda of Non-traditional Relationships" (2022), *Izvestiya*, available at: <https://iz.ru/1368157/2022-07-21/v-gosdume-predlozhili-uzhestochit-nakazanie-za-propagandu-netraditsionnykh-otnoshenii> (accessed 22 July 2022) (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 25.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 1.08.2022

Информация об авторе

Закс Лев Абрамович
доктор философских наук, профессор
Гуманитарный университет
620049, Россия, Екатеринбург,
ул. Студенческая, 19
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина,
51
E-mail: rector@guniver.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-1219-3404

Information about author

Zaks, Lev Abramovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Liberal Arts University — University
for Humanities
19 Studencheskaya St., Yekaterinburg,
620049 Russia
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: rector@guniver.ru
Author's ORCID: 0000-0003-1219-3404

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.018

УДК 7.01:77

ИСПЫТАНИЕ ФОТОГРАФИИ

П. Г. Соиреф

независимый исследователь
Таллин, Эстония

Аннотация: Задачей исследования является обоснование интерпретации фотографии как инструмента, артефакта и практики в рамках концепта «испытание». Выбор концепта «испытание» обусловлен его сложным семантическим и функциональным содержанием и предназначением: проверять (на прочность), получать опыт, находить истину. Также в соответствии с двойным значением генитива: мы испытываем фотографию, фотография испытывает нас (испытание обоюдно, двунаправленно) — выделены рубрики: «Испытание на прочность», «Испытание зрителя», «Испытание взгляда», «Опыт тела: испытание взглядом», «Испытание языком», «Испытание достоверностью». Авторская позиция заключается в сдвиге акцента с разговора о фотографии как таковой к возможностям опыта, которые она дает. Реализация подхода опирается на двойственную природу фотографии: техническую сторону генезиса фотографического изображения и фотографический дуализм *studium* и *punctum* (Р. Барт). Фотография расположена на стыке субъективного взгляда выбора кадра и технической регистрации реальности, полностью исключая субъекта непосредственно из самого процесса этой регистрации. Именно этот стык субъектного и внесубъектного в фотографической практике позволяет определить темы исследования, представленные в рубрикации. Фотографическое изображение остается полностью автономным, никак не связанным с вмешательством человека, и это утверждение позволило ввести понятие

«прочного кадра», который обладает максимальными возможностями воздействия. Прочный кадр — самостоятельный артефакт, который способен длиться в восприятии и памяти зрителя и создавать собственное смысловое поле. Исследуется природа особой захваченности зрителя фотографией. Свойства фотографии — претензия на убедительность и действительная сила «прочной» фотографии — позволяют влиять на смотрящих на нее (не имеет значения, зритель или фотограф): мы знаем, что «это было», находимся в поле артефакта, выходящего за свои фактические границы, испытываем его содержание за пределами культурных, художественных, языковых границ. Фотография оказывается практикой, которая актуализирует, усиливает или трансформирует опыт взаимодействия с действительностью; инструментом, позволяющим испытать ее интенсивней, чем в повседневности.

Ключевые слова: фотография, взгляд Другого, опыт тела, *studium* и *punctum*, вуайеризм, достоверность в фотографии.

Для цитирования: Соیرهф П. Г. Испытание фотографии // *Koinon*. 2022. Т. 3. № 2. С. 86–105. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.018

THE TEST OF PHOTOGRAPHY

P. G. Soyref

independent researcher
Tallinn, Estonia

Abstract: This article aims to substantiate the interpretation of photography as a tool, artifact, and practice using the concept of test. The concept of test is chosen due to its complex semantic and functional meanings: to test is to check for durability, to find the truth; to be tested is to gain experience. In line with the double meaning of the genitive — we test the photograph, and the photograph tests us — (mutual, bidirectional testing), the article introduces the following headings: “The Test of Strength”, “The Test of the Viewer”, “The Test of the Gaze”, “Body Experience: Tested by the Gaze”, “The Test of Language”, and “The Test of Credibility”. The author’s position is to shift the focus from talking about photography as such to the possibilities of experience that it offers. The implementation of the approach relies on the dual nature of photography: the technical side of the genesis of the photographic image and photographic dualism of *studium* and *punctum* (R. Barth). Photography is at the junction between the subjective view of the choice of frame, and the technical registration of reality, which excludes the subject from the process of this registration. This juxtaposition of the subjective and the non-subjective in photographic practice determines the research topics presented in this article. The photographic image remains completely autonomous, not connected to human intervention, and this statement contributed to the introduction of the concept of the solid frame, which

has the maximum potential for effect. A solid frame is an independent artifact that can last in the perception and memory of the viewer and create its field of meaning. The nature of the viewer's particular fascination with photography is explored. The properties of photography — the claim to persuasiveness and the actual power of "lasting" photography — allow us to influence those looking at it (it doesn't matter if it is the viewer or the photographer): we know that "it was", we are in the field of the artifact that goes beyond its actual borders, we experience its content beyond cultural, artistic, linguistic boundaries. Photography turns out to be a practice that actualizes, intensifies, or transforms the experience of interacting with reality, a tool that allows us to experience it more intensely than in everyday life.

Keywords: photography, the Gaze, experience of the body, studium and punctum, voyeurism, credibility in the photography.

For citation: Soyref, P. G. (2022), "The Test of Photography", *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 86–105 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.018

Введение

В настоящий момент фотография — одна из самых доступных и распространенных форм творчества и фиксации памяти, возможность высказывания, инструмент медиареальности и т. д. Можно продолжать список, его содержание доказывает, что фотографический инструмент гораздо сложнее и многограннее, чем кажется на первый взгляд, вероятно, нечто большее, чем инструмент. Такая многогранность предполагает постоянно расширяющееся пространство для анализа и интерпретаций, соответственно, необходимо сформулировать, *в каком поле и в каких границах* разговор о фотографии может происходить. В предложенном тексте я выделяю поля для собственной речи, произвожу проверку некоторых традиционных функций, приписываемых фотографии, и формулирую основные значимые для меня точки в ее понимании и их связи друг с другом. Задачей исследования является обоснование интерпретации фотографии как инструмента, артефакта и практики в рамках концепта «*испытание*».

Необходимо объяснить *основания выбора концепта «испытания»*. Этот концепт не имеет развитой и продуманной теоретической истории, поэтому есть сложность его методологического применения. В то же время концепт «испытания» активно встречается в самой разной гуманитарной литературе в качестве предмета изучения, культурной антропологии например. Культура несет в себе испытания как некий универсальный способ существования. Кроме того, в «испытаниях» есть многозначность. Сама неопределенность этого процесса, семантическая и функциональная, порождает провоцирующий

эффект. Напоминаем, что провокация имеет медицинское значение, с ее помощью обнаруживается скрытый источник болезни, таким образом, провокация тоже выполняет функции проверки — проверки здоровья. В корне слова — значение «пытать». Пытать — означает и проверять, и устанавливать истину, и доставлять страдание. Неудивительно, что в самых главных обрядах архаики испытания включали в себя все эти смыслы, выполняли функции провокации, проверки и обретения опыта на фоне сильных болевых (вызывающих страдание) ощущений.

Испытание синонимично с опытом, и это важно с точки зрения задач исследования фотографии. Опыт — то, что обретается лично и непосредственно, имеет неустранимый и незаменимый характер. Если мы к процедуре контакта с фотографией применяем оптику опыта, то понятие «восприятия фотографии» становится нерелевантным или, по крайней мере, бедным, игнорирующим остаток, след этого контакта, момент изменения адресата.

Испытание также несет в себе значение «проверки». Что может быть предметом проверки в фотографии? За этим концептом закрепилась отсылка к «прочности» — проверка на прочность. В данном случае это значение важнее, чем проверка на истинность, так как снова возвращает нас к опыту.

Мы сохраняем сложную семантическую структуру в названии: *Испытание фотографии*, так как такая грамматическая форма порождает вопросы. Кто кого испытывает? В соответствии с возможным двойным значением генитива: мы испытываем фотографию или фотография нас? Исходя из этой двойной модальности мы выделили рубрики: «Испытание зрителя», «Испытание взгляда», «Опыт тела: испытание взглядом». Таким образом, мы делаем акцент на прямом и обратном отношении, т. е. испытание обоюдно, двунаправленно. Мы отдаем себе отчет в том, что теоретически концепция испытания фотографией пока только намечена в статье, поэтому предлагаем каталогизацию темы испытания в связи с исследованием фотографии, надеясь в перспективе построить более систематизированное представление.

Второе предупреждение касается того, что *мы будем понимать под «фотографией»*. Бесспорно, фотографическое изображение не существует вне разнообразия медиа в целом. В рамках задач нашего исследования я не провожу концептуальной разницы между просмотром фото в галерее, на большом экране или на экране смартфона. Мне представляется более важной разница контекста (фото в галерее/фото в газете).

Также я абстрагируюсь от технической стороны фотографии как медиа, не заостряю внимание на том, аналоговая фотография или цифровая. С моей точки зрения, общие типологические признаки фотографии, на которые я опираюсь в своем исследовании, а именно выбор экспозиции и точки фокуса в цифровой фотографии, — технически та же самая фиксация информации о свете и цвете (как и в аналоговой фотографии) с последующей обработкой.

Природа фотографии как фиксации того, как падает свет, остается неизменной. Мы исходим из того, что в рамках выбранного подхода нет принципиальной разницы, сделано фото на смартфон или на пленку. Значительная часть цифровой фотографии сейчас (пока мы не уходим в lens-based art и совсем серьезные вычислительные, нейросетевые и прочие подобные инструменты) существует ровно по тем же канонам и принципам, что и фотография аналоговая. Методы, подходы и манипуляции с приходом цифровых камер не сильно изменились, только стали быстрее и проще. Фигура фотографа в этом ключе тоже незначительно изменилась.

Третье предупреждение: важно начать *с отказа от идеи, что фотография — это искусство*. Искусством фотография становится только в определенном контексте, в галерее, в смысловом поле, куда ее помещает автор (причем автор художественного высказывания — это не обязательно автор фотографии, так как существует и художественное переосмысление архивов, анонимных фотографий и видео с камер наблюдения; экспериментальные проекты с автопортретами прохожих и т. д.). Джон Бёрджер в своем эссе поддерживает эту идею с почтением к самому инструменту: «...фотография заслуживает, чтобы к ней подходили так, словно изобразительным искусством она *не является*» [Бёрджер 2014, с. 18].

Далее мы можем вспомнить основные и общепринятые функции фотографии: информационная (фотография как свидетельство), аксиологическая (трансляция ценностей), прикладная, интегративная, эстетическая. Однако я не намерена анализировать, как реализует себя фотография в каждой из этих функций, поскольку эти функции прикладные, в том смысле они характеризуют свойства готового фотоизображения только в контексте того, где и как оно существует. Меня интересуют *процессы, связанные с фотографией, окружающие ее: процесс съемки, влияние фотографии на зрителя, процесс существования кадра как самостоятельного объекта*. Таким образом, мне важно сдвинуть акцент разговора о фотографии как таковой от анализа результатов к тем *возможностям опыта*, которые она дает. Именно поэтому я выбрала в качестве сквозного для исследования концепт «испытание»: если мы говорим об опыте фотографии, нужно рассматривать ее как источник этого опыта во всем пространстве его возможностей (предельных и, может быть, недостижимых).

Для реализации этого подхода имеет значение остановиться на двух важнейших проявлениях двойственной природы фотографии: технической стороне генезиса фотографического изображения и фотографическом дуализме *studium*-а и *punctum* (Р. Барт).

О генезисе: *фотография расположена на стыке субъективного взгляда выбора кадра и технической регистрации реальности, полностью исключая субъекта непосредственно из самого процесса этой регистрации*.

Именно этот стык субъектного и внесубъектного в фотографической практике позволяет определить темы, о которых пойдет речь далее.

Субъективность фотографии показать достаточно просто: очевидно, что каждый кадр — это результат выбора автора, что именно и в какой момент сфотографировать. Бёрджер пишет об этом так: «Фотография — свидетельство о выборе человека, осуществляемом в той или иной ситуации. Снимок — результат решения фотографа, сказавшего себе: тот факт, что данное событие или данный объект были увидены, стоит запечатлеть» [Бёрджер 2014, с. 19].

Джонатан Крэри в своей книге «Техники наблюдателя» подчеркивает: фотокамера, появившаяся в начале XIX века и близкая по своему строению к камере-обскуре, на самом деле стоит в совершенно другом ряду технических и концептуальных новшеств своего времени. Способ видения, обозначенный камерой-обскурой, не требует наблюдателя, она самодостаточна и раз за разом обнаруживает собственное устройство хоть в присутствии смотрящего, хоть без него, как и не требует определенной точки, в которой должен находиться наблюдатель. Крэри показывает сложный и происходящий на всех уровнях общества рубежа XVIII и XIX веков переход к субъекту: «По сути, само физическое положение, принять которое требовал от наблюдателя фенакистископ¹, знаменовало смешение трех моделей: индивидуальное тело одновременно становилось зрителем, субъектом эмпирического исследования и наблюдения и элементом машинного производства» [Крэри 2014, с. 144].

Обратим внимание на то, что Крэри пишет о *технической стороне появления фигуры наблюдателя*: он противопоставляет камере-обскуре приспособления, использующие знания об устройстве глаза и механике зрения для создания оптических иллюзий: популярный в то время стереоскоп «заработает», только если кто-то будет всматриваться в него. Тауматроп, или фенакистископ, демонстрируют своей механикой инерцию зрения. Без реального, конкретного наблюдателя они не имеют смысла, не работают. Фотокамера оказывается следующим шагом в этом последовательном обнаружении наблюдателя: она не только нуждается в субъекте взгляда, но и позволяет этому субъекту делать выбор: что именно, когда и как будет зафиксировано и превратится в самостоятельное изображение.

¹ Фенакистископ и тауматроп — устройства, обнаруживающие инерцию зрения. Тауматроп — кружок, на котором с двух сторон изображены дополняющие друг друга элементы; при быстром вращении элементы совмещаются, и создается иллюзия цельного изображения (птица в клетке, букет в вазе, всадник на лошади и т. д.). Фенакистископ «состоит из картонного диска с прорезанными в нем отверстиями. На одной стороне диска нарисованы фигуры. Когда диск вращают вокруг оси перед зеркалом, то фигуры, рассматриваемые в зеркале через отверстия диска, представляются не вертящимися вместе с диском, а, наоборот, кажутся совершенно самостоятельными и делают движения, им присущие» (Жозеф Плато, 1833).

Однако внутри этой всецелой определенности и ограниченности субъективным взглядом фотографическое изображение остается полностью автономным, никак не связанным с вмешательством человека. Сам процесс появления фотографии заключается в попадании фотонов на светочувствительный материал и последующей обработке этого материала; в этом процессе — между регистрируемой действительностью и фотоматериалом — исключено всякое присутствие субъекта. Применение камеры для получения изображения можно сравнить с применением сейсмографа для документирования колебаний земной коры: инструмент настраивается человеком, однако сама регистрация происходит непосредственно, без его вмешательства (Бёрджер сравнивает фотографии с кардиограммами).

Таким образом, фотография имеет особую генетическую достоверность; своим происхождением она подтверждает: то, что на ней изображено, действительно было в реальности, было зарегистрировано в определенный момент времени в определенном пространстве (конечно, сейчас мы не говорим о фотомонтаже и ретуши, а характеризуем именно способ получения оригинального изображения). Сочетание субъективности выбора кадра с его автономией дает эффект расширения фотографического изображения за его пределы. Бёрджер пишет об этом так: «...показанное на снимке наводит на мысли о том, что на нем не показано» [Бёрджер 2014, с. 22].

О фотографическом дуализме, введенном Роланом Бартом. В своей книге «Camera Lucida» Барт обозначил, что в фотографии есть *studium* (культурно-исторический бэкграунд, который мы можем реконструировать и прочесть в соответствии с собственной осведомленностью, то, что вызывает «общий вежливый интерес») и *punctum* (что-то, что «укалывает» зрителя, заставляет задержать взгляд именно на этом кадре) [Барт 2016, с. 38]. Важно, что в отличие от общего и реконструируемого *studium*-а, *punctum* свой для каждого зрителя. Я могу описать, чем именно меня «зацепил» кадр, но это не значит, что другой зритель почувствует то же самое. *Punctum* — результат взаимодействия моего собственного опыта с фотографией, мой личный диалог, деталь, которая ударяет именно в мое слабое место. И, как отмечает Ролан Барт, в роли *punctum* не обязательно выступает конкретный объект кадра (у Барта в качестве одного из примеров — обувь человека на фотографии); им может быть и некоторый факт, явление, например время: «...этот *punctum* четко прочитывается в исторической фотографии. <...> Две девочки смотрят на примитивный аэроплан, парящий над их деревней, — они одеты так же, как моя мама в детстве. <...> Впереди у них вся жизнь, но вместе с тем они умерли к настоящему времени» [Там же, с. 121].

Напомним, что у каждого кадра есть референт, что-то, что действительно произошло, имело место. Для меня *punctum* — это укол реальности, которая прорывается к зрителю: за культурным, историческим и эстетическим фоном

(studium) мы *вдруг* (укол!) видим и понимаем: это было, это действительно было. Барт говорит, что «в каждодневном потоке фотографий, во множестве видов интереса, который они вызывают, нозма “это там было” не то чтобы вытесняется (вытесняться нозма не может), но переживается с безразличием, как само собой разумеющееся свойство» [Барт 2016, с. 97]. Однако сам факт «это было» принципиален, именно он позволяет превратить наше восприятие фотографии из разглядывания имеющихся на ней образов в нечто большее, в переживание опыта присутствия и диалога с зарегистрированным в кадре фрагментом прошлого; «это было» становится в моих рассуждениях общим ключом к пониманию позиции зрителя фотографии и фотографической практики в целом.

Итак, мы имеем дело с бесконечным потенциалом фотографической практики. В следующих разделах представлена структура испытаний, которые я трактую как форму практики. Каждый вид испытаний представляет собой силу и направление ее воздействия. Анализ опирается на треугольник «фотограф — объект — зритель». Каждый участник этого треугольника — и сама фотография — *испытывает* эти силы на себе или сам становится испытывающей силой. Также будет определено, какие испытания окружают фотографию, какие — создает она сама.

Испытание на прочность

Перед тем как мы обратимся к взаимодействиям внутри треугольника «зритель — объект — фотограф», необходимо обозначить, в какой фотографии этот треугольник присутствует отчетливо. Речь пойдет о кадрах, которые я называю «прочными», *потому что они способны существовать сами по себе — вне контекста, вне серии, журнальной статьи, фотоальбома.*

Кадры непрочные не создают собственного смыслового поля, а лишь иллюстрируют или уточняют то, что уже есть. Или свидетельствуют о реальности только так, как она есть, даже упрощая ее (например, именно это делают многочисленные туристические фотографии). Противоположностью прочности будет мимолетность и неустойчивость: такие кадры не остаются в памяти дольше времени, пока мы их видим, тогда как прочный кадр генерирует собственное смысловое поле. В таком кадре нет ничего, кроме того, что действительно было, но каким-то образом сочетание пространства, времени и расположения предметов обретают новые значения.

При этом «прочный» не означает непроницаемый; наоборот, это кадр, в котором есть место для зрителя и его внимания. Прочный кадр расширяется за собственные пределы и захватывает собой зрителя. Точка притяжения — или *punctum* — такого кадра может находиться за его пределами: нам интересно, что было до, что стало после, что — и в пространстве, и во времени — не вошло

в кадр. Прочный кадр не просто содержит в себе информацию, но побуждает зрителя задавать вопросы. Не только свидетельствует о некотором эпизоде из реальности, но и конституирует собственную фотографическую реальность, становится интенсивным и ддящимся фрагментом мира.

Обратим внимание на *интенсивность и длительность*. По сути своей фотография — это фрагмент пространства в конкретный и, как правило, очень короткий промежуток прошедшего времени. Однако сам по себе кадр как артефакт, во-первых, позволяет изучить пространство во всех деталях, рассмотреть то, что невозможно рассмотреть подробно в действительности. К тому же это пространство, запечатленное в прошлом, остается в поле нашего видения сейчас, остается сколько угодно долго, пока мы смотрим, возвращаемся, снова смотрим. Момент прошлого превращается в ддящийся элемент настоящего. Сочетание возможности рассмотреть все детали с возможностью раз за разом обращаться к этому моменту создает его интенсивность: из доли секунды он превращается в минуты или часы, когда длится в восприятии и разворачивается во всей наполненности внутреннего пространства.

Прочный кадр, таким образом, способен существовать самостоятельно, расширяться за собственные пределы и раз за разом возвращать к себе внимание зрителя, вовлекать в диалог. Преимущественно далее пойдет речь о такой фотографии.

Испытание зрителя

Важно отметить, что изображение, а особенно прочная фотография насильственно. Пространство фотографии всегда расширено не только за ее края, в стороны, где скрывается то, что фотограф предпочел не включить в кадр, но и вперед, в точку положения камеры. Эта точка захватывает зрителя; он, смотря на фотографию, оказывается на месте камеры (или фотографа) и тем самым становится если не соучастником, то вовлеченным наблюдателем. Фотография включает зрителя в собственное пространство самим фактом своего существования и расположения относительно смотрящего на нее.

Если я вижу изображение, я не могу выбрать «не посмотреть» (как могу выбрать не читать книгу, если мне не понравилась ее обложка). Фотография не дает решить, согласишься ты на нее или нет: ты просто видишь ее, акт видения и захваченности изображением происходит не после того, как мы его обнаружили, а одновременно, он встроен в саму фотографию, увидеть ее означает быть вовлеченным в нее. Даже в жизни «не посмотреть» дается нам проще: мы можем отвернуться, не разглядывая детали, не акцентируя внимание, просто скользнуть взглядом по монотонной действительности. Пока выбор — кадр — не сделан, а мы невнимательны, реальность остается однородной. В фотографии это усилие (выбора, внимания) совершено за нас, она — образ,

который попадает к нам сразу и целиком. Слабое и незначимое изображение мы также легко забываем. Сильное и прочное — с *punctum* — изображение захватывает нас против воли и без нашего согласия и длится в нашей памяти.

Если живописное или графическое полотно скорее замкнуто на себя, хоть и адресовано зрителю, то фотография (в силу технологии своего создания) непременно выходит за собственные границы. Точка сборки и происхождения фотографии — камера — буквально лежит за ее видимыми пределами, однако это ее неотъемлемая часть, реальная точка, из которой был сделан кадр; положение, существовавшее в одном времени и пространстве с тем, что запечатлено в пределах кадра. Это делает *фотографию по-своему трехмерной*, и именно это дает фотографии силу и возможность включить зрителя в собственную структуру по причине его расположения в точке, которая уже изначально принадлежит фотографическому пространству.

Можно сказать, что фотография *увеличивает степень реального*: вовлекает нас сильнее, чем если бы мы скользнули глазами по окружающему в этот момент, представляет какой-то фрагмент произошедшего отчетливее. Одновременно с этим нельзя не отметить: фотография всегда случайна, каким бы ни был момент на ней поразительным и точным. В этом тоже есть элемент насилия, навязывания: наша память и наше восприятие имеют дело со случайными моментами прошлого, наделенными дополнительной значимостью.

Таким образом, зритель испытывает на себе влияние фотографии, испытывает саму фотографию, просто оказавшись с ней в одном пространстве, «лицом к лицу». Этому способствует генетическая трехмерность фотографии в сочетании с ее прочностью и интенсивностью.

Испытание взгляда

Сьюзен Сонтаг говорила, что каждый *фотограф по сути своей вуайерист*: «Камера — своего рода наблюдательный пункт, но дело тут не сводится к пассивному наблюдению. <...> Соглядатай косвенно, а то и явно потворствует тому, чтобы ситуация развивалась своим ходом» [Сонтаг 2016, с. 24]. В случае репортажа — какими бы опасными ни были события — фотограф внутренне ждет, что произойдет что-то еще. Некоторая визуальная сенсация. Неожиданный для будущего зрителя (и внутренне ожидаемый, даже выжидаемый — для фотографа) выход за пределы уже виденного, понятного и привычного.

В портретной съемке тоже есть доля этого вуайеризма: как будто, затаившись за камерой, отгородившись ею от героя в кадре, ты ждешь: да, еще немного, еще один вдох, чуть более расслабленное лицо, взгляд, который выдает что-то внутреннее, кадр, еще кадр, пусть это продолжается. Даже фотограф, активно действующий в процессе съемки, в сам момент кадра скрывается за камерой, исключая себя из происходящего, позволяя ему развиваться как

будто бы естественно и спонтанно. Т. е. просто в силу своего положения за камерой, поместив ее между собой и действием, фотограф из участника становится наблюдателем. В вуайериста же его превращает то, что его взгляд никогда не пассивен, наоборот, он ждет подходящего момента, ищет и поощряет, он делает выбор, какой момент зафиксировать, превратить в изображение.

Фотограф испытывает причастность к происходящему в поле зрения камеры, формально оставаясь наблюдателем: его взгляд становится деятельной и активной частью процесса. Одновременно и человек в кадре, знающий, что его снимают, всегда учитывает этот взгляд извне, ощущает его на себе, выбирает форму взаимодействия с ним (замирание, сопротивление, диалог, даже желание соблазнить, т. е. заставить посмотреть на себя еще более внимательно). Человек в кадре может оставаться естественным и спонтанным, но само проявление этих качеств будет отличаться от их проявления без фигуры наблюдателя (взаимодействие портретируемого с взглядом фотографа подробнее будет описано в следующей части). Так или иначе сам факт, что и фотограф и герой фотографии знают, что они вовлечены в один процесс, влияет на характер этого процесса.

Позиция зрителя фотографии тоже, безусловно, вуайеристская. Как мы уже говорили, в пространстве, где рассматривается кадр, зритель занимает точку фотографа, смотрящего. По сути, занимает чужое место, претендует на положение (и взгляд) кого-то другого. Оказывается подглядывающим не из-за плеча, не в щель, а — буквально — чужими глазами. В каких-то случаях это вовсе не заметно, так как рекламная фотография не создает ощущения, что мы подглядываем, она хочет быть увиденной, мы понимаем, что она изначально адресована смотрящему на нее множеству глаз. Однако чем интимнее, приватнее фотография, чем яснее чувствуется, что мы стали свидетелями чего-то личного, тем отчетливее ощущение, что мы подглядываем. Если это опубликованная фотография, мы делаем это легитимно и можем наслаждаться этой легитимностью, но и здесь возможно ощущение стыда и смущения. Я вижу тело так, как оно было расположено не для меня. Я вижу эмоцию — ту, которая адресована не мне. Я вижу событие — то, где меня не было. Я не старался и не рисковал, чтобы оказаться там, на месте фотографа, в этой ситуации, в этом эмоциональном контакте, но я могу испытать результат, испытать то, что видел и ощущал другой.

Можно упомянуть еще один уровень вуайеризма зрителя: своеобразное «подглядывание» за фотографом. Пусть фотография по своему происхождению свидетельство реальности физической, она, безусловно, обнаруживает психическую реальность тоже. Поэтому когда мы рассматриваем изображение, мы также рассматриваем и сам взгляд фотографа. Чем «тише» сюжет (натюрморт, пейзаж, деталь), тем больше в данном фрагменте реальности психического, субъективного. Хорошая фотография выдает своего автора: что его беспокоит

и что его притягивает (а также выдает зрителя: что он видит, что замечает, что в нем откликается).

Таким образом, *фотография сконструирована из положений в пространстве и взглядов, которые переплетены друг с другом, но не сталкиваются*. В треугольнике «герой фотографии — фотограф — зритель» каждый из участников на кого-то смотрит, но не получает прямого взгляда в ответ. Взгляд фотографа тянется к герою, но ответный взгляд героя обращен к линзе камеры (и — позже — зрителю). Зритель встречается с взглядом с фотографии напрямую, однако понимает, что на самом деле смотрят не на него. Даже фотограф, глядя на сделанный им портрет, не знает ответ на вопрос: этот герой смотрит на него или скорее на самого себя под воздействием взгляда извне. Мы фиксируем это как не-пересечение взглядов, однако направленность взглядов делает всех причастных соучастниками одного процесса, постоянно ускользающими друг от друга и постоянно испытываемыми на себе чей-то взгляд.

Опыт тела: испытание взглядом

Речь пойдет о теле, которое испытывает взгляд на себе, когда говорим о персональной портретной фотографии. Непринципиально, будет ли предметом исследования художественный портрет или фото на документы, значение имеет только то, что и человек в кадре, и фотограф сознательно участвуют в общем процессе фотосъемки (тогда как в репортаже герой фотографии может не знать, что его снимают). Может показаться, что художественный портрет фиксирует эмоции или настроение, но фактически он свидетельствует о положении тела.

Мерло-Понти считает, что мы присутствуем в мире телом: «Идет ли речь о теле другого или о моем собственном, у меня нет иной возможности познать человеческое тело, кроме как живя им, т. е. беря на себя драму, которое оно переживает, смешиваясь с ним. <...> Мое тело есть своего рода естественный субъект, предварительный набросок моего целостного бытия» [Мерло-Понти 1999, с. 257–258]. Точно так же телом и только телом мы присутствуем на фотографии. Когда мы в курсе, что нас фотографируют, наше тело оказывается в диалоге с взглядом — камеры или фотографа, стоящего за ней, неважно. Кто на нас смотрит в этот момент — Другой, наша проекция или представление о Другом? Как бы то ни было, наше тело оказывается во власти взгляда Другого, и весь процесс фотосъемки становится обнаружением и исследованием телесности под этим взглядом.

Человек, которого фотографируют, уязвим и даже виктимен: во-первых, мы редко оказываемся под таким пристальным вниманием, а оно тем временем вынуждает *замечать себя* (ощущение, что не знаешь, куда деть руки в кадре, в каком-то смысле удивление от обнаружения: «у меня есть руки» — не как

инструмент, не как функция моего тела, но как что-то, чем я просто и свободно обладаю). Если взгляд фотографа оказывается бережным, то в диалоге с этим взглядом я обнаруживаю новые, незнакомые грани собственного тела, а фотография остается как их свидетельство: «я могу чувствовать себя иначе», «я иначе выгляжу здесь, интересно, что это тоже я».

Но взгляд фотографа/камеры может быть и травмирующим. Фотография объективирует, фиксирует тело в каких-то определенных ситуациях, дрессирует, приучает быть видимым «правильным» образом (фото на паспорт или камеры наблюдения в коридорах учреждений). Фотография здесь — частный случай, пример и иллюстрация общей тенденции. Дитмар Кампер пишет о насилии взгляда: «оптическая структура надзора и наказания, дисциплины, воспитания и эмансипации появилась задолго до технологической реализации визуальных медиа (фотоаппарат, кинокамера, монитор телевизора, видеомагнитофон)» [Кампер 2010, с. 61]. Люди «мирятся с тем, что они теряют многомерную телесность своей жизни» [Там же, с. 63], продолжает Кампер и предлагает отслеживать связи между утратой собственного тела и взглядом Другого.

Портретная фотография становится свидетельством следов связи опыта тела и опыта взаимодействия со взглядом в процессе съемки. Наши тела хранят собственную историю, например, буквальную летопись прошлого в виде шрамов и татуировок на коже, когда по отметинам можно вспомнить и восстановить жизненные события. Кроме этого, тело хранит свою историю и проявляет себя в позах, взглядах, привычных жестах, манере держать себя и двигаться. Это может быть история освоения и знания собственного тела (как у практиков йоги), история работы с телом как с инструментом (как у профессиональных танцоров) или история отчуждения (как привычка определенным образом выглядеть со стороны и замирать в кадре). Например, О. Гавришина в эссе «“Снимаются у фотографа”: режимы тела в советской студийной фотографии» пишет: «Аристократическое тело — тело рафинированное, подверженное длительным и последовательным дисциплинарным практикам (обучение нормам поведения в самых разных жизненных ситуациях, занятия танцами, фехтованием, верховой ездой и др.), в результате формирующим целостный телесный код» [Гавришина 2011, с. 34]. Современность предполагает, что у нас нет таких явных, как сословные, телесных кодов, а есть относительная свобода выбирать форму отношений с собственной телесностью. Есть границы социальной нормы и возможность исследовать и отрицать эти границы. Это дает нам разнообразие дополняющих друг друга форм понимания телесности.

Именно эти формы представления и проживания собственного тела вступают в диалог со взглядом фотографа в процессе фотосъемки. Один из примеров такого диалога описывает в том же эссе О. Гавришина: «Важно, что телесный режим, свойственный [советской] студийной фотографии, запечатлевается не только на светочувствительной поверхности — он отпечатывается

на телах. Если вначале позу ставит фотограф, то потом люди сами начинают воспроизводить привычные позы и обстановку в ситуации фотографирования даже вне студии» [Гавришина 2011, с. 37]. Так или иначе, взгляд извне, *взгляд фотографа — то, что актуализирует имеющуюся телесную сборку или навязывает внешнюю*. Во втором случае тело поддается или сопротивляется, но мы считываем это на фотографии: все то, что выглядит неестественно, чужеродно — это результат конфликта между собственным ощущением тела и внешним взглядом.

Испытание взглядом пройдено, когда мы не потеряли контакт с собственным телом, не поддались объективации, но остались собой, осознавая этот диалог с Другим.

Испытание языком

Фотография позволяет обнаружить зоны смысла и порядки реальности, для которых может не быть языка. С этой точки зрения *фотографическое изображение, даже с конкретным сюжетом гораздо ближе к абстрактной живописи или инсталляциям*. Холсты Кифера, синий цвет Кляйна или объекты Бойса (для каждого зрителя это могут быть свои авторы) — все это воздействует на нас напрямую, обращаясь к архетипам и архаическим слоям психики, минуя языковые, исторические и культурные слои. Синий цвет Кляйна на холсте — то, что мы можем пережить и ощутить без вербализации. Мы, как зрители, способны испытать непосредственное воздействие этих работ, не зная ни биографию художника, ни исторический контекст периода его творчества. Пространство Бойса захватывает нас не конкретной идеей, а самим собой, своим наполнением; и мы отзываемся на него не концептуальным осмыслением, а в первую очередь телом, с помощью которого находимся в этом пространстве, разделяем его.

Таким образом, опыт переживания творчества названных выше авторов находится на том же уровне, что непосредственное переживание действительности: мы не смотрим на внеположенный нам художественный образ, а разделяем пространство с объектами и материалами, как разделяем пространство с тем, что нас окружает в мире. Таким же эффектом обладает фотография: она — свидетельство конкретного места и времени, т. е. непосредственно связана с действительностью; она трехмерна, поскольку ее ключевая часть, точка сборки выступает за ее поверхность и вовлекает зрителя в ее пространство. Она способна *аффицировать нас не как образ, сочетание элементов кадра, а как фрагмент действительности, который требует быть увиденным и пережитым*.

Здесь мы возвращаемся к идее прочности фотографии: эта вовлекающая сила проявляется, когда кадр способен длиться и создавать собственное поле,

захватывающее зрителя. Важно отметить, что повседневность — это поток, а кадр выхватывает часть этого потока. Таким образом, сила воздействия фотографии построена на том, что она создает эффект бóльшей реальности, чем действительность, она вынуждает нас переживать действительное во всей его полноте. И в случае с фотографией мы не всегда можем тотчас выразить, что мы почувствовали: как и действительность, она воздействует на нас не с помощью образов или языковых порядков, а затрагивает опыт нашего присутствия в мире.

Именно поэтому для меня имеет ценность фотография, вызывающая к чему-то смутному, пограничному, не имеющему — еще — названий и формулировок в моей душе. Что-то, что я могу почувствовать, но еще не знаю, как назвать. Это позволяет мне, во-первых, пережить это смутное во всей его полноте, *заметить* его. Во-вторых, я могу назвать его, обозначить, подчинить и присвоить. Или выбрать для себя не-название. Таким образом, фотография может быть символом, ключом к переживаниям, которые не поддаются языку.

Испытание достоверностью

В эпоху даже не фотомонтажа — дипфейков — было бы наивно говорить о достоверности фотографий. Но всегда остается возможность определиться с нашим отношением к проблеме достоверности. Изначально в ней заключалась сила фотографического изображения: это не рисунок, не текст, это явная улика, свидетельство. Можно спорить с автором текста, но нельзя спорить с механической (физико-химической) фиксацией реальности. Еще в прошлом веке это доверие к фотографии позволяло манипулировать зрителем: да, фотограф ничего не меняет в изображаемом, но он выбирает угол обзора, он выбирает, что попадет в кадр, а что останется *за кадром*.

Фотография используется пропагандой, а наше стремление собрать из разрозненных кадров историю в своей голове помогает додумать то, чего не было, — все зависит от ловкости редактора. Мысленно поместите рядом фотографию счастливой семьи и автокатастрофы: первым делом мозг соединит изображения, придумает связь между ними. Этот прием для видеомонтажа еще в 1929 году описал в «Искусстве кино» Л. Кулешов, делая акцент на том, что не так важен сам материал, как последовательность и логика склейки монтажных кусков [Кулешов 1929, с. 16]: «...одним только монтажом нами была показана девушка так, как в природе, в действительности, она не существует. <...> Причем это опять-таки будет не фокус, а монтаж, т. е. организация материала, а не технический трюк» [Там же, с. 26–27]. В семидесятые годы американские художники Ларри Салтэн и Майк Мэндел изучили тысячи фотографий, сделанных в научных, индустриальных и государственных учреждениях для каких-то внутренних целей, и собрали из них серию «Evidence». Фактически между кадрами нет никакой связи, однако они легко складываются в нашем

восприятию в мистическую и отчасти пугающую историю (тревожный эффект серии обусловлен тем, что фактически кадры никак не связаны, такой истории не может быть в реальности, однако наше доверие фотографии позволяет нам представлять нечто невозможное как вероятное).

Мы уже знаем, что фотография нас обманывает, но это не значит, что мы не поддаемся этому обману. Более того, когда, видя спорный сюжет, мы говорим «это монтаж, это подделка», мы выдаем себя. Здесь можно поставить *вопрос о доверии свидетельству в целом*: мы привыкли ставить под сомнение подлинность письменных документов, не опираться только на свидетельские показания, выслушивать все заинтересованные стороны. Документы можно подделать, очевидец может ошибаться, стороны могут субъективно видеть и по-разному воспринимать один и тот же сюжет. Появление фотографии значительно повлияло на изменение полицейской и судебной системы: Альфонс Бертильон, разрабатывая систему антропометрического опознавания преступников, ввел стандарт фотографирования, позволяющий идентифицировать подозреваемого (всем известная сейчас «фотография под арестом», или так называемый mug shot, стилистически уже ставшая частью поп-культуры); появление частных детективов с фотокамерами дало возможность предоставлять непроверяемые улики, технические, а не субъективные свидетельства того, что конкретный человек был в конкретном месте в конкретное время.

Среди всех свидетельств фотография по-прежнему остается одним из самых весомых и неоспоримых, особенно в повседневной жизни: мы смутно уверены, что раз фотография есть, значит, это было. *Поэтому в вопросе, правдива ли фотография, скрывается утверждение «я не хочу в это верить» или, еще радикальнее, «я не готов в это поверить»*. Изображения, подтверждающие наше представление о мире, тут же обозначаются как верные и правильные, а изображения, нарушающие этот порядок, немедленно маркируются как ложные, поддельные, специально вводящие в заблуждение. Все это десятилетиями работает как в государственной пропаганде, так и в частной жизни.

Серж Тиссерон в книге «Фотография и бессознательное» обращается к феномену семейного альбома прошлого века [Tisseron 2008, p. 151–153]. В главе «Измена изображений» он описывает семейный альбом как «официальную историю семьи», в которой фотографии проходят строгий отбор: в альбом попадут только те кадры, которые соответствуют репутации и статусу, создают желаемое впечатление. Улыбки, совместные отпуска, милые (послушные, улыбающиеся) дети: семейная мифология и формирование семейной визуальной идентичности (вспомним о телесной привычке быть увиденным определенным образом: это справедливо не только для фотографий на паспорт, но и для фотографий за праздничным столом). Радикальный пример исключения из этой «официальной истории» — удаление (вплоть до буквального вырезания лиц) фотографий тех членов семьи, кто по каким-то причинам от нее «откололся».

Менее радикальный — обозначать как «странные» и неудачные все те кадры, которые не вписываются в визуальный ряд. В этом случае нельзя сослаться на фотомонтаж и подделку, однако всегда можно сказать, что «фотограф сделал кадр в неудачный момент». По сути, отбор фотографий — отбор воспоминаний. Эти воспоминания мы хотим оставить, а вот эти мы предпочтем вычеркнуть.

В современную цифровую эпоху, когда наши телефоны заполнены тысячами картинок, в том числе собственных — селфи, этот отбор стал мягче, однако мы по-прежнему избегаем «неудачных» ракурсов или обвиняем наших партнеров в том, что они видят нас недостаточно красивыми. Можно сказать, что мы живем в *состоянии постоянной фоновой проверки на достоверность самих себя и нашего окружения*: если на сделанной только что фотографии я выгляжу иначе, чем вижу себя в зеркале, где я обманываюсь? Чему я могу верить больше: схваченному на фотографии образу или собственному взгляду? Что позволяет мне выбирать как достоверное то одно, то другое, в зависимости от того, что мне нравится больше? И почему при этом фотография так и не утрачивает свою власть утверждать «именно это — правда»?

Серж Тиссерон интересно развивает идею Ролана Барта о том, что фотография свидетельствует: «это было». Тиссерон отмечает, что оценка фотографии как свидетельства самого существования референта (персоны или события) касается, в первую очередь, очень старых фотографий. Наши собственные фотографии или наших современников не так волнуют нас с точки зрения подтверждения истинности того, что мы есть. Нет, нас беспокоит, что фотография навязывает нам идею «это было именно так», в том числе и то, что мы выглядим именно таким образом, как на фотографии. *Всеобщая истина «это было» противостоит частному свидетельству «это было именно так»,* которое, по Тиссерону, оценочно и потому лживо: «На истине его [референта] “это было” вырастает ложь моего “это было так, как я это вижу”» [Tisseron 2008, p. 147].

Так или иначе, нельзя утверждать, что мы разочаровались в идее достоверности фотографии: нет, мы по-прежнему страстно и глубоко в эту идею верим и именно поэтому изо всех сил с нею боремся, отвоевываем себе право говорить «этого не может быть», «на самом деле я выгляжу не так», «это обман» — вопреки фотографическим свидетельствам.

Заключение

Мы подвергли фотографию испытанию на прочность и рассмотрели, каким испытаниям сама фотография подвергает зрителя, а каким — участники фотографического процесса.

Задачей данного текста было реконструировать поле для такого разговора о фотографии, который выстроен вокруг процессов внутри фотографической

практики во всем их потенциале. Мы учитывали генетический дуализм фотографических изображений: субъективность выбора границ кадра и времени съемки, техническую внесубъектную регистрацию реальности в этих границах. Подводя итоги сказанного, можно выявить следующие ключевые позиции.

Поскольку речь идет о потенциале и возможностях, мы ввели понятие прочного кадра, который возможностями воздействия обладает максимально. Прочный кадр — самостоятельный артефакт, который способен длиться в восприятии и памяти зрителя и создавать собственное смысловое поле, в которое зритель вовлекается.

Зритель всегда захвачен фотографией помимо своей воли в тот момент, когда он ее увидел. Это происходит в силу фотографической структуры: фотография трехмерна, собирается через фигуру фотографа/положение камеры, которое находится за пределами изображения. Именно в этой точке оказывается зритель, становясь невольным соучастником изображения.

Это соучастие вписывается в порядки вуайеризма и в целом движения взглядов внутри фотографического поля. Взгляды фотографа, героя фотографии и зрителя встречаются с зазором во времени, поэтому всегда ускользают друг от друга. Фотограф скрывается от снимаемого за камерой, однако непрерывно и деятельно смотрит, ищет и поощряет происходящее. Зритель оказывается на месте фотографа и смотрит как будто его глазами, обнаруживая разницу между собственным взглядом и взглядом того, на чьем месте он находится. Герой кадра смотрит на фотографа или на зрителя с изображения, однако на самом деле его взгляд направлен в неодушевленную линзу. Встреча взглядов происходит, но одномоментной разделенности не случается: каждый взгляд встречает другой в разное время или не встречает вовсе.

Портретируемый человек испытывает на себе взгляд особенно явно, проходя испытание находждением в поле фотографии целиком. Камера актуализирует взгляд Другого, в диалог с которым вступает тело портретируемого: будучи рассматриваемым, герой кадра по-новому переживает собственную телесность. Здесь проявляется феномен насилия взгляда как ограничивающего, структурирующего и объективирующего тело, приучающего к определенным позам и самоощущению.

Рассуждая о фотографии как артефакте, мы делаем выводы о языке и достоверности. Достоверность фотографии заявляет о себе настойчиво и требовательно, хотя мы научились ставить ее под вопрос и имеем достаточные для этого аргументы (фотомонтаж, субъективный взгляд фотографа и т. д.). Тем не менее, поразительно, насколько идея достоверности фотографии сильна: нам не приходится в голову доказывать, что какой-то конкретный кадр на фоне всех остальных фиктивных все же подлинный. Напротив, мы вынуждены убеждать самих себя не верить изображению, если на то есть причины, нам необходимо

позволять себе не верить фотографии, потому что сама она захватывает нас во всей своей полноте.

С другой стороны, именно эти свойства — претензия на убедительность и действительная сила «прочной» фотографии, позволяют влиять на нас, смотрящих на нее (не важно, смотрим мы на нее в роли зрителя или фотографа, сделавшего кадр, или смотрим на свое изображение): мы знаем, что «это было», мы находимся в поле артефакта, выходящего за свои фактические границы, мы захвачены этим полем и испытываем его содержание в полной мере, в том числе за пределами культурных, художественных, языковых границ.

Фотография оказывается инструментом или практикой, которая актуализирует, усиливает или трансформирует опыт взаимодействия с действительностью на каждом своем этапе. Инструментом или практикой, которая позволяет нам *испытать* действительность интенсивней, чем в нашей повседневной жизни.

Список литературы

- Барт 2016 — *Барт Р. Camera lucida. Комментарии к фотографии* / пер. с фр. М. Рыклина. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 192 с.
- Бёрджер 2014 — *Бёрджер Д. Фотография и ее предназначения* : сборник эссе / пер. с англ. А. Асланян. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 240 с.
- Гавришина 2011 — *Гавришина О. В. «Снимаются у фотографа»: режимы тела в советской студийной фотографии* // Гавришина О. В. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности». М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 31–43.
- Кампер 2010 — *Кампер Д. Взгляд и насилие. Будущее очевидности* // Кампер Д. Тело. Насилие. Боль : сборник статей : пер. с нем. / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Савчука. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 58–63.
- Крэри 2014 — *Крэри Д. Техники наблюдателя. Видение и современность в XIX веке* / пер. с англ. Д. Потемкина. М. : V-A-C Press, 2014. 256 с.
- Кулешов 1929 — *Кулешов Л. В. Искусство кино (мой опыт)*. Ленинград : Теа-кино-печать, 1929. 155 с.
- Мерло-Понти 1999 — *Мерло-Понти М. Феноменология восприятия* / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб. : Ювента : Наука, 1999. 602 с.
- Сонтаг 2016 — *Сонтаг С. О фотографии* / пер. с англ. В. П. Гольшева. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
- Tisseron 2008 — *Tisseron S. Le mystère de la chambre claire: Photographie et inconscient*. Paris : Flammarion, 2008. 192 p.

References

- Barthes, R. (2016), *La Chambre claire: Note sur la Photographie*, translated by Ryklin, M., Ad Marginem Press, Moscow, 192 p. (in Russian).
- Berger, J. (2014), *Understanding a Photograph*, translated by Aslanyan, A., Ad Marginem Press, Moscow, 240 p. (in Russian).
- Crary, J. K. (2014), *Techniques of the Observer: on Vision and Modernity in the Nineteenth Century*, translated by Potemkin, D., V-A-C Press, Moscow, 256 p. (in Russian).

- Gavrishina, O. (2011), “ ‘At the photographer’s’: modes of the body in soviet studio photography”, in Gavrishina, O., *Imperiya sveta: fotografiya kak vizual'naya praktika epokhi «sovremennosti»* [The empire of light: photography as a visual practice in the “contemporary” period], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, p. 31–43 (in Russian).
- Kamper, D. (2010), “The gaze and violence. The future of the obvious”, in Kamper, D., *Telo. Nasilie. Bol'*, *sbornik statei* [The Body. Violence. Pain. A Collection of Articles], translated by Russian Christian Humanitarian Academy, Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, p. 59–63 (in Russian).
- Kuleshov, L. V. (1929), *Iskusstvo kino (moi opyt)* [The art of cinema (my experience)], Tea-kino-pechat', Leningrad, 155 p. (in Russian).
- Merleau-Ponty, M. (1999), *Phénoménologie de la perception*, translated by Vdovina, I. S. and Fokin, S. L. (eds), Yuventa, Nauka, Saint Petersburg, 602 p. (in Russian).
- Sontag, S. (2016), *On Photography*, translated by Golyshev, V. P., Ad Marginem Press, Moscow, 272 p. (in Russian).
- Tisseron, S. (2008), *Le mystère de la chambre claire: Photographie et inconscient*, Flammarion, Paris, 192 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 4.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 22.07.2022

Информация об авторе

Со́йреф Полина Германовна
независимый исследователь
Эстония, Таллин
E-mail: polina.soyref@gmail.com

Information about author

Soyref, Polina Germanovna
Independent Researcher
Tallinn, Estonia
E-mail: polina.soyref@gmail.com

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.019

УДК 37.068

МОТИВАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

А. В. Меренков

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

П. А. Хорова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Активное развитие волонтерства в России определяется разными мотивами деятельности людей, включающихся в оказание безвозмездной помощи тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Отмечается, что волонтерская деятельность имеет всеохватывающий характер и становится популярной у населения. В статье рассматриваются мотивы, побуждающие учащуюся и работающую молодежь на добровольных началах проявлять заботу о пожилых людях, детях, оставшихся без родителей, способствовать решению важных задач защиты природы, благоустройства сел, малых и больших городов. Данные социологического исследования мотивов участия молодежи в волонтерской деятельности показали, что в них противоречиво сочетаются ценности культуры сотрудничества и культуры эгоизма. Для подавляющего большинства основным мотивом добровольчества является сострадание, милосердие, желание облегчить жизнь людей, столкнувшихся с трудностями. В то же время для части волонтеров значимыми мотивами выступают самоутверждение в одобряемой социумом деятельности, приобретение коммуникативных навыков, установления полезных контактов. Ставится проблема организации работы по отбору волонтеров для разных видов добровольческой деятельности.

Ключевые слова: волонтеры, молодежь, мотивы волонтерской деятельности, культура сотрудничества, забота о людях, личные мотивы, самореализация.

Для цитирования: Меренков А. В., Хорова П. А. Мотивация волонтерской деятельности молодежи // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 106–118. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.019

MOTIVATING YOUTH VOLUNTEERING

A. V. Merenkov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

P. A Khorova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Annotation: The active development of volunteering in Russia is determined by different motives for the activities of people included in the provision of free assistance to those who find themselves in a difficult life situation. It is noted that volunteering is inclusive, universal and becomes popular with the population. The article discusses motives that encourage students and young people who work on a voluntary basis to take care of the elderly, children left without parents, to contribute to solving important tasks of protecting nature, improving villages, small and large cities. Data from a sociological study of the motives for youth participation in volunteer activities showed that they contradictory combine the values of a culture of cooperation and a culture of egoism. For the vast majority, the main motive for volunteering is compassion, mercy, and the desire to make life easier for people who face difficulties. At the same time, for some volunteers, self-approval in activities approved by society, acquisition of communication skills, and establishment of useful contacts are significant motives. The problem of organizing work on the selection of volunteers for various types of volunteer activities is posed.

Key words: volunteers, youth, motives of volunteer activity, culture of cooperation, concern for people, personal motives, self-realization.

For citation: Merenkov, A. V. and Khorova, P. A. (2022), "Motivating Youth Volunteering", *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 106–118 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.019

Введение

Волонтерская деятельность является одной из ведущих форм проявления культуры сотрудничества. Она направлена на оказание различных форм безвозмездной помощи людям, которые оказались в сложной жизненной ситуации. По данным единой информационной системы «Добровольцы России» на 2020 год в Российской Федерации было более 1,6 млн человек, вовлеченных в волонтерскую деятельность. Отмечается, что чаще волонтерством занимаются женщины (76 %). Средний возраст добровольцев составляет 25 лет. Возрастная группа от 18 до 34 лет составляет 56,5 % от общего числа волонтеров Российской Федерации [Аналитика волонтерства 2020].

Исследование мотивации участия молодежи в волонтерской деятельности актуально в связи с тем, что эта социально-демографическая общность обладает всеми необходимыми физическими, интеллектуальными, социальными ресурсами для включения в такой вид общественно полезной работы. Она позволяет раскрыть способности личности, превращая их в социальный капитал. Следует отметить, что волонтерство способствует накоплению не только индивидуального социального капитала, но и групп и общества в целом.

Определить, в каком случае волонтерская деятельность актуализирует ресурсы человека, можно по тем мотивам, которые определяют поведение волонтеров. Эти мотивы могут быть разными. Так исследования, проведенные во Франции, показали, что «респонденты чаще ссылаются на цели профессионализации, чем на волонтерство как социальную полезность» [Vachée, Dansac 2019]. Основываясь на идеях просоциального поведения, И. Ю. Киселев пришел к выводу, что участие волонтеров в общественно значимой деятельности основывается скорее на приоритизации индивидуальных интересов [Киселев 2013, с. 59]. Данный факт, по мнению автора, не снижает значимости волонтерства, определяемого личными потребностями, как источника социального капитала. К нему можно отнести формируемые волонтерами сообщества, увеличение круга социальных связей, появление возможностей профессионального роста, «удовлетворение потребности в принадлежности, самореализации и самоактуализации» [Там же, с. 60].

Волонтерство может актуализировать такие ресурсы человека, как здоровье, физические качества (например, участие в поисково-спасательных работах, донорство и др.), способности и умения (организационные, творческие), полученное образование (медицинское, социальное волонтерство), социальные связи (укрепление имеющихся, приобретение новых). Занимаясь волонтерством, молодые люди могут более полно раскрыть свои способности в общественных и личных интересах. В связи с разной направленностью этой деятельности возникает необходимость изучения мотивов включения разных групп учащейся и рабочей молодежи в волонтерскую работу.

Методология и методы исследования мотивации волонтерской деятельности

Анализ литературы по проблеме волонтерства показал, что в отечественной истории появление данного феномена можно связать с принятием в Древней Руси православной веры, одной из главных заповедей которой была и остается деятельная любовь к ближнему, забота об окружающих, оказание помощи тем, кто в ней нуждается. Безвозмездный труд в монастырях, добровольная бесплатная помощь в богадельнях, приютах и первых больницах — все это может стать примером волонтерства, как мы его понимаем и в наши дни.

Еще в царской России возникли различные благотворительные общества и союзы, велось безвозмездное преподавание учителей в земских начальных школах, лечение в сельских больницах. Появились первые сестры милосердия — монахини, добровольно отправлявшиеся на фронт, чтобы ухаживать за ранеными. В словаре В. И. Даля понятие «волонтер» определялось как «повольщина, доброволец, вольнослужащий; причисленный на своем иждивении и по своей воле в военное время к войску, но не вступивший в службу» [Даль 2022].

Современное понимание термина «волонтер» находит свое отражение в нормативно-правовых актах разного уровня. По российскому законодательству добровольцами (волонтерами) являются «физические лица, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, указанных в настоящем законе (социальная поддержка и защита граждан, подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами и др.) или в иных общественно полезных целях» [О благотворительной деятельности 1995]. В Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года добровольчество (волонтерство) определяется как «деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях решения социальных задач в таких сферах, как образование, здравоохранение, культура, социальная поддержка и социальное обслуживание населения, физическая культура и спорт, охрана окружающей среды, предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций» [Об утверждении Концепции 2018].

Понятия «добровольчество» и «волонтерство» признаются синонимичными, но волонтерство считается более универсальным международным термином, а добровольчество — проявлением безвозмездных общественно значимых практик в нашей стране. В качестве базового определения волонтерства мы будем использовать следующее: добровольная общественно значимая деятельность, направленная на помощь другим людям, организациям, обществу, не ставящая целью получение материального, финансового вознаграждения.

В последнее время проблематика волонтерства все чаще становится темой исследования социологов. Г. Г. Алексеева, говоря о методологии социологического изучения волонтерства, выделяет следующие подходы: социетальный (Л. А. Кудринская, М. В. Певная), социально-экономический (А. М. Зинатулин, Л. А. Карасева), функциональный (Э. Г. Клари, М. Снайдер), социокультурный (Е. А. Луговая, М. Н. Балянян, А. А. Барсамова), институциональный (Г. Е. Зборовский, А. А. Кузьминчук, М. В. Певная). Эти подходы позволяют сформировать целостное представление о феномене волонтерства с социологической точки зрения [Алексеева 2018].

Социетальный подход рассматривает волонтерскую деятельность через третий независимый сектор гражданского общества. Социально-экономический

раскрывает проблемы социально-экономической эффективности добровольчества для развития государства. Социокультурный выделяет специфическую систему отношений и культуру (субкультуру) волонтерства. Институциональный — определяет элементы, принципы, нормы, функции волонтерства. Общностный подход выделяет возможность классификации, структуризации самих волонтеров. Г. Е. Зборовский отмечает продолжающийся процесс формирования социологии волонтерства и отсутствие институциональной закреплённости этой отрасли социологического знания [Зборовский 2017].

М. В. Певная, рассматривая волонтерство как социальную общность, классифицирует ее на основе выделения следующих подобщностей:

1) настоящие волонтеры — это добровольцы с высокой степенью активности, которую они реализуют преимущественно в НКО, планируя продолжать волонтерство в будущем; они идентифицируют себя в качестве волонтеров, получают от этой деятельности моральное удовлетворение, рассматривают других волонтеров как единомышленников;

2) потенциально активные волонтеры окружают ядро общности, являясь ее периферией и потенциалом роста; волонтерство остается в их планах, но они не всегда идентифицируют себя как волонтеры;

3) потенциально пассивные волонтеры удовлетворены своей волонтерской работой, однако не идентифицируют себя как волонтеры и не планируют продолжать эту деятельность;

4) полуволонтеры идентифицируют себя как волонтеры, но не планируют продолжать волонтерство и не всегда получают от него удовлетворение [Певная 2016].

Е. В. Ульянова выделяет следующие основные направления волонтерской деятельности:

1) патриотическое волонтерство, нацеленное на формирование гражданской идентичности;

2) социальное волонтерство, ориентированное на оказание помощи незащищенным слоям населения;

3) событийное волонтерство, направленное на организацию значимых государственных событий спортивного, образовательного, социального, культурного, туристического характера;

4) медицинское волонтерство — добровольное профессиональное медицинское сопровождение волонтерских проектов на безвозмездной основе;

5) культурно-просветительское волонтерство — организация мероприятий по сохранению культурного наследия, приобщение к культурным ценностям, интеграция городских жителей в социально-культурные мероприятия;

6) серебряное волонтерство (волонтерская деятельность граждан в возрасте от 50 лет с активной гражданской позицией, имеющих практический опыт в реализации добровольческих инициатив);

7) экологическое волонтерство — деятельность по защите окружающей среды и решению экологических проблем;

8) корпоративное волонтерство (волонтерские практики, организуемые крупными бизнес-корпорациями, сотрудники которых активно участвуют в их разработке и реализации);

9) виртуальное волонтерство, позволяющее молодым людям, не располагающим свободным временем, помогать в решении общественно значимых проблем, проявляя свою социально-культурную активность в интернете [Ульянова 2019].

При анализе системы мотивации волонтерства выделяются разные факторы, побуждающие личность включаться в данную деятельность. Е. А. Коган и Д. А. Квон на основании проведенного в 2017–2018 годах исследования, выделили следующие группы мотивов волонтеров:

— «деловые мотивы» (50 %). Волонтеры могут получить опыт общения с разными людьми, организации различных процессов, а также возможность побывать в разных городах и странах;

— «духовные мотивы» (40 %) — помощь, ощущение полезности другим людям, получение позитивных эмоций от этого, духовное совершенствование. Оказывая помощь другим людям, представители молодого поколения ощущают себя нужными и значимыми, раскрывают свой духовный потенциал;

— «общественные мотивы» (около 10 %) — заниматься волонтерством за компанию с друзьями, принадлежать к какой-нибудь группе, занять свое свободное время и т. д. [Коган, Квон 2019].

В. Н. Стегний и М. В. Никонов предлагают более развернутую типологию: карьерные мотивы, мотивы расширения социальных контактов, компенсаторные, альтруистические, мотивы долга, мотивы личностного роста. Авторы полагают, что необходимо обращать внимание на разделение мотивов волонтера на внешние и внутренние [Стегний, Никонов 2018]. В первом случае используются внешние стимулы, во втором — ценностно-мотивационная ориентация личности. Внутренняя мотивация волонтеров характеризуется тягой к волонтерской работе вследствие интереса к ней и ощущения личностью ценности данной деятельности. Прослеживается связь с группой альтруистических мотивов. Внешняя мотивация направлена на внешние ценности и стандартные типы поведения. Современным проявлением данных мотивов у волонтеров можно назвать «волонтерством по расчету»: осознанная работа на безвозмездной основе с целью получения опыта работы, бесплатного обучения или получения необходимых для карьеры навыков.

Популяризация волонтерской деятельности вызывает превращение ее сначала во внешне необходимый «противовес цинизму и меркантильности как принципам организации социальных взаимодействий в современном российском обществе» [Уварова, Федосеева 2015]. Возникает потребность

совершать полезные, гуманистически направленные действия по отношению к нуждающимся в помощи. Данная потребность отражается в целях, связанных с активной деятельностью по оказанию различных видов бескорыстной поддержки нуждающимся в ней гражданам. Обоснование такой самореализации выражается в мотивации занятия волонтерской деятельностью.

Она строится на способности личности к сопереживанию и эмпатии по отношению к другому человеку, основываясь на собственном опыте, на отождествлении себя с тем, кому оказывается помощь. Главными ценностными ориентациями волонтерской деятельности, влияющими на мотивацию, являются доброта, милосердие, человеческое достоинство, бескорыстие, чувство долга, ответственность за других людей, сопричастность к большому общественно значимому делу. Появление установки на занятие волонтерской деятельностью обусловлено интересом к ней и пониманием ценности для личности и общества в целом. Если это подтверждается на практике, то формируется стереотип, рассматривающий волонтерскую деятельность как способ проявления жизненных сил — самореализация и построение жизненной траектории.

На основе рассмотренных нами методологических подходов было проведено в 2020–2021 годах социологическое исследование методом онлайн-анкетирования. Выборочная совокупность составила 378 человек от 18 до 30 лет. Методом контент-анализа изучена волонтерская база анкет арт-кластера «Таврида»¹ (1136). Проведен дискурс-анализ мини-эссе (20) представителей волонтерского корпуса того же мероприятия. Методом глубинного интервью опрошено 18 молодых людей в возрасте 20–24 лет.

В исследовании приняли участие представители 25 субъектов Российской Федерации из восьми федеральных округов. Среди них из Свердловской области — 31,9 %, Москвы и Московской области — 18,3 %, Ярославской области — 6,5 %, Волгоградской области и Приморского края — по 5,4 %, Воронежской области, Республики Татарстан, Ростовской области, г. Санкт-Петербург — по 4,3 %, Ставропольского края — 3,2 %. Из остальных 14 субъектов — по 2 %. Среди респондентов с высшим образованием — 54,8 %, получающих его — 35,5 %. Опрошенные со средним и средним профессиональным образованием составили соответственно 6,5 и 3,2 %.

Большинство опрошенных волонтеров занимаются добровольчеством от 1 года до 3 лет (31,2 %) и от 3 до 5 лет (34,4 %). Волонтеры, которые занимаются данным видом деятельности менее года, составили 6,5 % от всех опрошенных. «Опытные» добровольцы, посвятившие занятию волонтерской деятельности от 5 до 10 лет, — 28 %.

¹ Арт-кластер «Таврида» включает в себя форум молодых деятелей культуры и искусств «Таврида», фестиваль творческих сообществ «Таврида — АРТ» и капитальное строительство Стационарного образовательного центра «Арт-резиденция “Таврида”».

Результаты

Среди выбранных респондентами привлекательных видов волонтерства были выявлены два основных: событийное, связанное с организацией отдельных мероприятий, например спортивных соревнований (71 %) и культурной направленности, когда требуется помочь провести разные праздники, например День города (69 %). Около 30 % привлекает волонтерство в сфере образования, охраны природы и экологии, помощи инвалидам, детским домам. В меньшей степени популярными являются волонтерство в сфере гражданско-патриотического воспитания, в поисково-спасательной деятельности, предупреждения и ликвидации последствий ЧС, охраны общественного порядка.

Выбор направления добровольной помощи обусловлен как внешними условиями (наличием соответствующих мероприятий, волонтерских организаций данного профиля и т. д.), так и внутренними (личными склонностями, потребностями, целями волонтера). Членами какого-либо волонтерского объединения являются 48,4 % респондентов. Из них 51,1 % относят себя к активистам волонтерских направлений университетских организаций, 28,9 и 13,3 % соответственно — к участникам федеральных и региональных добровольческих объединений, а 11,1 % — к местным объединениям.

Волонтерская деятельность не мешает основной. Опрошенные в большинстве случаев успешно совмещают волонтерство с учебой и/или работой (61 %), остальные (39 %) периодически испытывают некоторые сложности. Из них 17 % респондентов указали, что при возникновении трудностей приоритетом является добровольчество, а 15 % респондентов отметили, что не будут жертвовать учебой или работой ради волонтерства.

Ведущим мотивом волонтерской деятельности для 50 % опрошенных является желание оказать безвозмездную помощь всем, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Стремление участвовать в важной для общества работе отметили 32 %. Необходимость помощи конкретным людям отметили 14 %, потребность в сохранении природы 10 %. «Мне всегда было жалко бездомных собак, кошек. Нужно заботиться о них, проявлять настоящую человечность. Узнала, что есть организации, помогающие лечить таких животных, искать для них новых хозяев. Я познакомилась с теми, кто добровольно оказывает помощь брошенным животным. Это стало важнейшей частью моей жизни» (жен., 27 лет). Реализуются ценности культуры сотрудничества, связанные с заботой о природе, ее сохранении.

В то же время 23 % респондентов отметили, что стали волонтерами, чтобы установить «полезные» контакты с организаторами мероприятий, с их помощью в будущем реализовать потребность в карьерном продвижении. «Когда у нас в университете объявили набор в волонтеры для проведения крупного спортивного мероприятия, я подала заявку. Нас обучали, как и в чем помогать

спортсменам из разных городов, зрителям и т. п. Я старалась произвести хорошее впечатление на тех, кто контролировал нашу работу. Мечтала, что они возьмут меня в свою структуру» (жен., 21 год). Действуют мотивы, выражающие ценности культуры эгоизма, когда человек, занимаясь одобряемой социумом работой, рассматривает ее как средство удовлетворения своих личных интересов. Они открыто не демонстрируются, но нередко умело реализуются для получения желаемого результата. Наличие эгоистических мотивов было отмечено в исследовании волонтерства, проведенном в 2014 году. М. В. Певная обнаружила, что опрошенные «волонтеры Свердловской области чаще всего руководствовались карьерными мотивами» [Певная 2017, с. 31].

Наше исследование отмечает тенденцию смещения мотивации в сторону мотивов самореализации как лично значимую ценность. Для 12,7 % опрошенных ведущим мотивом волонтерской деятельности является стремление реализовать свои способности, знания, умения в конкретном виде благотворительной работы. «Во время учебы в университете, я несколько раз посещала детские дома, участвуя в проведении праздников. Мне понравилась эта работа. Сейчас я добровольно помогаю работникам одного из детских домов в обучении детей танцам, так как сама ими увлекалась в школе. Мне это интересно» (жен., 25 лет).

Исследование показало существование в сознании части респондентов противоречия между целями волонтерской деятельности, связанными с оказанием помощи тем, кто в ней нуждается в определенных жизненных ситуациях, и собственными мотивами занятия ею. Они направлены у части опрошенных на извлечение пользы для себя, реализацию собственных потребностей в интересном деле, получение новых знаний о себе, установление полезных связей.

Реализуя разные по направленности мотивы, волонтеры демонстрируют наличие определенных личностных качеств, обеспечивающих получение нужных результатов. Эти качества можно разделить на четыре группы. В первую входят те, кто отметил такие качества, как ответственность, коммуникабельность и доброта (60 %). Без их наличия постоянно заниматься тем, что требует значительных сил, времени и при этом приносит удовлетворение, невозможно. Ответственность формирует доверие среди членов волонтерского сообщества друг к другу, обеспечивает четкое выполнение всех требований к работе, которой занимаются люди [Имаева 2019].

Вторая группа качеств, которую выделили 30 % опрошенных, включает стрессоустойчивость, внимательность, дисциплинированность, альтруизм. Третья, на которую указали 30 %, наличие склонностей к командной работе, стремление проявить инициативу, толерантность. Наконец, четвертая группа качеств, отмеченных 8 %, выделяет значимость трудолюбия, способности принимать решения, пунктуальности, честности, потребность в развитии, патриотизм, уверенность в себе.

В целом опрошенные нами волонтеры довольны своей деятельностью, 79 % намерены продолжать заниматься добровольчеством. Те, кто планировал с помощью волонтерства развить в себе патриотизм, эмпатию, доброту, умение помогать окружающим, альтруизм, отмечают существенные положительные результаты. В то же время 8 % респондентов указали, что им не удалось развить лидерские качества, 9 % — повысить свою стрессоустойчивость, дисциплинированность, 11 % — усилить уверенность в себе, развить способность принимать правильные решения, 16 % — продемонстрировать наличие творческого мышления.

Несколько иная картина выявлена при проведении контент-анализа волонтерской базы арт-кластера «Таврида». Несмотря на явную творческую направленность мероприятий, проводимых при обучении волонтеров, они выступают в первую очередь площадкой для развития навыков профессиональной самореализации. Так в 864 (76 %) анкетах речь идет о приобретении новых трудовых компетенций, получение опыта работы. Ожидания от учебы связаны с тем, что будут получены навыки, обеспечивающие карьерное продвижение, умение влиять на других людей. Одна из представительниц волонтерского корпуса так описывает свою работу в арт-кластере: «Каждый день куратор нашей команды предоставляет возможность решить большое количество заданий, которые касаются наших участников. В результате мы научились работать с огромным объемом информации и находить выход из проблемных ситуаций» (4 года стажа работы волонтером).

В 60 % анкетах отмечается приобретение опыта правильного построения коммуникации для эффективного взаимодействия с людьми. «На форуме я прокачала навык коммуникации с разными типами людей. Наша площадка собирает сотни ребят с уникальными жизненными историями и талантами. Я стремлюсь подобрать подход к каждому из них и пообщаться со всеми участниками, присутствующими на „Тавриде“» (жен., 3 года работы волонтером).

Творческая самореализация выделяется в 677 (60 %) анкетах. Отмечается развитие способностей искать нетрадиционные способы решения сложных общественных проблем, придумывать новое на ходу. В 528 анкетах (47 %) волонтеры выделили значимость развития инициативы, активности, приобретение новых знаний в разных сферах общественной жизни. «Один из моих главных навыков, который как нельзя лучше нашел себя на этом форуме, — стремление к изучению нового. Навык, который движет меня вперед, — ведь все, с чем здесь приходится работать, является совершенно уникальным и не исследованным для меня. Начиная от образовательных программ, где каждый раз цепляешь мысль, которая способна перевернуть привычные взгляды на жизнь и свою деятельность, заканчивая встречей с невероятно большим числом талантливых людей, каждый из которых готов поделиться своей историей

и опытом, что, безусловно, поможет в собственном самоопределении» (муж., 2 года работы волонтером).

Заключение

Результаты исследования выявили основные для разных групп молодежи мотивы занятия волонтерской деятельностью, в которых сочетаются ценности культуры сотрудничества и культуры эгоизма. Подавляющее большинство руководствуется стремлением оказать всю возможную помощь тем, кто столкнулся с трудностями, проявить милосердие, заботу о них. Помогая другим людям, часть добровольцев ориентирована на развитие качеств, которые позволят в будущем заняться управленческой деятельностью, продвигаться по карьерной лестнице, осуществлять эффективную коммуникацию с разными людьми, влиять на их сознание и поведение. В связи с этим важной задачей при работе с волонтерами является фиксация мотивов их готовности взаимодействовать с теми, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Следует акцентировать внимание на то, что добровольчество способствует развитию таких личностных качеств, как совесть, чувство долга, ответственность, побуждающие использовать знания, умения для улучшения жизни других людей. Волонтер получает возможность более полно проявить свои способности в интересах больших групп людей, нуждающихся в разных видах материальной и иной поддержки. Волонтерская деятельность направлена на расширение масштабов реализации сущностных сил личности в разных видах добровольческой деятельности.

Список литературы

- Алексеева 2018 — *Алексеева Г. Г.* Методологические подходы к исследованию волонтерства // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 8 (52). С. 31–34. DOI: 10.24158/spp.2018.8.5.
- Аналитика волонтерства 2020 — Аналитика волонтерства: открытые данные по развитию волонтерского движения в стране [Электронный ресурс] // DOBRO.ru : единая информационная система. 2020. URL: <https://dobro.ru/analytics> (дата обращения: 01.02.2022).
- Даль 2022 — *Даль В. И.* Волонтер [Электронный ресурс] // Даль В. И. Толковый словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/216542> (дата обращения: 11.02.2022).
- Зборовский 2017 — *Зборовский Г. Е.* Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 8–23. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.3.1.
- Имаева 2019 — *Имаева Л. М.* Волонтерская деятельность как фактор накопления и реализации социального капитала // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10-1 (37). С. 164–166. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11629.
- Киселев 2013 — *Киселев И. Ю.* Волонтерство как социальный капитал // Вестник социально-политических наук. 2013. № 12. С. 53–61.
- Коган, Квон 2019 — *Коган Е. А., Квон Д. А.* Изучение мотивов волонтерской деятельности среди студенческой молодежи // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 116–125. DOI: 10.32744/pse.2019.4.10.

- О благотворительной деятельности 1995 — Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 01.02.2022).
- Об утверждении Концепции 2018 — Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/985421faba1da8d5a7dd327f05ae6cd5f9aa2c4c/ (дата обращения: 14.03.2022).
- Певная 2016 — Певная М. В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 434 с.
- Певная 2017 — Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в муниципальных образованиях Свердловской области : аналитический отчет о результатах исследования / М. В. Певная, А. А. Кузьминчук, Т. А. Орешкина и др. ; рук. проекта М. В. Певная. Екатеринбург : УрФУ, 2017. 66 с.
- Стегний, Никонов 2018 — Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.1.14.
- Уварова, Федосеева 2015 — Уварова В. И., Федосеева М. А. Волонтерская деятельность как форма самоорганизации молодежи: проблемы и подходы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 91–96.
- Ульянова 2019 — Ульянова Е. В. Особенности институционализации волонтерского движения в современном российском обществе // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 178. С. 85–92. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-178-85-92.
- Vachée, Dansac 2019 — Vachée C., Dansac Ch. Faire du bénévolat rémunéré pour se professionnaliser: d'un oxymore à une stratégie pour les jeunes volontaires [Ressource électronique] // Professionalisations : Repères et Ouvertures / sous la dir. de F. Hille, S. Labbé. Paris : L'Harmattan, 2019. hal-02305413. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02305413/> (date de l'accès: 02.02.2022).

References

- Alekseeva, G. G. (2018), "Methodological Approaches to Studying Volunteering", *Society: sociology, psychology, pedagogy*, no. 8 (52), pp. 31–34 (in Russian). DOI: 10.24158/spp.2018.8.5.
- Dal', V. I. (2022), "Volunteer", *Tolkovyi slovar' Dal'ya*, available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/216542> (accessed 11 February 2022) (in Russian).
- Federal'nyi zakon «O blagotvoritel'noi deyatel'nosti i dobrovol'chestve (volonterstve)» ot 11.08.1995 № 135-FZ [Federal Law No. 135-FZ of August 11, 1995 "On Charitable Activities and Volunteering (Volunteering)"] (1995), Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (accessed 01 February 2022) (in Russian).
- Imaeva, L. M. (2019), "Volunteering as a Factor of Accumulation and Implementation of Social Capital", *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 10-1 (37), pp. 164–166 (in Russian). DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11629.
- Kiselev, I. Yu. (2013), "Volunteering as Social Capital", *Vestnik social'no-politicheskikh nauk*, no. 12, pp. 53–61 (in Russian).
- Kogan, E. A. and Kvon, D. A. (2019), "Studying the Motives of Volunteering among Students", *Perspectives of Science and Education*, no. 4 (40), pp. 116–125 (in Russian). DOI: 10.32744/pse.2019.4.10.
- Pevnaya, M. V. (2016), *Upravlenie volonterstvom: mezhdunarodnyi opyt i lokal'nye praktiki* [Volunteer management: international experience and local practices], Ural Federal University, Yekaterinburg, 434 p. (in Russian).

- Pevnaya, M. V., Kuz'minchuk, A. A., Oreshkina, T. A., Zabokritskaya, L. D. and Boronina, L. N. (2017), *Realizatsiya dobrovol'cheskogo (volonterskogo) potentsiala v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Sverdlovskoi oblasti, analiticheskii otchet o rezul'tatakh issledovaniya* [Realization of volunteer (volunteer) potential in the municipalities of the Sverdlovsk region: analytical report on the results of the study], Ural Federal University, Yekaterinburg, 66 p. (in Russian).
- Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2018 № 2950-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva) v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2018 No. 2950-r "On Approval of the Concept for the Development of Volunteering (Volunteering) in the Russian Federation until 2025"] (2018), Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/985421faba1da8d5a7dd327f05a6cd5f9aa2c4c/ (accessed 14 March 2022) (in Russian).
- Stegniy, V. N. and Nikonov, M. V. (2018), "Motivation of Volunteering", *PNRPU sociology and economics bulletin*, no. 1, pp. 146–156 (in Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2018.1.14.
- Ul'yanova, E. V. (2019), "Peculiarities of Volunteer Movement Institutionalization in Modern Russian Society", *Tambov University Review: Series Humanities*, vol. 24, no. 178, pp. 85–92 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-178-85-92.
- Uvarova, V. I. and Fedoseeva, M. A. (2015), "Volunteer Activity as Form of Youth Self-Organization", *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 1, pp. 91–96 (in Russian).
- Vachée, C. et Dansac, Ch. (2019), « Faire du bénévolat rémunéré pour se professionnaliser: d'un oxymore à une stratégie pour les jeunes volontaires », in Hille, F. et Labbé, S. (dir.), *Professionalisations: Repères et Ouvertures*, L'Harmattan, Paris, hal-02305413, disponible sur: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02305413/> (consulté le: 2 février 2022).
- "Volunteering Analytics: open data on the development of the volunteer movement in the country" (2020), *DOBRO.ru, Unified Information System*, available at: <https://dobro.ru/analytics> (accessed 01 February 2022) (in Russian).
- Zborovsky, G. E. (2017), "Relevance of Volunteering in the Structure of Sociological Knowledge", *PNRPU sociology and economics bulletin*, no. 3, pp. 8–23 (in Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.3.1.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 28.03.2022

Принята к публикации / Accepted: 22.04.2022

Информация об авторах

Меренков Анатолий Васильевич
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: anatoly.mer@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-5900-0863

Information about the authors

Merenkov, Anatoly Vasilievich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: anatoly.mer@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-5900-0863

Хорова Полина Андреевна
студент 2 курса магистратуры
по социологии
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: polina96-2010@mail.ru

Khorova, Polina Andreevna
second-year Master's student in Sociology
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: polina96-2010@mail.ru

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

И снова об авангарде первых десятилетий XX века

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.020

УДК 7.037.6(47)

CONSTRUCTIVISM: PRAGMATIC UTOPIANISM

Ch. Lodder

independent researcher
London, UK

Abstract: This article provides an overview of the history of Constructivism and its essential theory and practice in Soviet Russia of the 1920s and early 1930s, focusing particularly on various areas of design activity, including architecture and furniture, graphic design and photography, sculpture and textiles. Consequently, it analyses in detail several designs that embody most clearly the Constructivist approach. Some of these were produced by the original members of the Working Group of Constructivists (Aleksandr Rodchenko, Varvara Stepanova, Aleksei Gan, etc.), while others were devised by artists who never officially joined the group but embraced Constructivist ideas (The Vesnin brothers, Gustavs Klucis [Gustav Klutsis], Lyubov Popova, Vladimir Tatlin, etc). The author acknowledges that the Constructivists' aspiration to transform the Soviet material environment could be considered utopian in the conditions of Russia's social, economic, and industrial circumstances of the early 1920s, but she stresses that there was also a very strong element of pragmatism in Constructivist theory and practice, which is evident in the way they tackled real problems and offered eminently practical solutions to everyday difficulties. This argument is supported by detailed analyzes of certain Constructivist objects.

Key words: constructivism, aesthetic program, utopia and reality, constructed sculpture, design, architecture, textiles, posters, OBMOKhU, VKhUTEMAS.

For citation: Lodder, Ch. (2022), “Constructivism: Pragmatic Utopianism”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 119–146. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.020

КОНСТРУКТИВИЗМ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УТОПИЗМ

К. Лоддер

независимый исследователь
Лондон, Великобритания

Аннотация: В данной статье представлен обзор истории конструктивизма и его основных теорий и практик в Советской России 1920-х и начала 1930-х годов с акцентом на различные сферы практико-ориентированной деятельности, включая архитектуру, мебель, графический дизайн, фотографию, скульптуру и текстиль, через подробный анализ некоторых проектов, которые наиболее ярко воплощают конструктивистский подход. Некоторые из этих проектов были созданы первыми членами Рабочей группы конструктивистов (Александр Родченко, Варвара Степанова, Алексей Ган и др.), а другие — художниками, никогда официально не входившими в группу, но разделявшими идеи конструктивизма (братья Веснины, Густавы Клуцис, Любовь Попова, Владимир Татлин и др.). Автор утверждает, что в рамках социальных, экономических и производственных условий России начала 1920-х годов стремление конструктивистов к преобразованию советской материальной среды, несмотря на попытки решения реальных повседневных проблем, было утопическим как в теории, так и на практике. Этот аргумент подтверждается подробным анализом некоторых объектов конструктивизма.

Ключевые слова: конструктивизм, эстетическая программа, утопия и реальность, конструктивистская скульптура, дизайн, архитектура, текстиль, плакат, ОБМОХУ, ВХУТЕМАС.

Для цитирования: *Lodder Ch. Constructivism: Pragmatic Utopianism // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 119–146. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.020*

Introduction

In March 1921, a group of Russian artists coined the term ‘Constructivism’ and formed the Working Group of Constructivists (Рабочая группа конструктивистов). In addition to Aleksandr Rodchenko and Varvara Stepanova, the group included Karl Ioganson, Konstantin Medunetskii, and the Stenberg Brothers — Georgii and Vladimir, as well as Aleksei Gan, who wrote the group’s program and the important

treatise on the ideas underlying it, Constructivism [Ган 1922b; Gan 2014]. Outside the group, artists like Lyubov Popova, Gustav Klucis, Aleksandr Vesnin, and Vladimir Tatlin also embraced Constructivist ideas.

The Constructivists proposed a new definition of art. In their program (The Program of the Working of Group of Constructivists of INKhUK — Программа рабочей группы конструктивистов ИНХУКа), they declared «death to art», rejecting the traditional notion of the work of art and aspiring to apply their artistic skills (developed through manipulating abstract forms in two and three dimensions) to designing useful objects for industrial production [Khan-Magomedov 1986, p. 290–291; Хан-Магомедов 2003, с. 118–119]. The Constructivists called their artistic explorations «laboratory work» and this new type of creative activity «intellectual production». Moreover, they proclaimed that their ideological foundation was «scientific communism, built on the Marxist theory of historical materialism». Their aim was «the communistic expression of material structures». With this aim in view, they organized their material according to three principles: Tectonics — the socially and politically appropriate use of industrial material; Faktura — the conscious handling of material; and Construction — the organization of the material to fulfil a specific purpose.

In effect, the Constructivists were hoping to become industrial designers. They were taking their art out of the studio, out of the art gallery, and out of the drawing rooms of privileged individuals into the factory and into the home of every Soviet citizen. In this way, they hoped to contribute to the creation of a new environment — an environment that would both help to bring about the classless society of socialism and reflect their own dreams of what that environment should look like.

They had a vision, and they spent the next decade trying to create material objects that corresponded to that vision. Of course, in many ways this whole program seems to be utopian and unrealistic. The real conditions of life in the Soviet Union in 1921 were not propitious. The attempt to create a place for industrial design seemed destined to fail in a country that was just recovering from seven years of almost continuous conflict and where industrial output was a tenth of what it had been in 1914.

In December 1921, the theorist Boris Arvatov acknowledged this problematic and utopian aspect of Constructivism in a discussion at the Moscow Institute of Artistic Culture — INKhUK (Институт художественной культуры — ИНХУК). He stated: «We have a proletariat in the West and an ideology of proletarian culture in Russia. We have Constructivist ideologists in Russia and a Technological Industry in the West ... This is the real tragedy. This is the situation in Russia now... The more courageously we deal with it, the better it will be. Is this of practical importance? Unquestionably. It's a form of political activism. It's propaganda ... we should say «Comrades, this is Utopianism» ... It is Utopia, and we have to say it... Utopia

is a sign, and it will play an enormous role. What can you do? We live in an age of transition» [Art into Life 1990, p. 76].

Inevitably, scholars have followed Arvatov in recognizing the essentially utopian nature of the Constructivists' aspirations as well as the tremendous difficulties and complexities that they confronted in implementing their program in a social, industrial, and economic situation that was highly unfavorable to their objectives. For Maria Gough, the Constructivists' utopianism belonged to the utopian atmosphere of the immediate post-revolutionary period [Gough 2005, p. 191]. From this perspective, the difficulties that the Constructivists subsequently encountered can be seen within the general context of the Bolsheviks' utopian attempt to implement socialism in an industrially undeveloped and war-weary country.

An alternative explanation for the obstacles that the Constructivists confronted in achieving their aims is provided by Christina Kiaer who adopts Walter Benjamin's analysis of the situation. He identified «the problem in the disjunction between the utopian potential of the collective fantasies located in the profusion of objects and the different utopia enacted in the asceticism and monumental aspirations of the official forms of Bolshevik collectivity» [Kiaer 2005, p. 223]. While acknowledging that consumer desires might have not been satisfied by the austerity of Constructivist designs, Kiaer also suggests that the Constructivists actually sought to create objects that would mediate between consumer desires and socialist goals [Ibid., p. 224]. The Constructivists tended to stress the needs of society, and there are few mentions of consumer desire, as opposed to utility, functionality, and economy, in the Constructivist literature prior to 1925. Even so, it is possible that attention to consumer demand began to influence Constructivist theory and practice in the latter half of the 1920s. Certainly, the consumer began to be mentioned in theoretical discussions. For instance, in January 1925, at the First Conference of LEF (Left Front of the Arts — ЛЕФ — Левый фронт искусств), the theorist Nikolai Chuzhak criticized current Constructivist practice and argued that it should operate «in accordance with the ultimate aims of Communism, but also in direct co-ordination with the market tasks of the day» [Перцов 1925, с. 136]. At the same time, Gan pointed out that the designers were «cut off from the consumer» by the buyers for the big stores, while also being undermined by the critics [Перцов 1925, с. 144].

Whatever the specific reason or reasons, Constructivism seems ultimately to have been unable to fulfil its potential and its aspiration to attain what it called in its program the «Communist expression of material structures» (Коммунистическое выражение материальных сооружений) [Khan-Magomedov 1986, p. 290; Хан-Магомедов 2003, с. 118].

In this article, I should like to stress the pragmatism and realism that underpinned this program, arguing that Constructivist ideals were based firmly in the artists' experiences of the Revolution and their understanding of its aims and aspirations.

From this perspective, that of the artists themselves, their program can be seen not as impractical utopianism but rather as an attempt to overcome actual problems confronting the ordinary Soviet citizen and, in this way, assist in the transition from a capitalist to a socialist environment. The Constructivists were not content with rhetoric, theoretical discussions, and simply producing designs on paper, but in pursuit of their aims, they developed a design methodology and produced prototypes of useful objects. Perhaps, following Arvatov's suggestion of December 1921, the Constructivists' activities can be seen as a form of propaganda, for their ideals. Yet the objects that they produced not only expressed the Constructivists' ideas, they also were intended to fulfil really political and practical needs. In order to demonstrate the Constructivists' attention to detail and the practicalities of function and industrial production, I shall discuss and analyse some of the objects that they designed in detail.

In many ways, the position of the Constructivists was pragmatic and realistic because it entailed complete acceptance of the Revolution and a commitment to the changes that it had generated and needed to generate. By 1921, the Bolsheviks had effectively won the Civil War, and the Revolution was an accepted fact of life. The Romanov dynasty, which had lasted 300 years, had been destroyed. The aristocracy had been eliminated. Their estates had been divided up and the land given to the peasants. The huge city mansions had been carved up into much smaller living spaces for workers' families. The old way of life and the last vestiges of the old order seem to have been swept away. To avant-garde artists, including the Constructivists, the resulting tabula rasa entailed rebuilding everything, including art. Vladimir Tatlin and his colleagues voiced a common identification between the revolution and avant-garde art, when they wrote in 1920 «What happened from the social aspect in 1917 was realized in our work as pictorial artists in 1914, when 'materials, volume, and construction' were accepted as the foundation for our work» [Татлин 1921, с. 11].

At the same time, the Constructivists' move from the studio into the factory was firmly based on the reality of what artists had been doing during the Civil War. During the conflict, artists had been involved in a range of practical activities that had brought them out of the studio into the street. Creating decorations on a large scale for the revolutionary festivals had effectively fused painting, sculpture, and architecture, creating totally artistic environments, and generating the idea that the new art should embody this synthesis of the arts, while also giving birth to the idea of the artist as the creator of the revolutionary environment. The artists' involvement in producing propaganda posters for the Bolsheviks, running artistic affairs, and creating monuments for Lenin's Plan of Monumental Propaganda led them to identify with the collective and see themselves as communicators of the revolutionary message.

The Call to Arms: Vladimir Tatlin's Monument to the Third International

Fig. I. Vladimir Tatlin, Model for a Monument to the Third International, November 1920

Source: Photo, Private Collection

The first concrete object to indicate the wider ramifications of these experiences was Tatlin's Model for a Monument to the Third International (Fig. I). It had been commissioned in late 1919 as part of the Plan for Monumental Propaganda and was completed in Petrograd in November 1920, before being moved to Moscow. The model was a huge wooden structure, about 9 meters high, but the final building was to be made of iron and glass and to be third higher than the Eiffel Tower.

The Monument was to consist of a large skeletal structure consisting of two spirals supported by an enormous girder, inclined at the angle of the earth's tilt. Inside this enormous structure, Tatlin placed four huge volumes to be made out of glass: a cube, a pyramid, a cylinder, and a hemisphere. In deference to the climate, the glass would be constructed with a vacuum, so that the glass buildings would retain the heat. According to the description published by Nikolai Punin in late 1920, each of these glazed structures was to function as premises for various bodies associated with the Third Communist International [Пунин 1920]. The lowest structure was to house legislative assemblies and was to rotate at the speed of one revolution per year. The pyramid was to house the International's Executive and Secretariat. It was to revolve at the speed of one revolution per month. The cylinder, which was to house an information center, issuing pamphlets, posters and manifestos, was to rotate at the speed of one revolution per day. Slogans were to be projected onto screens surrounding the topmost hemisphere, which may have been intended to house a radio station. Radio masts were to rise from the top of the building and messages transmitted through a telegraph office. In this way, dynamism pervaded the monument's structure and function. Not only did the interior structures move at varying rates, speeding up towards the top and evoking the motion of an efficient machine, but their purpose was also dynamic to foment revolution.

Obviously, this was an impractical project: the technology of the day was inadequate for building such a complex structure. Tatlin seems to have had difficulties even in constructing the model, so during the process, he changed the lower cube into a cylinder. In his display, Tatlin explicitly linked his art with the new technology hanging a slogan announcing, «Engineers and Bridgebuilders Make calculations for

the development of new forms». He also called on his artist colleagues to use their art to devise items of everyday use.

This investigation of material volume and construction made it possible for us in 1918 in an artistic way to begin to combine materials like iron and glass, the materials of modern classicism, comparable in their severity with the marble of antiquity. In this way, the opportunity emerges to unite purely artistic form with utilitarian intentions. An example is the project for a monument to the third international (exhibited at the Eighth Congress). The results of this are models that stimulate us to inventions in our work of creating a new world, and which call upon the producers to exercise control over the forms encountered in our new everyday life [Татлин 1921, с. 11]. Tatlin was challenging other artists to do the same — to participate with their artistic skills in the practical tasks of creating a new world, but he was also emphasizing the synthesis of the arts, and the fusion of art with technology in combining art and utility.

This was an aesthetic position, but it also represented a practical response to Soviet reality and developments in the wider world. For the new state, technology represented the key to recovery from the devastation of the military conflicts, which had destroyed industry and reduced the economy to a system of barter. Technology was also the key to future progress, and survival. Lenin stated: «without machines, without discipline it is not possible to live in contemporary society. It is essential to possess the latest technology or to be crushed» [Ленин 1969, с. 116]. In this respect, Constructivism represented a realistic approach to reality and how the government envisaged changing that reality.

By early 1921, government policy was focused on stimulating the tattered Soviet economy and resuscitating industry through measures like NEP: The New Economic Policy. This represented a compromise with capitalism and was intended to encourage entrepreneurial activity. Small businesses could be privately owned, but large factories and all heavy industry were state-owned. At the same time, Lenin introduced his plan for the electrification of Russia, with the slogan «Communism equals Soviet Power plus the Electrification of the Entire Country» [Ленин 1970, с. 30].

In this respect, the Constructivists' emphasis on industry was a realistic and direct response to current Communist Party policy. Industry had a particular importance in the new Russia — both practically and ideologically. It was key to economic survival and implementing socialism in a primarily agrarian country, but the workers — the new rulers of Russia — were themselves the product of industry and an industrial culture based on technological development. Lenin stressed the importance of using the latest production methods, developed in the USA by Henry Ford (the production line) and the time and motion ideas of Frederick W. Taylor — which were called Taylorism. Of course, before the Revolution, Lenin had criticized Taylorism as a method of exploiting the proletariat. Now it was a tool for reindustrializing Russia.

Laying the Foundations: Laboratory Works and Experimental Constructions

In May 1921, the Constructivists presented a series of works at the Society of Young Artists, the OBMOKhU (Общество молодых художников — ОБМОХУ) exhibition in Moscow (Fig. 2). The exhibits look like innovative works of art, although strictly speaking, these works could now be categorized as «laboratory works» — i. e. experiments in three-dimensions undertaken not as aims in themselves, but with an ultimate, utilitarian aim in view. Two of the surviving exhibits are Rodchenko's Oval in an Oval (Fig. 3) and Medunetskii's Spatial Construction (Fig. 4). Both are about materials and space. In the Rodchenko construction, the form develops in space, enclosing and interacting with it. In the Medunetskii work, the shapes thread through each other with a minimum of contact and their lines define the spatial parameters of the enclosed volumes. Rodchenko cut concentric shapes from a piece of plywood and then rotated them and fixed them in place with wire. The process meant that the work literally moved from the flat plane into three-dimensional space. Rodchenko then suspended these constructions from the ceiling so that they could turn slightly in the breeze and, in this limited way, interact with the environment. Rodchenko used plywood and painted it with metallic paint. The metallic paint reflected the light, visually dematerializing the structure further for the viewer, intensifying the play of light on the form, and increasing the sensation of dynamism.

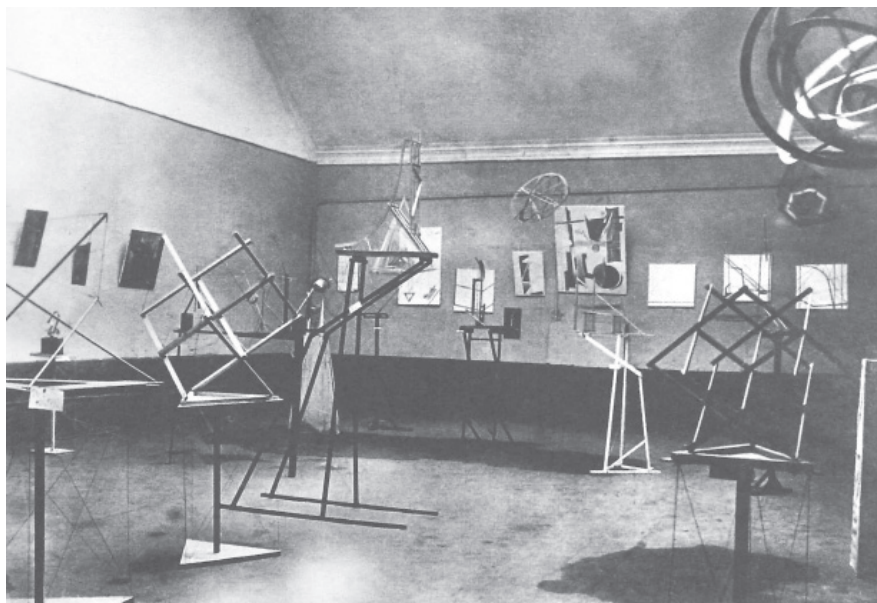

Fig. 2. Second Spring Exhibition of the OBMOKhU, Moscow, May 1921. Photograph showing the exhibits of the Working Group of Constructivists

Source: Photo, Rodchenko-Stepanova Archive

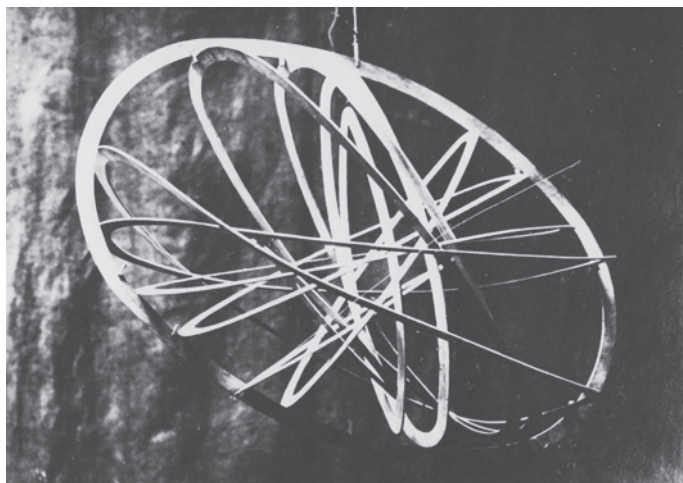

Fig. 3. Aleksandr Rodchenko, Spatial Construction No. 12, Oval in an Oval, 1921. Museum of Modern Art, New York
Source: Photo, Rodchenko-Stepanova Archive

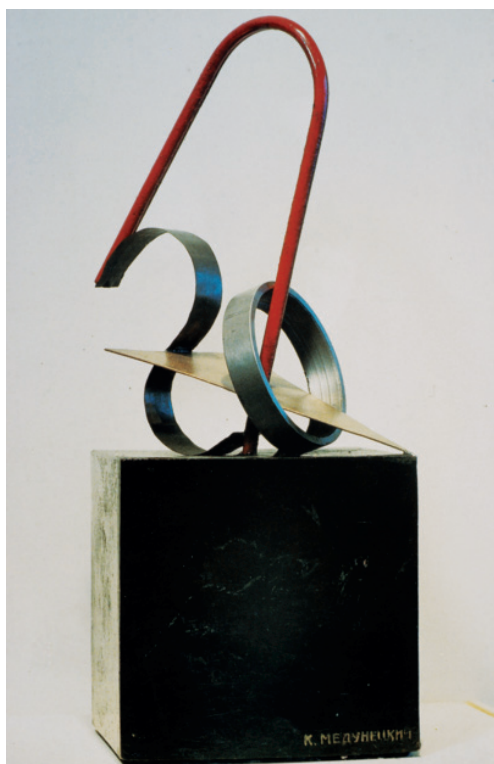

Fig. 4. Konstantin Medunetskii, Construction, 1921
Source: Photo, Yale University Art Gallery, New Haven, USA

Fig. 5. Vladimir Stenberg, KPS No. 13 (Construction of a Spatial Structure), 1921

Source: Photo, Private Collection

In contrast to the mathematical clarity of Rodchenko's construction, Vladimir Stenberg's work possesses a more technological emphasis (Fig. 5). It includes metal and glass, offcuts of which he probably acquired from the railway yards, where he and his brother worked [Хан-Магомедов 2008, с. 22]. The construction looks as if it might be part of an existing or projected technical structure — like roof lights or a bridge. It clearly isn't, but it has a very strong technological and engineering resonance. This resonance is intensified by the stand. Instead of a solid plinth, Vladimir Stenberg produced a supporting open-work skeletal structure. The two elements — the sculpture and the stand — work in harmony together, forming one large entity. The entire ensemble, with its use of industrial material, also epitomizes the principles of economy, space, technology, and industry.

In comparison, Medunetskii's construction is much freer of specific technological or utilitarian associations (Fig. 4). It focuses on the aesthetic

and inherent qualities of the materials, which are visually highlighted by the color of the forms. The red rod is of malleable iron and its curved form contrasts with the shining yellow and sharpness of the flat brass triangle.

The First Constructivist Designs

1922 saw the first practical implementation of Constructivist ideas when Klucis designed a series of propaganda stands to mark the Fourth Congress of the Comintern in Moscow and the fifth anniversary of the Revolution [Klucis 2014]. While the 'radio orators' simply consist of loudspeakers transmitting recorded speeches (Fig. 6), other stands are more complex. Screen-Tribune-Kiosk, for instance, combines a screen, a speaker's platform, and underneath shelving and a panel for displaying literature and posters (Fig. 7). This was a multi-media stand — combining film (newsreels), sound (the speaker's voice), the written word (leaflets) and images (posters). The structure was based on the kind of skeletal and telescopic constructions that Klucis had made in 1921 from wooden rods of identical thickness, but varying lengths (Fig. 8). It also displayed the influence of the Stenberg brothers' constructions and stands, with the use of tension wires. In this respect, it is a good example of how laboratory works fed into the design process. The complex structure was economic in terms

of the materials used, relatively easy to construct (and deconstruct), and so could be moved to different locations, and was functionally flexible since it was able to fulfil various propaganda functions. We do not know, however, whether it was built. One stand, The International was erected at the hotel where the Comintern delegates were staying, but apart from that, it is not known precisely how many stands were made.

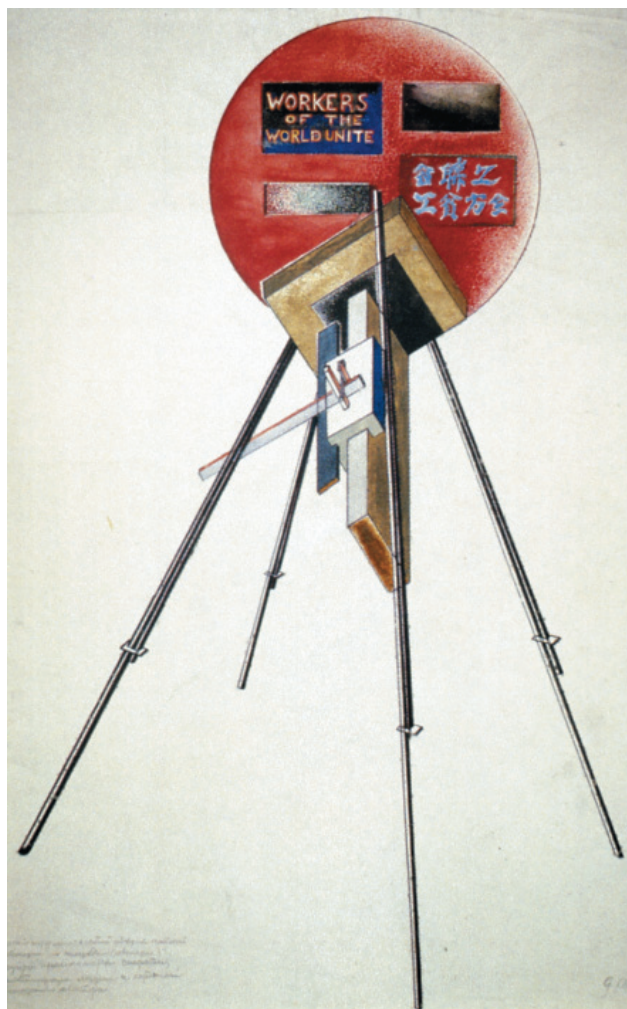

Fig. 6. Gustav Klucis, Design for a Stand Celebrating the Anniversary of the Revolution, 1922
Source: Photo, State Tretyakov Gallery, Moscow

Fig. 7. Gustav Klucis, Design Screen, Tribune, Kiosk, 1922
Source: Photo, Costakis Collection, Thessaloniki

Propaganda stands and kiosks — impermanent structures, often made of wood — provided an opportunity to explore different design ideas and even get

them made. At a time when materials in general and building materials were in very short supply, this was an important consideration. Gan, for instance, designed a book kiosk, which could be erected anywhere and closed up, when not in use (Fig. 9). Opened up, it contained several shelves, which enabled potential customers to see what publications were on offer and buy them.

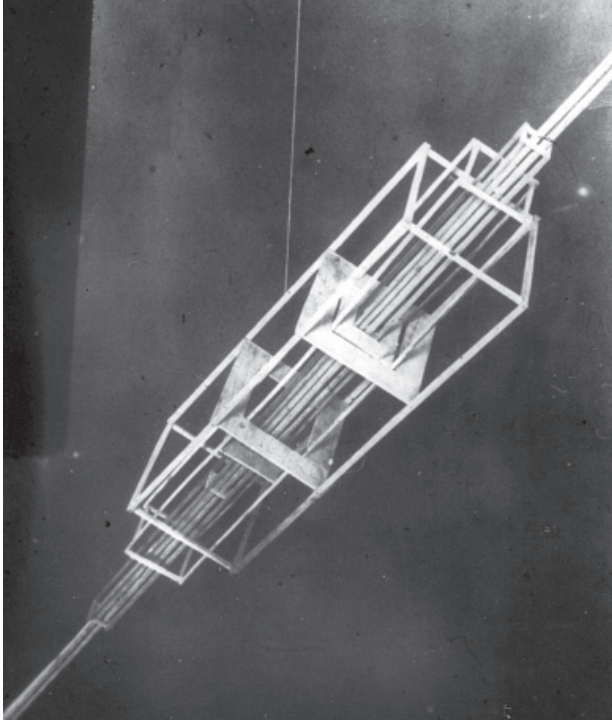

Fig. 8. Gustav Klucis, Constructed Sculpture, 1920s. Lost
Source: [Klucis 2014, vol. 1, p. 14]

Fig. 9. Aleksei Gan, Book Kiosk, 1924
Source: Photo, Private Collection

Constructivist Objects in the Theatre

Such stands and kiosks were relatively small in scale. A more challenging opportunity to explore Constructivist ideas was provided by the theatre. Popova's set and costume designs for *The Magnanimous Cuckold*, which opened in April 1922, was one of the first demonstrations of Constructivism in the theatre. The play was set in a mill, which Popova transformed into a machine for acting — a skeletal apparatus, containing doors, ladders, wheels, a slide, and a bench (Fig. 10).

At particularly dramatic points in the action, the wheels would start rotating. While the stage became a machine, the actors became workers. Hence, they all wore identical working clothes, with trousers for the men and skirts for the women.

These costumes were called production clothing (прозодежда) and individuals were only distinguished by various minimal additions such as an apron for the Nanny. The acting style was in tune with Constructivism's industrial and technological emphasis. Vsevolod Meyerhold turned his actors into gymnasts and mechanical entities. He developed the theory of biomechanics, according to which, the actors conveyed emotions through physical actions. These movements employed some of the gestures derived from commedia dell'arte.

Fig. 10. Photograph of the production of *The Magnanimous Cuckold*, April 1922
The décor and costumes were designed by Lyubov Popova

Source: Photo, Private Collection

For a while, Meyerhold's theatre continued to provide a microenvironment, where Constructivists could develop design ideas. For *The Death of Tarelkin*, Stepanova, created not one machine but a series of devices, which were painted white (Fig. 11).

Unlike Popova's rather monolithic set, they were relatively easy to move and so could be distributed at will across the stage. They were involved in the action, so when one of the characters landed in jail, he had to go through a structure resembling a meat mincer. In 1923, Aleksandr Vesnin produced a more architectural set for the play based on G. K. Chesterton's 1908 novel, *The Man who was Thursday*, directed by Aleksandr Tairov at the Kamernyi Theatre in Moscow (Fig. 12). It combined elements from both Popova's and Stepanova's sets, but was more ambitious structurally, looking like real scaffolding and containing many more levels and a lift. For all three artists, the theatre provided a micro-environment where they could experiment with ideas and realize them for a limited period.

Fig. 11. Photograph of the production of *The Death of Tarelkin*, 1922
Set and costumes designed by Varvara Stepanova
Source: Photo, Rodchenko-Stepanova Archive

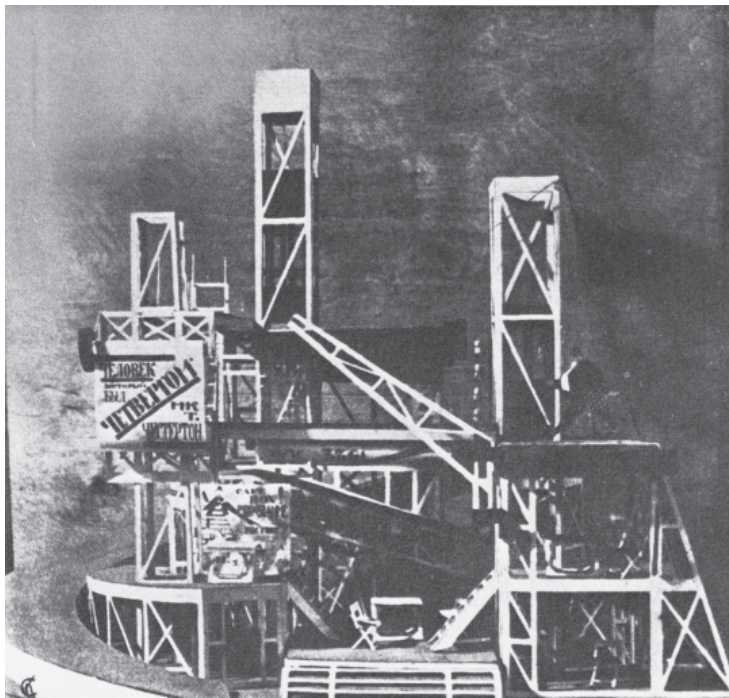

Fig. 12. Photograph of the production *The Man Who Was Thursday*, 1923
Set and Costumes designed by Aleksandr Vesnin
Source: Photo, Private Collection

Constructivist Textiles and Mass Production

While the theatre provided a forum for exploring design ideas, possibilities for engaging in industrial production were limited. In 1923 the manager of the First State Cotton Printing Factory in Moscow, however, advertised for artists to come and work in the factory as designers. Popova and Stepanova responded to this call, and between autumn 1923 until early 1924 they produced an enormous quantity of textile designs that were printed at the factory. They were responding to a real need of the country. By 1923, textile production in Russia was beginning to recover from the disruption caused by the fighting, but factories were having difficulties finding alternatives to the foreign patterns (mainly French) on which they had formerly relied [Strizhenova 1991, p. 136]. Cloth was in very short supply, and output was extremely low in terms of both quantity and quality [Yasinskaya 1983, p. 9]. Factories mainly produced plain cloth, but sometimes re-used pre-revolutionary designs and templates.

All of the designs that Popova and Stepanova submitted to the factory were based entirely on geometric form and responded to the structure of the fabric — i. e. the warp and weft. All the designs were economic in both the set of shapes and the limited range of colors that the artists used. At most, they employed two colors plus black, in addition to the white of the fabric. The permutations that both artists devised are stunning.

Popova manipulated simple geometric forms, lines, triangles, and circles as well as color and the base white of the fabric to produce a vast range of designs. Sometimes the result looks extremely complex (Fig. 13), but it is created simply from vertical lines in black of various widths which are placed at various distances apart, to which are added pink and yellow circles of various sizes. The component elements may be simple, but vibrancy and dynamism are created by the dislocation of the image — *сдвиг* — that disrupts the regularity.

Stepanova worked in a very similar way, using the same vocabulary of geometric shapes, orchestrated to produce numerous permutations. In one of her designs, she simply made a pattern using vertical lines in one color to evoke circular shapes, using horizontal lines in another color to define the spaces between the circular forms. As a variant of this, vertical lines replaced the horizontal lines, to produce a different effect (Fig. 14). Such prints were a far cry from the pre-revolutionary fabrics, which

Fig. 13. Lyubov Popova, Textile Design, 1924

Source: Photo, Private Collection

usually consisted of floral motifs in a regular repeat pattern. As an article in Pravda acknowledged, «these designs are infused with the pulse of contemporary life — dynamic and strong» [Викторов 1923].

Fig. 14. Varvara Stepanova in a dress made from fabric printed to her own design, 1924

Source: Photo, Rodchenko-Stepanova Archive

Constructivist Clothing

Inevitably, both Stepanova and Popova designed items of clothing using their new designs, such as the dress Stepanova produced for herself (Fig. 14). In general, the clothing was simple in shape and adapted to the various functions the person

wearing it had to perform — either related to work or relaxing. Both artists had designed their first items of clothing as costumes for the theatrical productions they had devised for Meyerhold. For these plays, they had developed the idea of production or working clothing (прозодежда) (Fig. 10), (Fig.11). This meant clothing that was designed to fulfil a specific function perfectly.

If it was intended for working, «production clothing» could simply be overalls, which were functional, without decoration or embellishment. In contrast, Stepanova's designs for sports clothing (*спорт одежда*) include geometric decorative components, although here these had the function of identifying various teams (Fig.15). Apart from this feature, all the items were strictly functional, and economic in terms of material used and the process of production (cutting and sewing), since they are simple and geometric in shape (comprising mostly shorts, but one skirt).

Fig. 15. V. Stepanova, Samples of sportswear, 1923

Source: [ЛЕФ 1923а]

Using an identical approach Rodchenko designed his own worker's suit, conceived with his own type of activity in mind (Fig. 16). Appropriately, it has many

pockets for his pens, etc. It also has leather trim on the neck, cuffs, and the openings, presumably so that it would be hard wearing. The construction is clearly displayed through the lines of stitching. There is no attempt to conceal or decorate. Everything could be justified in terms of function.

Tatlin, too, designed clothing — a worker's suit and all-season coat (Fig. 17). Tatlin explained that the coat was made of a light material but had several different linings: flannel for spring and autumn, and fur for winter. It was cut wide over the shoulders and under the arms to allow for air circulation — and hygiene. The pockets were placed quite low down so that the hands could easily rest in them [Татлин 1924]. Tatlin had hoped to interest a factory in his designs, but sadly failed. He also designed a fuel-efficient oven, but none of the three variants that he made worked well.

Fig. 16. Photograph of Aleksandr Rodchenko in his production suit, 1923
Source: Photo, Rodchenko-Stepanova Archive

Fig. 17. Vladimir Tatlin, Design for an Oven and an All-Season Coat, 1924
Source: Photo, Rodchenko-Stepanova Archive

Opportunities for the Constructivists to work in actual factories were severely limited. Soviet industry was at a low ebb in the early 1920s, and those factories that were functioning in general had no idea of how to use designers. The exception was the First State Cotton Printing Factory in Moscow. But Tatlin's experience was more typical. When he approached the Lessner Factory in Leningrad, he was set to work as a draughtsman, copying plans [Институт 1923, с. 87].

The Workers' Club

So, although the Constructivists wanted to design for industry, they had to be satisfied with designing and making individual items themselves. This proved

difficult and, therefore, the only fully designed Constructivist interior to emerge in the 1920s was the Workers' Club (Fig. 18). This was designed by Rodchenko and made for the *Exposition internationale des arts décoratifs et industriels modernes* in Paris in 1925 [Bapcrt 1926]. Rodchenko's design fully answered the ideological, physical and social requirements of the new state. For the Bolsheviks, Workers' Clubs were important crucibles for the new society. They provided places for rest and relaxation but also for culture and education. They supplanted the church as social centers, and they tried to inculcate new communist values. Often, because of the building shortages, the clubs were often organized in old buildings, which were ill-adapted to fulfil these needs.

Fig. 18. Aleksandr Rodchenko, The Workers' Club, Paris, 1925

Source: Photo, Rodchenko-Stepanova Archive

Rodchenko's design responded to this role and current realities. He provided items of furniture that were suitable for the purpose: table and chairs, plus bookshelves, a display board, a speaker's platform, and a chess table. He used standardized elements and spelt out Lenin's name in a modular form to link his design method with the great leader. Lenin had died the year before, in early 1924, and naturally his image adorned the walls of the Club. Every item was constructed from wood, which was cheap and plentiful in Russia, could easily be worked and produced in existing factories.

All the items of furniture were space saving. Rodchenko was not just following Constructivist principles, he was also thinking of the real situation of workers' clubs in the Soviet Union. Often, they consisted simply of one room and that room needed to be able to cater for all the activities in which the workers wished to engage. There was no room for bulky furniture and unnecessary items. Space was at a premium. Hence the principle of devising items that were space-saving or could be collapsed and easily stored when not in use answered a real need.

The table consisted of a middle section and two flaps, which ran down its whole length, on each side. These flaps had a slight ridge along their entire edge, which enabled books to rest there at an angle, so they were easy to read. When the table needed to be used for other activities, such as painting or making posters, the flaps could be raised, and the table became a single flat surface. Likewise, the chairs were constructed simply and economically. There were three uprights which were joined at the top — to provide armrests — in the middle to provide a seat and at the bottom to provide stability. The uprights were joined at the base by three wooden struts, in the middle with extended semi-circles of wood, and at the top by a ring of wood.

Constructivism and The VKhUTEMAS

The Constructivists not only designed objects for everyday use, but they also developed a design methodology and teaching programs that would instill that methodology in a new generation of artists. The Higher State Artistic and Technical Workshops, known as the VKhUTEMAS (ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские) were set up in December 1920 to train artists for industry and to train art teachers for schools [Декрет 1920]. The Constructivists played a leading role in three of the eight faculties: The Basic Course or Foundation Department; the Wood and Metal-work Faculty which was run by Rodchenko; and the Architectural Faculty, where Aleksandr Vesnin and Moisei Ginzburg worked.

Constructivist Graphics

One of the few areas which consistently demonstrated Constructivist principles during the 1920s was Graphic design, especially posters and book covers. As in the textile designs, the Constructivists used simple geometric forms but combined them in inventive and innovatory ways. Inevitably, posters included a figurative element, so that the viewer could clearly identify the item that was being offered, but this item could be presented in an innovative way or combined with abstract elements, as in Rodchenko's poster for children's dummies (Fig. 19).

Fig. 19. Aleksandr Rodchenko, advertising poster, 1923
There are and Have Been no Better Dummies. Ready
to be sucked until Old Age
Source: Photo, Private Collection

Fig. 20. Aleksandr Rodchenko,
Cover to the journal LEF, 1923
Source: [ЛЕФ 1923b]

While the objects in these early posters were often hand-drawn, Rodchenko also used collage elements, cut from magazines and newspapers, as in his cover design in which a gorilla with the spear is attacking an airplane (Fig. 20). The image effectively communicates the Communist message — which was also the Constructivist message: Modernity, the new technology, and the airplane are unbeatable. They are taking humanity to new heights and leaving the old values and the old way of life behind.

Increasingly, the Constructivists made photomontages and used photographic images in their graphic designs. Photographs are figurative, but they are also the products of a machine — the camera, and they can be reproduced in multiple copies. As Gan stressed, they are «a product of industrial culture» [Ган 1922a]. Undoubtedly, this quality of mechanical production and reproduction attracted the Constructivists.

At the same time, the photograph's ability to be perceived as an accurate reflection of reality and to make objects seem real and tangible made photographs valuable for propaganda and made photomontage an ideal medium for propaganda posters. In 1924, after the death of Lenin, photomontages answered the demand for memorabilia and images of the dead leader. They could be produced rapidly and could use and re-use a limited store of images, manipulating them in different ways to produce an almost endless supply of images.

It was, however, the First-Five Year plan, implemented in 1928, that brought photomontage to prominence as a medium for propaganda and Klucis as the designer of some of the most effective and persuasive posters produced. In his designs, he

frequently repeated the photographic image at different scales to give it more impact, and generally at a diagonal to evoke a sensation of dynamism. He used red grounds, which contrasted with the grey of the photographic images and increased the visual impact of the image. And he used simple sans-serif lettering, which was easy to read.

One of his most memorable posters is Under the Banner of Lenin for Socialist Construction, in which the faces of Lenin and Stalin are fused (Fig. 21). By manipulating the photographs, Klucis created an image in which the two leaders share one eye. Visually, this poster reinforced the idea of Stalin as the rightful heir to Lenin and imbued him with the same kudos as the dead leader. Lenin is in front, suggesting the vision of an industrialized Soviet state is his. But Stalin is close behind supporting him and realizing his vision.

Fig. 21. Gustav Klucis,
For Socialist Construction
Under the Banner of Lenin, poster, 1931
Source: [Klucis 2014, vol. 1, p. 295]

The Constructivist Photograph

Of course, manipulating photographs taken by someone else encouraged the Constructivists to take their own photographs. Rodchenko seems to have started taking photographs in 1924, when he acquired his first camera. He stressed that he was concerned to explore the potential of the camera as a machine to present

a different image of the world. He emphasized the desirability of adopting different views, of looking down or looking up at things in the everyday world. He took images of industrial items, focusing on their details. When he was taking his photograph of the Shukhov Radio Mast, he was inside the mast, looking up, and his image reveals the intricate framework of the structure (Fig. 22).

Fig. 22. Aleksandr Rodchenko, The Shukhov Tower, 1929
Source: Photo, Rodchenko-Stepanova Archive

Architectural Constructivism

Constructivism also became involved with designing real buildings for the new environment. The original members of the Working group of Constructivists had been artists, not architects, but Aleksandr Vesnin, who painted and devised theatrical decorations, was also an architect who embraced Constructivist ideas. In 1925, he and a few other architects, such as Moisei Ginzburg, set up the Society of Contemporary Architects, known as OSA (Общество современных архитекторов — ОСА). The group were committed to using the latest technology and creating modern buildings that would be «social condensers», stimulating the emergence of a new way of life, that would be appropriate to the new technological age as well as promoting a more communal and socialist ethos.

Initially Constructivist designs for buildings displayed the process of construction and the structural skeleton supporting the building on the outside as in the Leningrad

Pravda office designed by the Vesnin brothers (Aleksandr, Viktor, and Leonid). Eventually, however, the Constructivist architects adopted the main features of Le Corbusier's architecture and the International Style, such as smooth white walls, ribbon windows, flat roofs, and a roof terrace. All these features are present in Ignatii Milinis and Ginzburg's Narkomfin building (Fig. 23), which has recently been lovingly restored to its original condition [Гинзбург 2020].

Fig. 23. Moisei Ginzburg and Ignatii Milinis,
The Narkomfin Building, Moscow, 1930

Source: [Гинзбург 2020, с. 58]

Although the exterior might have affinities with Western architecture, the interior was designed in accordance with the functional method devised by the Constructivists of OSA. According to this, the architect had first to analyse the various functions the building had to perform and then consider these in relation to the wider ideological and social issues, the «tectonics» of the Constructivist program. Hence the Narkomfin building had different types of apartments, suited to individuals, couples, and families. To make life easier for the residents, there was a communal dining hall, and only limited kitchen facilities in the apartments. Finally, these functional spaces were constructed using the latest building materials and technology.

Organic Constructivism

Towards the end of the 1920s, a further development in Constructivism took place: a development that I have called Organic Constructivism. This might seem to be a contradiction in terms. But the principles of tectonics, construction and *faktura* remained, except the source of inspiration was no longer technology and the machine, but nature. Tatlin, who had inaugurated the emergence of Constructivism with his Model for a Monument to the Third International in 1920, was also responsible for developing this new type of Constructivism [Татлин 1932].

Around 1928, he started working on a flying machine which he called the Letatlin — a play on his surname and the verb to fly (Fig. 24). He conceived it as an air bicycle, which one would ride or propel through the air, in the same way as one would cycle on the ground. In developing the Letatlin's shape, Tatlin studied young birds and how they learnt to fly. The materials that he used were also organic — willow, ash, linden, leather, whalebone, silk, and cork, although he did also use metal ball bearings.

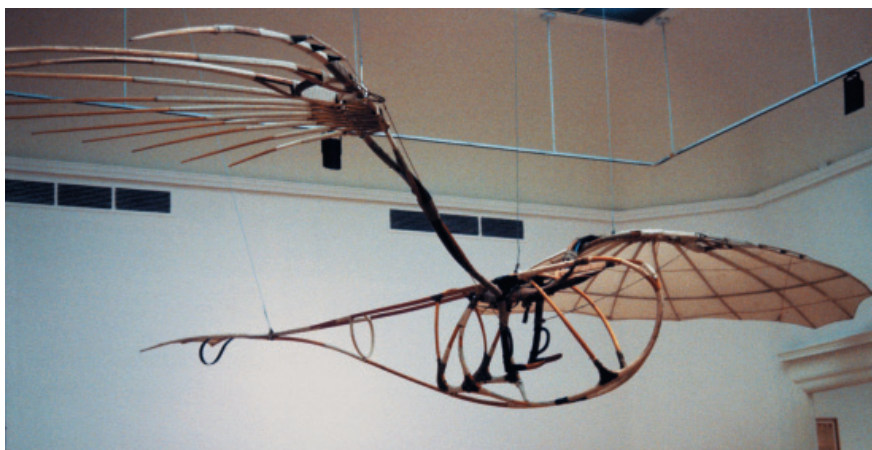

Fig. 24. Vladimir Tatlin, The Letatlin, 1929-1932

Source: Photo, Private Collection

As an object, the Letatlin seems remote from any functional purpose. It did, however, interest the government because man-propelled flying machines were silent and so could be used for spying on the enemy, before, during and after military conflicts [Siukonen 2001]. For Tatlin, the Letatlin as an air bicycle that could and should be used by anyone, liberating people from gravity and enabling them to move freely in space. From this perspective, the Letatlin represented the ultimate freedom for Russia's socialist citizens, and was, therefore perhaps, the ultimate socialist object. It was an unrealised vision of freedom, but it was also a work of art. Tatlin considered it «aesthetically perfect» [Зелинский 1932].

Conclusion

By the end of the 1920s, Constructivism was losing momentum. Few of the Constructivists' products had been mass produced except for their textile designs 1923-1924, and their advertising and propaganda posters. While graphic design continued to flourish, their geometric textile designs had proved unpopular with consumers, so the factories had returned to producing printed fabrics with more figurative patterns. Constructivism in architecture was still thriving to some extent,

and continued to influence some areas of design, including that of factories, well into the era of Socialist realism.

Tatlin had emphasized the aesthetic qualities of his design for the Letatlin, and this stress on aesthetics was an essential component of the Constructivists' approach. They did not use the word «style», and it certainly was not employed in their program which highlighted the principles of construction, tectonics and faktura. Nevertheless, the aesthetic that they employed was based on their abstract experiments with geometric form in two and three dimensions. Geometry and economy, along with the emphasis on space, were not merely pragmatic or utilitarian criteria, they were also aesthetic criteria.

Ultimately, it was precisely the Constructivists' aesthetic that impeded the realization of their dreams and their vision of transforming Soviet reality. During the 1920s, the Constructivists had devised various objects that effectively answered the real needs of Soviet citizens as well as the demands of Soviet officialdom. Yet the Constructivists' responses to those needs did not always correspond to the desires of the consumer or to those of the regime. Unfortunately, neither Soviet citizens nor their government wanted the Constructivists' rather spartan designs, based on geometry, economy, and simplicity. They wanted something much more traditional. In the end, despite the Constructivists successful efforts to create effective solutions to real problems, their vision of the new reality did not correspond to that of the Russian people nor to that of their rulers. It is not that the Constructivists' vision was necessarily utopian, but that the designs they offered in executing that vision were too modern for Russian tastes at that time.

References

- Andrews, R., Kalinovska, M., Andel, J., Smith, O. et al. (1990), *Art into life: Russian Constructivism, 1914-1932*, Henry Art Gallery, Seattle, Rizzoli, New York, 276 p.
- Dekret Soveta narodnykh komissarov o Vysshikh gosudarstvennykh khudozhestvenno-tehnicheskikh masterskikh* [Decree of the Council of People's Commissars on the Higher State Artistic and Technical Workshops] (1920), *Izvestiya*, no. 291 (in Russian).
- Derkusova, I. (ed.) (2014), *Gustav Klucis Complete Catalogue of Works in the Latvian National Museum of Art, Illustrated two-volume edition in Latvian and English*, Latvian National Museum of Art, Riga.
- Gan, A. (1922), "Cinematography and cinematography", *Kino-fot*, no. 1, p. 1 (in Russian).
- Gan, A. (1922), *Konstruktivizm* [Constructivism], Tverskoe izdatel'stvo, Tver, 70 p. (in Russian).
- Gan, A. (2014), *Constructivism*, translation and introduction by Lodder, Ch., Tenov Books, Barcelona, 178 p.
- Ginzburg, A. (ed.) (2020), *Dom Narkomfina, Restavratsiya, 2016-2020* [The Narkomfin Building. Restoration, 2016-2020], Department of cultural heritage of the city of Moscow, Moscow, 140 p. (in Russian).
- Gough, M. (2005), *The Artist as Producer: Russian Constructivism in Revolution*, University of California Press, Berkeley, 258 p.
- Informatsionnyi otdel INKhUKa (1923), "Institute of Artistic Culture", *Russkoe iskusstvo*, no. 2-3, pp. 85-88 (in Russian).
- Khan-Magomedov, S. O. (1986), *Rodchenko: The Complete Work*, Quilici, V. (ed.), The MIT Press, Cambridge, MA, 303 p.

- Khan-Magomedov, S. O. (2003), *Konstruktivizm. Kontsepsiya formoobrazovaniya* [Constructivism. The concept of shaping], Stroizdat, Moscow, 576 p. (in Russian).
- Khan-Magomedov, S. O. (2008), *Vladimir i Georgii Stenbergi: tvortsy avangarda* [Vladimir and Georgy Stenberg: creators of the avant-garde], Russian Avant-Garde Foundation, Moscow, 240 p. (in Russian).
- Kiaer, Ch. (2005), *Imagine No Possessions: The Socialist Objects of Russian Constructivism*, The MIT Press, Cambridge, MA, London, 344 p.
- Lenin, V. I. (1969), *Polnoe sobranie sochinenii, v 55 tomakh. Tom 26, Iyul' 1914 — avgust 1915* [Complete Set of Works, in 55 vols, Vol. 26, July 1914 — August 1915], 5th ed., Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, 590 p. (in Russian).
- Lenin, V. I. (1970), "Our External and Internal Position and the Tasks of the Party (Speech of November 21)", in Lenin, V. I., *Polnoe sobranie sochinenii, v 55 tomakh. Tom 42, Noyabr' 1920 — mart 1921* [Complete Set of Works, in 55 vols, Vol. 42, November 1920 — March 1921], 5th ed., Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, pp. 17–38 (in Russian).
- Mayakovskii, V. V. (ed.) (1923), *LEF, Zhurnal levogo fronta iskusstv*, Gosizdat, Moscow, no. 2, 178 p. (in Russian).
- Mayakovskii, V. V. (ed.) (1923), *LEF, Zhurnal levogo fronta iskusstv*, Gosizdat, Moscow, no. 3, 187 p. (in Russian).
- Pertsov, V. (1925), *Za novoe iskusstvo. Reviziya levogo fronta v sovremennom russkom iskusstve* [For new art. Revision of the Left Front in Contemporary Russian Art], Vserossiiskii Proletkul't, Moscow, 147 p. (in Russian).
- Punin, N. (1920), *Pamyatnik III Internatsionala: Proekt khudozhnika V. E. Tatlina* [Monument of the III International: Project of the artist V. E. Tatlin], Department of Fine Arts N. K. P., Saint Petersburg, 5 p. (in Russian).
- Siukonen, J. (2001), *Uplifted Spirits, Earthbound Machines: Studies on Artists and the Dream of Flight, 1900-1935*, Suomalainen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, 192 p.
- Strizhenova, T. (1991), *Soviet Costume and Textiles 1917-1945*, Flammarion, Paris, 311 p.
- Tatlin, V. (1924), "New way of life", *Krasnaya panorama*, no. 23 (41), p. 19 (in Russian).
- Tatlin, V. (1932), "Art into technology", *Brigada khudozhnikov*, no. 6, pp. 15–16 (in Russian).
- Tatlin, V., Shapiro, T., Meerzon, I. and Vinogradov, P. (1921), "Our future work", in *VIII s'ezd Sovetov. Ezhednevnyi byulleten' s'ezda* [VIII Congress of Soviets, daily bulletin of the Congress], 1 January, no. 13, p. 11 (in Russian).
- Varst (1926), "Rabochii klub. Konstruktivist A. M. Rodchenko", *Sovremennaya arkhitektura*, no. 1, p. 36 (in Russian).
- Viktorov, P. (1923), "Artists, respond!", *Pravda*, 29 November (in Russian).
- Yasinskaya, I. (1983), *Soviet Textile Design of the Revolutionary Period*, Thames and Hudson, London, 106 p.
- Zelinskii, K. (1932), "Letatlin", *Vechernyaya Moskva*, 6 April (in Russian).

Список литературы

- Варст 1926 — Варст. Рабочий клуб. Конструктивист А. М. Родченко // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 36.
- Викторов 1923 — Викторов П. Художники, откликнитесь! // Правда. 1923. 29 нояб.
- Ган 1922a — Ган А. Кинематограф и кинематография // Кино-фот. 1922. 25–31 авг. (№ 1). С. 1.
- Ган 1922b — Ган А. М. Конструктивизм. Тверь : Тверское издательство, 1922. 70 с.
- Гинзбург 2020 — Дом Наркомфина. Реставрация. 2016–2020 / авт.-сост. А. Гинзбург. М. : Департамент культурного наследия города Москвы, 2020. 140 с.
- Декрет 1920 — Декрет Совета народных комиссаров о Высших государственных художественно-технических мастерских // Известия. 1920. 25 дек. (№ 291).
- Зелинский 1932 — Зелинский К. Летатлин // Вечерняя Москва. 1932. 6 апр.
- Институт 1923 — Институт художественной культуры / Информационный отдел ИНХУКа // Русское искусство. 1923. № 2-3. С. 85–88.

- Ленин 1969 — Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 26 : Июль 1914 — август 1915. 5-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1969. 590 с.
- Ленин 1970 — Ленин В. И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии (Речь 21 ноября) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 42 : Ноябрь 1920 — март 1921. 5-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1970. С. 17–38.
- ЛЕФ 1923а — ЛЕФ : Журнал левого фронта искусств / отв. ред. В. В. Маяковский. М. : Госиздат, 1923. № 2. 178 с.
- ЛЕФ 1923б — ЛЕФ : Журнал левого фронта искусств / отв. ред. В. В. Маяковский. М. : Госиздат, 1923. № 3. 187 с.
- Перцов 1925 — Перцов В. За новое искусство. Ревизия левого фронта в современном русском искусстве. М. : Всероссийский Пролеткульт, 1925. 147 с.
- Пунин 1920 — Пунин Н. Памятник III Интернационала: Проект худ. В. Е. Татлина. Петербург : Издание Отдела изобразительных искусств Н. К. П., 1920. 5 с., ил.
- Татлин 1921 — Наша предстоящая работа / В. Татлин, Т. Шапиро, И. Меерзон и др. // VIII съезд Советов : ежедневный бюллетень съезда. 1921. 1 янв. (№ 13). С. 11.
- Татлин 1924 — Татлин В. Новый быт // Красная панорама. 1924. 4 дек. (№ 23 (41)). С. 19.
- Татлин 1932 — Татлин В. Искусство в технику // Бригада художников. 1932. № 6. С. 15–16.
- Хан-Магомедов 2003 — Хан-Магомедов С. О. Конструктивизм. Концепция формообразования. М. : Стройздат, 2003. 576 с.
- Хан-Магомедов 2008 — Хан-Магомедов С. О. Владимир и Георгий Стенберги: творцы авангарда. М. : Фонд «Русский авангард», 2008. 240 с.
- Art into life 1990 — Art into life: Russian Constructivism, 1914-1932 / introduction by R. Andrews, M. Kalinovska ; essays by J. Andel et al. ; artist biographies by O. Smith. Seattle : Henry Art Gallery ; New York : Rizzoli, 1990. 276 p.
- Gan 2014 — Gan A. Constructivism / transl. and introduction by Ch. Lodder. Barcelona : Tenov Books, 2014. 178 p.
- Gough 2005 — Gough M. The Artist as Producer: Russian Constructivism in Revolution. Berkeley : University of California Press, 2005. 258 p.
- Khan-Magomedov 1986 — Khan-Magomedov S. O. Rodchenko: The Complete Work / Introduced and edited by V. Quilici. Cambridge, MA : The MIT Press, 1986. 303 p.
- Kiaer 2005 — Kiaer Ch. Imagine No Possessions: The Socialist Objects of Russian Constructivism. Cambridge, MA ; London : The MIT Press, 2005. 344 p.
- Klucis 2014 — Gustav Klucis Complete Catalogue of Works in the Latvian National Museum of Art : Illustrated two-volume edition in Latvian and English / ed. by I. Derkusova. Riga : Latvian National Museum of Art, 2014.
- Siukonen 2001 — Siukonen J. Uplifted Spirits, Earthbound Machines: Studies on Artists and the Dream of Flight, 1900-1935. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2001. 192 p.
- Strizhenova 1991 — Strizhenova T. Soviet Costume and Textiles 1917-1945. Paris : Flammarion, 1991. 311 p.
- Yasinskaya 1983 — Yasinskaya I. Soviet Textile Design of the Revolutionary Period. London : Thames and Hudson, 1983. 106 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 3.05.2022

Принята к публикации / Accepted: 6.06.2022

Информация об авторе

Лоддер Кристина
доктор философии, профессор
независимый исследователь
Великобритания, Лондон
E-mail: christina.lodder@gmail.com

Information about author

Lodder, Christina
Ph.D., Professor
Independent Researcher
London, UK
E-mail: christina.lodder@gmail.com

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.021
УДК 7.03(470.41)

КАЗАНСКИЙ АВАНГАРД 1910–1930-Х ГОДОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

О. Л. Улемнова

Институт языка, литературы и искусства
АН Татарстана
Казань, Россия

Аннотация: Статья посвящена региональному варианту русского авангарда, развивавшемуся в Казани — важном художественном центре России, столице обширного региона с многоконфессиональным и многонациональным населением. В статье раскрываются истоки явления и основные этапы развития, обусловленные историческими событиями, такими как создание и реорганизация казанской художественной школы, Первая мировая и Гражданская войны, революции 1917 года. Искусство Казани позиционируется как часть общероссийского художественного процесса, развитие которого в революционные годы стало определяться новой государственной культурной политикой. Она была выработана художниками-авангардистами и была направлена на продвижение и широкую пропаганду авангардного искусства. Развитие авангарда раскрывается через деятельность художественных объединений Казани «Подсолнечник», «Всадник», «ТатЛЕФ», «СУЛФ», через творчество ведущих художников К. Чеботарева, А. Платуновой, И. Никитина, С. Федотова, И. Плещинского, Н. Шикалова, Ф. Тагирова, Б. Урманче и др. Автор выявляет особенности казанского авангарда, определяемые национальными и религиозными факторами: основными народами региона являются русские и татары, исповедующие православие и ислам. Это определило преобладание на первом этапе русских художников, их увлечение разнообразными стилевыми направлениями европейского авангарда, реализованными в разных видах искусства, их интерес к искусству народов своего региона, которое становилось важным источником для экспериментов. Характерной чертой казанского авангарда с середины 1920-х годов стало формирование плеяды художников-татар, чему способствовала отмена после революции религиозных ограничений ислама, не дававших развиваться татарскому изобразительному искусству. Важную роль сыграла целенаправленная деятельность Б. Урманче по привлечению татарской молодежи к художественному образованию. В этой среде получили развитие преимущественно графика и театрально-декорационное искусства, а основным стилевым направлением татарского авангарда стал конструктивизм.

Ключевые слова: агитационно-массовое искусство, живопись, графика, искусство книги, театрално-декорационное искусство, художественные объединения, стилевые направления, выставочно-издательская деятельность.

Для цитирования: Улемнова О. Л. Казанский авангард 1910–1930-х годов: региональные и национальные особенности // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 147–172. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.021

THE KAZAN AVANT-GARDE OF THE 1910S – 1930S: REGIONAL AND NATIONAL SPECIFIC FEATURES

O. L. Ulemnova

Institute of Language, Literature and Art
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russia

Abstract: The article highlights the regional version of the Russian avant-garde, which developed in such an important artistic center of Russia as Kazan, the capital of a vast region with a multi-confessional and multi-ethnic population. The article reveals the origins of the phenomenon and the main stages of its development, due to such historical events as the creation and reorganization of the Kazan Art School, the First World War and the Civil War, the revolution of 1917. The author positions the art of Kazan as part of the all-Russian artistic process. The new state cultural policy began to guide its development during the revolutionary years. Avant-garde artists elaborated and directed it towards the promotion and widespread propaganda of avant-garde art. The author reveals the development of the avant-garde through the activities of the art associations of Kazan — “Sunflower”, “Vsadnik (Rider)”, “TatLEF”, “SULF”, through the work of leading artists — K. Chebotarev, A. Platonova, I. Nikitin, S. Fedotov, I. Pleshchinsky, N. Shikalov, F. Tagirov, B. Urmanche and others. The author singles out the features of the Kazan avant-garde, determined by national and religious factors: the two main peoples of the region are Russians and Tatars, who profess Orthodoxy and Islam. This determined the predominance of Russian artists at the first stage, their passion for various styles of the European avant-garde, which were carried out in different types of art. Their interest in the art of the peoples of their region became an important source for experiments. The formation of a galaxy of artists-Tatars was a characteristic feature of the Kazan avant-garde after the mid-1920s. The abolition of the religious restrictions of Islam which did not allow the development of the Tatar fine arts was adopted after the revolution and facilitated this process. An important role was played by the purposeful activity of B. Urmanche, who attracted the Tatar youth to art education. In this environment, mainly graphic art and theatrical and decorative arts were evolved, and the main stylistic direction of the Tatar avant-garde was Constructivism.

Key words: propaganda and mass art, painting, graphics, art of the book, theatrical and decorative art, art associations, styles, exhibition and publishing.

For citation: Ulemnova, O. L. (2022), “The Kazan Avant-garde of 1910–1930s: Regional and National Specific Features”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 147–172 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.021

Введение

Явление, которому посвящена настоящая статья, в разные годы получало разные определения и оценки, на несколько десятилетий сталинского режима оно было запрещено и вытеснено из массового сознания и из поля искусствоведческих исследований. Искусство авангарда Казани 1910–1920-х годов вернулось на орбиту профессионального и зрительского интереса в конце 1960-х, когда выставка «Агитационно-массовое искусство первых лет Октябрьской революции», с триумфом прошедшая в Москве, Ленинграде, странах социалистического лагеря (Германии, Венгрии, Болгарии), представила процессы, происходившие в столицах и других городах России. На этой выставке значимое место в экспозиции занимали живописные и графические произведения А. Г. Платуновой, И. Н. Плещинского, К. К. Чеботарева, Н. С. Шикалова, созданные в Казани в 1917–1922 годах [Агитационно-массовое 1967, с. 52–53], а одним из символов выставки и всего русского искусства послереволюционного периода стала картина К. Чеботарева «Красная армия» (1917–1918). С тех пор это искусство обретает все более широкую известность и признание. Сам термин «казанский авангард» появился в начале 2000-х годов в трудах С. М. Червонной [Червонная 2001] и укоренился с 2005-м благодаря выставке в галерее «Арт-Диваж» в Москве (кураторы И. И. Галеев и О. Л. Улемнова) [АРХУМАС 2005], вызвавшей большой общественный резонанс.

Изучение казанского авангарда, начатое в 1920-е годы П. М. Дульским и П. Е. Корниловым, продолжалось в конце XX — начале XXI века Ю. Г. Нигматуллиной, Д. Т. Садыковой, О. Л. Улемновой, В. А. Цой, С. М. Червонной, Р. Г. Шагеевой и др. Сведения о нем включаются в общие обзоры и справочники по русскому авангарду.

Некоторые авторы определяли процессы, происходившие в казанском, и в первую очередь татарском, искусстве первой трети XX века, как «запоздалый модернизм», заявляя о его вторичности и отставании от европейского и русского искусства [Нигматуллина 2002]. Отдельные явления казанского авангарда, такие как графический коллектив «Всадник», С. Червонная расценивает как «непосредственный и даже не слишком запоздалый отклик на обращенные ко всей европейской культуре, исходящие из предвоенного Мюнхена инициативы Василия Кандинского, Франца Марка, Пауля Клее», называя его в широкой

исторической ретроспекции современником «Синего всадника», родственным по эстетическому генезису, мировоззрению, стилю [Червонная 2003, с. 534].

Действительно, для глубокой провинции, отделенной сотнями и тысячами километров от российских художественных центров Москвы и Петрограда, от европейских столиц авангарда Парижа, Берлина, Мюнхена, Вены и др., для поколения художников, формировавшихся в Казани в 1910-е годы, в силу исторических причин (Первая мировая война, революция 1917-го, Гражданская война), лишенных возможности выезжать за рубеж, получавших информацию о новейших течениях в искусстве опосредованно — через печатные издания, через частные коллекции (в том числе и казанские), через произведения русского авангарда, пропускавшего через себя европейские месседжи и ищущего своих путей, — тот прорыв в искусстве, который молодые казанские художники совершали в 1910–1920-е годы, порождая свой оригинальный вариант авангарда, трудно назвать запоздалым, скорее можно удивляться своевременности и оригинальности их достижений. Своеобразие казанского авангарда определяется географическим положением, богатой историей города, на протяжении веков выполнявшего функции столицы сначала обширного ханства, затем царства, наместничества, губернии и, наконец, республики, научного и промышленного центра огромного региона, соединяющего в себе и через себя Восток и Запад, многоконфессиональный город с многонациональной культурой Поволжья, сохранявший и развивавший под русским крылом свои специфические формы.

С конца XIX века, когда в городе была открыта художественная школа, Казань превратилась в средоточие художественного образования и художественной жизни для жителей Казани и ее окрестностей, для народов Поволжья (марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов и др.), Урала, Сибири и других регионов Российской империи, подчас весьма удаленных от Казани. С конца 1900-х, когда на смену преподавателям начального этапа, исповедовавшим «передвижнический» реализм, воспринимавшийся определенной частью учащихся как отсталый, пришло новое поколение художников (Н. И. Фешин, П. П. Беньков, П. С. Евстафьев), казанская художественная школа (КХШ) создала благоприятную почву для авангардистских экспериментов. Фешин — художник, сформированный эпохой модерна, с индивидуальным и неповторимым художественным языком, сложившимся на пересечении многочисленных стилевых направлений начала XX века, при этом базирующимся на прочной академической основе [Тулузакова 2007, с. 37], — в своей педагогической практике руководствовался представлениями о том, что важно «не подавить индивидуальность учащегося»¹, способствовал расширению кругозора своих

¹ Фешин Н. И. [Предложения по организации Школы. (1919–1920(?)] // ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 78–79.

учеников. В то же время заметную роль в формировании авангардистской парадигмы играли приезжие художники, в том числе не связанные с КХШ. Например, А. Ф. Мانتель, П. А. Мансуров, Н. С. Шикалов, И. Н. Плещинский, которые привносили новые художественные идеи и новые методы организации образовательного и творческого процесса.

Первые футуристические опыты

Пожалуй, первым авангардистом Казани можно назвать А. Мانتеля, благодаря изданной им книге «Нео-футуризм. Вызов общественным вкусам. Сборник» (Казань: изд-во «Futurum», 1913), которую с полным правом можно отнести к жанру «книга художника» (*livre d'artiste*). В объемном издании (56 страниц, с использованием бумаги разных цветов — белой, зеленой, красной, серой, обложка в технике цветной литографии) перемежаются типографский текст и цельнолитографированные страницы с рисунками и рукописными стихами и надписями. На страницах книги размещены декларативные, поэтические и графические произведения в духе футуризма, кубизма, примитивизма, лучизма, под которыми стоят имена 28 авторов (А. Грибатников, И. Михельсон, А. Ирнин и др.). В Казани сборник был воспринят вполне серьезно, получил гневную отповедь от известного казанского критика, который заклеил футуризм как «несомненное зло» [Драверт 1913, с. 3].

На самом деле сборник был пародией на творчество «футуристов» Михаила Ларионова, Давида Бурлюка, Николая Кульбина, Велимира Хлебникова и др., и сегодня аллюзии на работы этих авторов вполне очевидны. Эта грандиозная мистификация, которую можно расценить как самостоятельную художественную акцию, была разоблачена истинными футуристами почти сразу в небольшой заметке Николая Бурлюка «О пародии и подражании», опубликованной как добавление к брошюре «Галдящие «бенуа» и «Новое Русское национальное искусство» (1913). Скорее всего, основным автором сборника был сам Мانتель, скрывающийся под псевдонимом А. Грибатников (по названию имени под Казанью, в котором он жил) [Улемнова 2013, с. 41–42].

Настоящие футуристы Давид Бурлюк, Василий Каменский и Владимир Маяковский появились в Казани позднее, лишь в феврале 1914 года [Крусанов 2010, с. 413], и произвели неизгладимое впечатление на «левую» казанскую молодежь, что в своих воспоминаниях описал Родченко, учившийся в КХШ в 1911–1914 годах [Родченко 1982, с. 53–54]. Первые свои авангардистские опыты в Казани Родченко воплотил в ряде «футуристических вещей на картоне клеевой краской», призванных имитировать футуристическую выставку для «адвокатской елки», которую присяжные поверенные Н. Н. Андреев и В. И. Вегер устроили в одной из квартир [Там же, с. 56]. К футуристическим опытам можно отнести и одну из немногих сохранившихся композиций

И. А. Никитина 1915 году², в которой дробление и наложение форм друг на друга, заставляющих вспомнить о принципе симультанности, создают впечатление движения и воздушности.

Союз «Подсолнечник»

Наряду с футуризмом, казанская художественная молодежь осваивала и переживала увлечения ретроспективизмом «Мира искусства» (П. М. Дульский), болезненно-изошренной и эротичной графикой Бёрдслея (А. Родченко, Д. П. Моцевитин, А. Платунова, К. Чеботарев). А. Платуновой, с ее погруженностью в собственный внутренний мир, был особенно близок символизм, который определял ее творческое развитие на протяжении многих лет. К. Чеботарев, пройдя через этапы, почти обязательные для русских авангардистов: импрессионизм, пуантилизм, символизм, — нашел себя в кубофутуризме, своеобразном направлении русского авангарда, сплавившем воедино европейские теории с русскими традициями народного примитива и иконописи.

Эти искания вылились в создание весной 1918 года первого художественного объединения Казани — союза «Подсолнечник». На первой выставке «Подсолнечника», прошедшей в мае 1918-го, в 305 произведениях живописи и графики 12 молодых художников (И. И. Алпатов, Н. И. Баранов, Василий Вера, Николай Диомиди, П. М. Зотов, Д. П. Моцевитин, И. А. Никитин, А. Г. Платунова, Г. П. Соловьев-Озеров, Д. М. Федоров, Г. И. Потапов, К. К. Чеботарев) был представлен широкий спектр осваиваемых стилевых направлений (пуантилизм, символизм, фовизм, футуризм, неопримитивизм), подчас несколько наивно соединявшихся в творчестве одного и того же художника. Немногие из экспонатов выставки сохранились до наших дней — основные представления о них дают каталог выставки [Подсолнечник 1918], воспоминания Чеботарева³ и отзывы казанской прессы, в целом с энтузиазмом приветствовавшей выставку, видя в ней «много свежести, молодости, новизны, для Казани много совсем необычного» [Белов 1918, с. 2]. Анализ каталога дает возможность сделать вывод, что большую часть выставки составляла оригинальная графика разных видов и жанров: портреты, пейзажи, аллегорические композиции, фронтальные зарисовки, шаржи, иллюстрации, эскизы театральных постановок и костюмов, графика прикладного характера, архитектурные проекты и др., представляя для молодых художников удобное поле для экспериментов.

Одной из центральных работ выставки была «Марсельеза (Fortissimo)» (1917–1918) Чеботарева, которая вошла в историю отечественного искусства

² Собрание Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан (ГМИИ РТ).

³ Чеботарев К. К. «Подсолнечник» (Рукопись) // ОР ГРМ. Ф. 145. Ед. хр. 11.

под названием «Красная Армия» (была переименована самим автором)⁴. В ней впервые в казанской живописи наиболее четко и полно проявились эстетические и стилевые качества авангардного искусства: «...новое чувство жизни, определяющее необходимость новых форм искусства, ощущение близкого конца старого мира, ориентация на будущее, мифология нового человека, понятие современности как особой эстетической категории» [Бобринская 2003, с. 21]. В этой картине Чеботарев создал универсальный образ современного мегаполиса, охваченного революционным порывом, символом которого служит развевающееся красное знамя, как парус несущее вперед стройные ряды марширующих военных. Построенная на футуристическом понимании движения и урбанизма в сочетании с плакатной строгостью очищенных от ненужных деталей форм, картина несет в себе дуализм переломной эпохи: из современного сегодня в механистически ровных рядах одинаковых фигур видится пролог будущих грозных трансформаций советского общества.

Выставка «Подсолнечника», которая позиционировалась организаторами как начало большого пути, стала лишь подведением итогов предреволюционного десятилетия. Гражданская война, докатившаяся до Казанской губернии летом 1918 года, прервала развитие художественной мысли, выбила из рядов казанского художественного авангарда ее основных лидеров Чеботарева, Платунову, Мощевитина и др., которые вынужденно откатывались с волнами Белого движения в Сибирь.

Реорганизация художественного образования

В конце 1918 года после окончания боевых действий в Казани началась реорганизация КХШ в Казанские государственные свободные художественные мастерские (КГСХМ)⁵, юридически оформившаяся в январе 1919-го. Инициаторами и реформаторами были сами учащиеся КХШ. Реорганизация происходила на основе «Положения о Свободных государственных художественных мастерских» («вполне соответствующего желаниям учащихся»⁶), присланного из Москвы, и являлась частью общей стратегии развития современного искусства, разрабатываемой и осуществляемой отделом изобразительных искусств Наркомпроса (отделом ИЗО НКП). Таким образом, развитие русского авангарда из маргинальной деятельности отдельных художников и художественных групп превращалось в государственную задачу, которая успешно решалась в течение несколько революционных лет.

⁴ Собрание ГМИИ РТ.

⁵ В ходе череды реорганизаций название КХШ неоднократно менялось, с 1935 — Казанское художественное училище (КХУ). В дальнейшем мы будем использовать названия, соответствующие рассматриваемым периодам.

⁶ ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 10.

Регулярные занятия в КГСХМ начались в январе 1919 года на живописном, скульптурном, архитектурном, педагогическом отделениях (факультетах)⁷. Постепенно вырабатывались новые принципы и методики, которые были закреплены в разработанных «красным ректором» КГСХМ Ф. П. Гавриловым учебных программах (1920). Они основывались на идее объективности законов формообразования, тесной связи научных знаний и практической работы, на необходимости создания не отвлеченных произведений искусства станкового характера, а новых форм, вызванных жизненными потребностями общества [Улемнова 2018, с. 41].

Идеи абсолютной свободы творчества, лежавшие в основе начального этапа реформ, по которым предписывалось, отменить рисование с натуры, отказаться от законов перспективы⁸, по-видимому, во многом были следствием влияния абстракциониста П. А. Мансурова, недолгое время жившего в Казани и преподававшего в КГСХМ в 1920–1921 годах [АРХУМАС 2005, с. 12]. Одна из учениц мастерской Мансурова в Казани вспоминала: «...из линий — прямых, кривых, спиралей, разных геометрических фигур — мы строили на плоскости динамические пространственные композиции, создавали причудливую игру цвета, придавая сочетаниям многокрасочных пятен символическое значение: радости, грусти, покоя, стремительности, тяжести, легкости и многого другого. Мы уходили в создаваемый нашей фантазией абстрактный мир цветoliniй. <...> „Привязка“ к конкретной действительности методами преподавания строжайше запрещалась. По мнению Мансурова, она уводила от беспредметности и тем самым ограничивала свободу творчества. <...> Философия изобразительного искусства сводилась у нас к тому, что живопись была сферой только глубоко личного, интимного; сферой, скрытой в глубинах своего „я“, замкнутой кругом „чистого искусства“»⁹. Прямое продолжение этой методики обнаруживается в учебных работах студентов середины 1920-х (М. И. Бобошин, В. И. Бронникова, К. Ф. Егоров, И. А. Кесарев)¹⁰, пытающихся найти беспредметные эквиваленты человеческим чувствам (тоска, ревность), состояниям природы (утро) и др. Но в целом от этого принципа отошли и, как резюмировал Гаврилов в 1925 году, в АРХУМАСе (Казанские архитектурно-художественные мастерские) был введен «активный метод — самостоятельная изыскательная работа, критическое отношение, изучение натуры и использование ее как „средства“ в социально-нужных целях. Научное обоснование цвета /краски/

⁷ ГА РТ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 2.

⁸ ГА РТ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 10.

⁹ Несмелова-Делакроа В. Несколько беглых воспоминаний о занятиях абстрактной живописью в 1920–1921 гг. // Научный архив Российской академии художеств. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1–4.

¹⁰ Собрание ГМИИ РТ.

формы, материала и инструмента. В основу принята — композиция — как комплекс формы и содержания»¹¹.

Авангард в музеях и на выставках

Пропаганде новейших течений искусства в стране должны были способствовать художественные музеи нового типа (музеи художественной/живописной культуры — МХК/МЖК), которые предполагалось создавать не только в Москве и Петрограде, но и в отдаленных от столиц российских городах, в первую очередь тех, где были художественные учебные заведения нового типа (ГСХМ). Эти музеи должны были представлять искусство как «последовательный и объективный процесс развития профессиональной пластической культуры в ее основных элементах (материал, цвет, пространство, время/движение, форма» [ЭРА 2014, с. 382]. Для реализации этой концепции при отделе ИЗО НКП было создано Музейное бюро с разветвленной структурой, которое закупало у художников произведения и распределяло их по музеям разных городов [Там же, с. 376–377]. Так, в апреле 1920 года в Казань были переданы 33 произведения живописи и скульптуры из Государственного музейного фонда, среди которых были работы Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионова, П. П. Кончаловского, Р. Р. Фалька, А. В. Куприна, А. В. Лентулова и других выдающихся представителей русского авангарда. Дар, приуроченный к 25-летию юбилею Казанского губернского музея, показывает, что идею создания в Казани МЖК решили реализовать на базе этого музея [Герасимова 2021, с. 97]. Присланные работы были показаны на Первой государственной выставке искусства и науки в Казани (государственные выставки, проводимые в разных городах России, стали еще одной составной частью общей стратегии отдела ИЗО НКП), которая открылась в мае 1920 года в здании КГСХМ.

Грандиозная выставка (всего экспонировалось до 2000 произведений, в том числе около 600 живописных, 100 прикладных, более 1000 этнографических) призвана была «дать трудовым массам произведения изобразительного искусства различных течений, начиная от самого реалистического и вплоть до новейших опытов молодых художников» [Первая выставка 1920, с. 2]. Наряду с произведениями художников Москвы и Петрограда на выставке экспонировались более 400 живописных, графических и скульптурных работ 50 казанских художников, среди которых выделялись не количеством, но смелостью художественных решений произведения казанских авангардистов. Так, в каталоге выставки указаны восемь работ М. И. Меркушева с характерными названиями «Контр-рельефы» (№ 1 и № 2), «Симфония», «Материалы»,

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2968. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 103.

«Мотивы», «Лучистый автопортрет» [Первая выставка 1920, с. 48], 14 работ И. А. Никитина (портреты, пейзажи, натюрморты, о характере которых свидетельствуют некоторые названия — «Беспредметная живопись», 1919, 1920, «Портрет», 1920, «Цвет и форма», 1920 [Там же, с. 49], шесть работ С. С. Федотова — «Тигра», «Композиция» и др. [Там же, с. 53]. Выделить по названиям другие авангардные произведения сложно, так же как и в случае с выставкой «Подсолнечника», они практически не сохранились. Рецензент выставки, сосредоточившись в основном на столичных мастерах, упомянул беспредметную живопись Никитина и Федотова, отметив их разный характер и выделив «упоение краской» у Федотова [Денике 1920, с. 58]. Возможно, к упомянутым в каталоге «Мотивам» Меркушева относится «Большой мотив», 1920(?)¹², в котором художник «предвосхитил некоторые открытия американских абстрактных экспрессионистов периода после Второй мировой войны», используя как один из приемов «свободное точечное разбрызгивание краски, которое впоследствии доведет до совершенства Джексон Поллок» [Авангард 2022, с. 220]. Еще более радикально проявил себя Никитин, выставив в КГСХМ начала 1920-х подвешенный к потолку кирпич, предвосхитив поп-арт, хэппенинги, кинетическое искусство постмодернизма. Раскачивающийся над головами посетителей кирпич, по замыслу автора, символизировал «пролетарскую угрозу», «действенное оружие пролетариата» [Червонная 2003, с. 547].

Агитационно-массовое искусство

КГСХМ стали центром развития агитационно-массового искусства, в котором строящееся государство остро нуждалось и в котором в первые послереволюционные годы авангардисты нашли для себя применение. Только за 1919 год художниками КГСХМ были «исполнены в большом количестве плакаты, знамена и росписи для советских праздников: для годовщины Октябрьской революции, для Красного подарка, майских торжеств и проч.»¹³, были проведены конкурсы на выполнение эскизов декораций для городских театров, для рабоче-крестьянского театра, знамени Художественных мастерских, эскизов для обложки журнала, значков, плакатов для празднества годовщины Октябрьской революции и др. Эти работы, имевшие утилитарный характер и исчезающие в пучине бурной уличной жизни так же быстро, как и создавались, сегодня известны по немногочисленным сохранившимся эскизам [Агитационно-массовое 1967, с. 52]), по редким фотографиям, зафиксировавшим праздничное убранство казанских площадей, где художники свое упоение стихией свободы творчества выплескивали в беспредметных панно [Каталог

¹² Собрание Вятского художественного музея им. В. М. и А. М. Васнецовых

¹³ ГА РТ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5.

1990, ил. 38–40]. Больше всего повезло революционному плакатному искусству, которое уже в момент своего появления было по достоинству оценено искусствоведами, нашло своих собирателей и исследователей. В Казани таковым стал П. Е. Корнилов, показавший собранную им коллекцию на выставке в ЦМТР в 1929 году и издавший ее каталог [Корнилов 1929]. На выставке и в каталоге была представлена пестрая картина плакатного искусства Казани, где в период Гражданской войны на этом поприще работали ведущие мастера отечественного плаката (В. Дени), казанские художники-реалисты старшего поколения (Г. А. Медведев), выпускники и учащиеся КХШ и КГСХМ, имена которых известны (В. Э. Вильковская) или скрыты за псевдонимами (Молот, Вперед). Как самое примечательное явление в истории казанского плаката Корнилов справедливо отметил графическую мастерскую КГСХМ [Там же, с. 7], в которой на литографском станке печатались небольшими тиражами (от 100 до 300 экз.) плакаты, отмеченные поисками нового языка — обобщенностью и монументальностью форм, экспрессионистской деформацией образов, призванной усилить эмоциональное воздействие [Улемнова 2018, с. 85].

Графический коллектив «Всадник»

Организацией графической мастерской КГСХМ занимались два художника, страстно увлеченные гравюрой, — Н. С. Шикалов и И. Н. Плещинский, которые встретились в 1919 году в Казани¹⁴. Их разносторонний опыт в гравюре (Шикалов специализировался в ксилографии и линогравюре, Плещинский — в литографии, офорте и др.) стал залогом успешной деятельности графического факультета КГСХМ, открывшегося осенью 1920 года, и графического коллектива «Всадник», возникшего при Исполкоме подмастерьев КГСХМ как «агитационно-издательская коллегия, центром которой является мастерская графических искусств» [Улемнова 2014, с. 7–8]. Первым опытом этой коллегии стал графический альманах «Всадник» (1920, № 1), составленный из гравюр Плещинского, Шикалова, Д. М. Федорова и М. И. Меркушева. Название альманаха стало названием графического коллектива, организационно оформившегося немного позднее и устроившего зимой 1920/21 года свою первую выставку¹⁵. Шикалов и Плещинский декларируют развитие гравюры как «самостоятельного искусства со своим специфическим языком» и ставят основные задачи издавать «свои работы коллективными альманахами и отдельными авторскими папками, кладя тем некую ценность на весы искусства», а также «книги, иллюстрации

¹⁴ Биографии см. в: [Улемнова 2014, с. 7].

¹⁵ В каталоге первой выставки был опубликован состав коллектива: И. Плещинский — председатель, Н. Шикалов — товарищ председателя, Д. Федоров — секретарь, члены — М. Андреевская, В. Вильковская, А. Бутин, сотрудник — И. Стаднюк.

которых были бы выполнены самим художником в его графической мастерской», ориентируясь на опыт Германии и Англии и справедливо полагая, что «это возвращает книге характер искусства, который почти совершенно убит фото-механическими репродукциями всех видов» [Шикалов, Плещинский 1920].

Безусловным творческим лидером коллектива «Всадник» был Плещинский, индивидуальность которого сформировалась под воздействием немецких экспрессионистов Э. Хеккеля, М. Пехштейна, Р. Гроссмана и мюнхенского объединения «Синий всадник», параллели с которым явно читаются в названии, проблематике и стилистике казанского «Всадника». Как и «Синий всадник», казанский «Всадник» не ограничивал своих членов стилистическими нормами, и в их творчестве проявлялись разнообразные тенденции. Все же экспрессионистское направление стало основным для казанского «Всадника», наиболее ярко и последовательно проявляясь в творчестве Плещинского, которое оказало значительное влияние на формирование художественного языка других членов коллектива. Выразительные средства, найденные экспрессионистами: подчеркнуто обобщенный контур, острые угловатые линии, деформация и напряжение форм, динамичный открытый штрих, повышенная контрастность черно-белых и цветных построений, — позволяли наиболее адекватно передавать трагическое мироощущение художественной интеллигенции, индивидуальные переживания авторами ужасов и катаклизмов, привнесенных революцией и Гражданской войной. Федотов и Меркушев в беспредметные гравюры, печатавшиеся на страницах альманахов «Всадник», переносили свои живописные художественные эксперименты, по-своему преломляя теоретические и практические достижения В. Кандинского и П. Мансурова по выражению внутренних сущностей природы и человека и изучению структурных принципов формообразования.

Так же как и немецкие экспрессионисты, казанские «всадники» в своем творчестве опирались на народный примитив, стремясь не к подражанию и стилизации, а к выражению сущностных сторон народной эстетики, проявляя тенденцию к возрождению жанрового начала, что отражало общий подход русского авангарда к примитиву. Так, в обобщенных формах линогравюр Федорова нашли воплощение африканские деревянные скульптуры, Шикалова — болгарская керамика, Плещинского — мотивы татарского фольклора и особенности национального быта и пейзажа (в оформлении поэм-сказок Г. Тукая «Шурале» и «Коза и баран», изданных в 1921 году в казанском отделении государственного издательства). При всей условности и упрощенности изобразительного языка Плещинскому в иллюстрациях к поэмам Г. Тукая удалось передать характерные особенности национального быта и пейзажа, впервые в казанской гравюре советского периода воплощая виды татарской деревни, образы татарских крестьян, мифического существа Шурале (который в будущем станет знаковым для татарского искусства).

Только за первый год своего существования (1920–1921) казанский коллектив издал два графических альманаха «Всадник», каталоги двух выставок¹⁶, три альбома гравюр Плещинского («Шесть автолитографий», 1920, «Офорты», 1921, «18 автолитографий», 1921), состоящие из оригинальных авторских оттисков [Улемнова 2014, с. 221–223]. Это многообещающее начало было прервано трагической смертью Шикалова и Андреевской, отъездом из Казани Плещинского.

Чеботарев и Платунова, вернувшиеся в Казань из Сибири летом 1921 года, включились в работу обескровленного «Всадника». Впечатленные достижениями предшественников, они с энтузиазмом неопитов погрузились в новый для них вид искусства, освоив линогравюру, литографию, офорт и др., и продолжили издательскую деятельность «Всадника». В 1921–1922 годах Платунова издала альбомы линогравюр «Графика», «Виньетки», «Сказки», Чеботарев — альбомы «Революция» (линогравюры), «Эскизы» (автолитографии), они выпустили совместные альбомы «Книжные знаки. Вып. 1», «Трое» (А. Платунова, К. Чеботарев, Д. Мошчевитин), продолжили издание альманахов «Всадник» [Там же, с. 224–227].

В альбоме «Революция» (1921) Чеботарев ярко и смело воплощает тему революции, представляя ее как процесс, начинавшийся с забастовок и народных волнений, заканчивающийся победой пролетариата над мировым капитализмом. Двенадцать листов альбома неоднородны по выбору художественных приемов, в них есть и гротеск, и коллажный подход, и рубленые формы плакатного стиля, и манерная «модерновая» линия, иногда причудливо сочетающиеся в одной композиции. Высокая степень обобщения форм, выразительность и символическая емкость образов, напряженные контрасты черного и белого, красный цвет, расставляющий смысловые и декоративные акценты, делают серию одним из самых убедительных и эмоциональных воплощений Русской революции [Валеев, Улемнова 2018, с. 76].

Важной стороной графики Чеботарева стала пропаганда советских идей, направленная к национальному населению республики: он создает сюжеты с татарскими типами, татарской архитектурой, вводит в композиции надписи на татарском языке, выполненные модернизированным арабским шрифтом. Показательна в этом смысле гравюра «Ленин умер — компартия жива!», пронизанная скорбью и гражданским пафосом [Там же, с. 122]. Та же тенденция проявляется в работах Платуновой 1924 г. [Там же, с. 123,], которая за три года прошла в гравюре путь от символистско-декадентских композиций через увлечение экспрессионистическими экспериментами, народным лубком до ясного понимания природы гравюры как самостоятельного искусства, выявляя сбалансированные соотношения черного и белого, демонстрируя разнообразие графической фактуры, создаваемой резцом.

¹⁶ Летом 1921 г. состоялась посмертная выставка Н. Шикалова и М. Андреевской.

Революционные и национальные темы казанского авангарда

Публичная защита дипломов стала важной частью образовательной системы КГСХМ и одним из способов пропаганды новых идей в искусстве. Конкурсанты должны были не только экспонировать свой диплом, но и теоретически обосновать его, что требовало не только знаний по истории искусства, осмысления его философских и социологических аспектов, но и навыков общения с аудиторией, умения вести дискуссию [Валеев, Улемнова 2018, с. 52].

Так, конкурсная защита Чеботарева в 1922 году¹⁷ всколыхнула художественное сообщество и культурную жизнь Казани, а его дипломная работа (эскизы монументальной росписи стены в Большом зале съездов здания Татсовнаркома, ТатЦИКа и Областкома) стала одним из символов русского искусства первых лет советской власти и в XXI веке вошла в постоянную экспозицию Государственной Третьяковской галереи. Работа состояла из семи частей: шесть боковых квадратного формата¹⁸ воплощают в образах-типах, с одной стороны, исторические этапы революционного процесса (восстание Спартака, бунт Степана Разина, Великая французская революция), с другой стороны, представляют три основные движущие силы Русской революции (большевик, рабочий, крестьянин); центральная часть вертикального формата «Весь мир насилия мы разрушим»¹⁹ — кульминация революции, призванной свергнуть угнетателей и установить на Земле царство справедливости. В этих работах художник развивает не только тему, подвергая ее историческому и социальному анализу, но и художественные образы своей «Марсельезы (Красной Армии)» (1917–1918), переходя от безличной массы к портретным образам, выражающим типические черты поколения и социальных слоев.

В станковой, книжной, агитационной графике и плакатах Чеботарева и Платуновой происходила интерпретация национального орнамента и национальных образов (русских, марийцев, татар), арабской каллиграфии, памятников древней культовой архитектуры казанского края. Особенно интересны «Агит для татарского жилища» Платуновой — опыты по модернизации татарского шамаила²⁰, зафиксированные в каталоге левовской выставки [ИЗО-выставка 1925, кат. № 55–57] и отмечаемые исследователями [Червонная 2001, с. 292]. Эти «Агиты», выполненные в традиционной технике живописи на стекле, были призваны заместить в татарском интерьере старый шамаиль с религиозным содержанием на новый, пропагандирующий советскую идеологию.

¹⁷ В 1921 г. К. Чеботарев и А. Платунова поступили в Кахутеин (Казанский художественно-технический институт).

¹⁸ Собрание ГТГ.

¹⁹ Не сохранилась, в ГМИИ РТ хранится небольшой эскиз к ней.

²⁰ Шамаиль — жанр религиозного искусства, в декоративно-шрифтовых композициях воспроизводящий изречения из Корана и других религиозных книг.

Нам удалось обнаружить воспроизведение одного из этих опытов на фотографии 1926 года²¹, запечатлевшей Платунову в домашнем интерьере: на стене хорошо видна абстрактная композиция из геометрических фигур с надписью на татарском языке «Денъя инкыйлабы булыр!» («Да здравствует мировая революция!»), выполненная «оквадраченными» арабскими буквами²². Этот же свой «Агит» Платунова воспроизвела в журнальном рисунке «Татарская изба-читальня» [Красная панорама 1929, с. 1], зафиксировав новую художественную форму и достижения казанского авангарда в массовом сознании.

Конструктивистские идеи преобразования пространства, костюма, быта и самого человека Чеботарев и Платунова реализовывали своей работой в театре и для театра. Чеботарев вел в Татарском театральном техникуме предмет «Оформление сцены», отдавая много сил воспитанию нового поколения татарских театральных художников, театральных режиссеров, стремившихся к радикальному обновлению татарского общества и татарской культуры. Творческая работа обоих мастеров разворачивалась в КЭМСТе — Казанской экспериментальной мастерской современного театра. Их декорации, костюмы, сценография, отражая смелые театральные эксперименты 1920-х, «взрывали» зрительское восприятие в таких постановках, как «Мистерия-буфф» В. Маяковского (1923), «Гамлет» по У. Шекспиру (1925), «Растрата» И. Пшеничного (1926) [Благов 2005, с. 92, 159, 192].

Движение ТатЛЕФ и СУЛФ

Многообразная деятельность Чеботарева и Платуновой была частью большого движения ТатЛЕФ (Татарский левый фронт искусств), объединявшего в 1923–1926 годах несколько художественных, литературных и театральных коллективов, которые ставили перед собой задачи освоения новых форм и выразительных средств в разных видах искусства, отвечающих идеям производственного искусства и современным технологиям. На выставках ТатЛЕФа 1924 и 1925 годов [Выставка 1924; Выставка 1925] оказались широко представлены разнообразные виды производственной графики: афиши рекламного характера, афиши выставок и театральных постановок (К. Чеботарева, С. Хромова, В. Фоминых, М. Барашова), фото и типомонтажи (С. Хромова, Ф. Тагирова), обложки книг (Ф. Тагирова), монтажи стенных газет (С. Хромова), проекты и эскизы костюмов для первомайских праздников (К. Чеботарев), театральные работы К. Чеботарева, М. Барашова, А. Платуновой (макеты, эскизы костюмов) для КЭМСТа.

²¹ РГАЛИ. Ф. 2968. ОП. 1. Д. 510. Л. 40 (Фонд Чеботарева и Платуновой).

²² Фотография впервые опубликована нами [Улемнова 2017, с. 72].

Составной частью движения ТатЛЕФ стала национальная секция СУЛФ²³, «первый опыт консолидации многообразных творческих сил писателей, поэтов, драматургов, художников-националов на левой платформе, пример содружества и рождения нового синтетического художественного творчества» не на идеологической, а на эстетической платформе, выдвигая на первый план проблемы формы и техники [Шагеева 1992, с. 123]. В СУЛФ входили писатели А. Кутуй, Г. Тулумбайский, Г. Гали, драматург и режиссер Р. Ишмурат, художник Ф. Тагиров и др. Один из лидеров движения Фаик Тагиров уже в своих первых работах по оформлению книги (например: А. Кутуй. В беге дней. Казань: СУЛФ, 1924. На татар. яз.) предстает художником, сумевшим выработать свой неповторимый стиль, представляющий оригинальный восточный вариант конструктивизма, в котором органично соединились авангардные поиски европейской культуры с древними национальными истоками. Неизобразительная традиция, свойственная художественной культуре татар, у которых строго соблюдались религиозные запреты на изображение человека и животных, в определенном смысле была близка беспредметным экспериментам авангарда и геометрическим построениям конструктивизма, а квадратные лапидарные формы древнейшего почерка арабской каллиграфии «куфи»²⁴ предоставляли органичную почву для «оквадрачивания», «округления», «упрощения» витиеватых узоров арабской вязи, которая должна была отвечать задачам, выдвигаемым конструктивизмом: простота, лаконичность, функциональность и демократичность.

В 1925 году Тагиров начал активно применять новый прием — фотомонтаж, ставший важнейшей составляющей художественного языка конструктивизма, которому вплоть до середины 1930-х в советском искусстве придавалось большое значение как средству «строго документального, острого и точного запечатления фактов многообразного советского „сегодня“» [Лазаревский 1930, с. 19]. При этом вырванные из контекста фрагменты реальности, волевым усилием автора сопоставленные друг с другом в неожиданных, острых ракурсах, создавали иное художественное пространство, в котором исходный материал приобретал новые качества, рождая подчас непредвиденные смысловые оттенки. И если для большинства казанских художников конструктивистский опыт был лишь эпизодом творческой биографии, то Тагиров — последовательный конструктивист, сознательно и изобретательно применявший конструктивистский арсенал к оформлению татарских книг и журналов, выпускавшихся казанскими и московскими издательствами, с которыми он стал сотрудничать после переезда в Москву в 1925 году для продолжения образования на полиграфическом факультете ВХУТЕМАСа.

²³ СУЛФ (Сул фронт) — левый фронт на татар. яз.

²⁴ На протяжении веков арабская каллиграфия составляла основу татарской письменности.

Конструктивистские идеи Тагиров применял не только в полиграфии, но и в других сферах: в праздничном оформлении площадей Казани, в создании временных триумфальных арок, в оформлении постановок «левого» татарского театрального коллектива «Бомба» (1925)²⁵. В 1927 году, когда начинается перевод татарского языка на латинский шрифт (яналиф), Тагиров принимал активное участие в разработке новых шрифтов, новой азбуки, эмблемы издательства «Яналиф», направляя мощь своего неординарного художественного мышления на пропаганду новой графики, которую он считал «историческим шагом по ликвидации векового неравенства и межнациональных барьеров» [Шагеева 1992, с. 133].

Особенно интересным представляется эскизный проект оформления Тагировым форзацев для книги «Капитал» К. Маркса. Это геометрические построения, насыщенные цветовой и формообразующей символикой, построенные на цветовых и композиционных противопоставлениях. «Статику и реакцию мира капитала» (авторское название переднего форзаца) художник передает сплошным черным цветом и устойчивой пирамидальной композицией из черных кругов на желто-золотистом фоне, своим основанием опирающей красную полосу, находящуюся в основании пирамиды. Авторский комментарий гласит: количественное накопление и качественный эффект. «Динамику революции и социализм» (авторское название заднего форзаца) выражают антагонизм черного и красного цветов, победу прогрессивных сил, снопом разноцветных лучей, прорезающих черный мрак [Улемнова 2018, с. 103]. В этой работе художник свободно оперирует абстрактными формами, используя их для выражения мировоззренческих и политических категорий.

«Декларация пяти»

Переломный год для казанского авангарда — 1925/26: противостояние «левых» и «правых» сил на идеологическом и художественном фронте, борьба за статус и за педагогический состав Кахутеина/АРХУМАСа, а значит, и за влияние на формирование современного и будущего искусства «левыми» была проиграна, сторонники АХРР (Ассоциации художников революционной России) с ее программным передвижническим реализмом заняли ведущие позиции. С 1 января 1926 года АРХУМАС из высшего учебного заведения был реорганизован в Казанский художественно-педагогический техникум (КХПТ), были уволены ведущие преподаватели А. Платунова, Н. Сапожникова, В. Вильковская, невосполнимой потерей стала смерть в апреле 1926 года ректора Ф. Гаврилова. Для художников «левого» фронта и вообще для самостоятельно

²⁵ Эскизы эмблемы «Бомбы» — в собрании ГМИИ РТ, эскизы костюма и афиши — в собрании семьи художника.

мыслящих мастеров создавалась невыносимая обстановка, и они один за другим стали покидать Казань: в Москву уехали Чеботарев и Платунова, Тагиров, А. Н. Коробкова, Д. Н. Красильников, в Киев — Плещинский²⁶, в Астрахань — М. Барашов, в Самарканд — П. Беньков.

Но идеи «левого» искусства продолжали будоражить студенчество КХПТ. В 1927 году студенты-дипломники Е. Александров, А. Коробкова, С. Михайлов, Н. Ломоносов, И. Кесарев выставили свои конкурсные работы, сопроводив их коллективным выражением своей позиции — «Декларацией пяти», где выступали против натурализма, за новый реализм в живописи, за экономию в подборе выразительных средств, утверждая, что «современное ИЗО искусство должно идти по двум путям: А. По пути внедрения художника-мастера в производство — плакат, книга (полиграфпроизводство), реклама, клуб и т. д. Б. По пути реформы станковых форм, приближая последние к нуждам массового потребления (клуб, общественное здание, улица), взамен кабинетно-салонных форм старого станка» [Коробкова 1992, с. 190–203]. «Декларация пяти», по сути, объединяла ЛЕФовское и ОСТовское направления в живописи, а подписанты реализовывали высказанные идеи в своей практической деятельности: Михайлов работал над оформлением клубов, Александров — художником-декоратором в театре КЭМСТ, Коробкова — художником в татарских журналах. Сохранившиеся станковые живописные полотна воплощают их идеи «нового реализма в живописи», соединенные с геометрическими прозрениями Малевича (Александров), с коллажными приемами кубизма (Ломоносов)²⁷.

Вряд ли эта демонстрация пяти молодых художников могла бы состояться, если бы в 1926 году в Казань после окончания ВХУТЕМАСАа не вернулся Б. И. Урманче, старая-новая фигура казанского авангарда, которого сегодня мы по праву называем основоположником татарского изобразительного искусства²⁸. Благодаря ему возникает и растет новая национальная волна изобразительного искусства: 1926–1929 годы становятся самыми активными периодами его жизни, когда личное творчество было неразрывно связано с педагогической и организаторской деятельностью в КХПТ. В строгом смысле слова творчество Баки Урманче сложно в полной мере отнести к авангарду, ведь для русского и европейского искусства его сезаннистские полотна уже пройденный этап. Но для татарского искусства, находящегося в стадии становления, тем более в условиях начавшихся гонений на авангард, превалярования

²⁶ Плещинский вернулся в Казань в 1923 г.

²⁷ Обе в собрании ГМИИ РТ.

²⁸ Урманче в 1919–1920 гг. учился в КГСХМ в 1919, активно участвовал в национальном культурном и государственном строительстве ТАССР. В 1920–1926 гг. учился во ВХУТЕМАСе у А. В. Шевченко, С. В. Герасимова и др.

передвижнических традиций в форме ахрровского бытописательства, живопись Урманче, в которой он ищет свои вариации сезаннизма и неопримитивизма, стремится найти трудно определяемую, тонкую структуру национального духа и переложить ее на язык цвета, формы и ритма [Тулузакова 2018, с. 455], являет собой безусловный художественный прорыв.

Татарская книжная графика

Важнейшей заслугой Урманче на посту заведующего учебной частью КХПТ стала его активная деятельность по привлечению к художественному образованию талантливой татарской молодежи из разных районов Татарстана и из других областей, регионов и республик страны — Среднего и Нижнего Поволжья, Урала и Приуралья, Казахстана, Киргизии. Сформировавшееся в этот период новое поколение татарских художников сыграло большую роль в развитии книжно-журнальной графики, остро востребованной активно развивающейся национальной полиграфией и периодикой. В конце 1920-х они определяли параллельную ахрровской линию татарского искусства, базирующуюся на стремлении развивать татарскую художественную культуру в модернистской парадигме, осваивать опыт, наработанный русским и европейским искусством, опираясь в том числе на национальные традиции.

Урманче возобновил работу графической мастерской сначала в форме производственной группы (В. Бадюль, А. Иорданский, П. Попрядухин, Г. Сотонина, Х. Алмаев, З. Мухаметшин, Ш. Мухаметжанов, Г. Юсупов, А. Баширов и др.). Для этой группы было характерно обращение к жанру агитлисточков, современных форм народных картинок — лубков, актуальность которых возросла в связи с выдвинутым советским правительством лозунгом «смычки города и деревни» [Улемнова 2018, с. 137]. В 1928 году в КХПТ было восстановлено графическое отделение, направленное на подготовку художников для полиграфической промышленности республики. Для преподавания были приглашены известные и высокопрофессиональные мастера литографии и ксилографии, специалисты по полиграфии и истории книги. Отделение окончили пять человек из бывшей производственной группы, в том числе Ш. Мухамеджанов, Г. Юсупов, Х. Алмаев [Там же, с. 139].

Специальная графическая подготовка дала важный и полезный опыт молодым художникам, которые стали определять развитие татарской книжной и журнальной графики в первой половине 1930-х, являя разнообразие стилистических направлений и графических приемов в период усиливающегося идеологического давления. К татарской книжно-журнальной графике первой половины 1930-х вполне относимы слова В. Г. Кричевского: «...печатный графический продукт середины тридцатых все же гораздо интересней и своеобразней, чем принято видеть и думать. Более того, в каком-то смысле он

содержательней, теплее и даже художественно основательней поточных откровений 20-х» [Кричевский 2017, с. 6,]. Оформление книг в этот период бурного развития полиграфии в Казани при трудностях финансирования и технического состояния касалось в первую очередь обложек, а книжный блок строился преимущественно по типовым образцам. В обложках казанских изданий (в первую очередь, татарских — на чем была сосредоточена казанская полиграфия) находили свое место конструктивистские геометрические построения, приобретшие лаконизм, не свойственный 1920-м, активно применялся фотомонтаж. Надо отметить, что именно в конструктивистской книге чаще реализовывался подход к ней как к единому ансамблю, все элементы которого: обложка (или переплет), книжный блок, шрифт, иллюстрации и декоративные элементы, пропорции страниц и текста — подчинялись общей графической идее. Одним из наиболее интересных конструкторов книги (официальное название профессии) в полиграфии Казани был Р. М. Мухутдинов, не имевший художественного образования, но выросший в оригинальную творческую личность в ходе самого процесса типографского производства [Дульский 1935, с. 44]. Особое распространение в обложках получили каллиграфические надписи, в чем видятся не только общие для советской книги этого периода черты, но и проявления традиций татарской арабской каллиграфии (Ш. Мухамеджанов). У некоторых авторов (Г. Юсупов) явственно проявлялось стремление подчинить шрифтовые композиции изобразительным задачам, чтобы в символично-графических формах отразить идею и содержание литературного произведения. В этом также прорастают традиции татарских шамаилей, в которых вязь арабских букв формировала изображение символов ислама. И конечно, пышно расцвела новая для татар и потому особенно привлекательная изобразительная культура: молодые татарские художники (Ш. Мухамеджанов, М. Каримов, Д. Красильников, Г. Юсупов, Н. Арсланов), освоив профессиональные основы, привносили в них свою графическую культуру, отмеченную декоративностью и символическостью (свойственными татарскому искусству), обогащая ее приемами авангарда.

К середине 1930-х авангардистская линия в казанском искусстве практически исчезает, уступая место повсеместно внедряемому «социалистическому реализму». Своеобразным заключительным аккордом авангардистских поисков стала книга П. Дульского «Актуальная графика» (Казань, 1935), в которой автор дает краткий, но емкий обзор советской графической продукции 1920–1930-х годов, органичной частью которой он показывает графику казанских художников. Удачно найденный термин предвосхищает современные искусствоведческие дефиниции, а оформленная автором крайне лаконичная обложка оставляет далеко позади конструктивистские излишества 1920-х.

Заключение

Таким образом, развитие авангардных направлений в искусстве Казани началось позднее, чем в европейском и русском, и активно проявляло себя в конце 1910-х — начале 1930-х. За короткий срок в трудных условиях было создано достаточно, чтобы говорить о казанском авангарде как о целостном явлении со своими специфическими особенностями, обусловленными в немалой степени своеобразием татарского национального искусства, оказавшего на него заметное воздействие. Сохранившийся пласт произведений, к сожалению, не отражает всего спектра созданного казанскими художниками в этот период, но убедительно показывает, как, жадно впитывая новейшие достижения европейского художественного авангарда, казанские «левые» энергично шли вперед, получая яркие результаты в живописи, станковой и книжной графике, плакате, театрально-декорационном искусстве, развиваясь в тесном сотрудничестве с экспериментальными театрами, поэтами и писателями, литературными и художественными критиками, вырабатывавшими и анализирувавшими новый художественный язык.

Проведенное исследование позволяет существенно дополнить сложившиеся представления об истории авангарда в целом. Выводы, сделанные по материалам западноевропейского и русского авангарда, легли в свое время в основу теоретических и философско-эстетических концепций авангарда как типа искусства. Казалось, что выработанная схема достаточно легко приложима к любым версиям региональных авангардистских феноменов. Иначе говоря, существует определенный набор признаков авангарда, которым можно пользоваться при изучении всего мирового искусства. Но подробное изучение (восстановление) всего максимально доступного материала региональных (локальных, национальных) практик показывает, что различия имеют значение, и не только в качестве новых доказательств классических концепций авангарда, но и как содержательное расширение самих концепций. Изучение даже только одной локальной версии авангарда — казанской — обнаруживает и уточняет состав источников генезиса авангарда, доминанту местного контекста, культурных потребностей и социального заказа территории.

Восстановление максимально полного комплекса всех условий, генерирующих возникновение авангардистских практик: художественного образования, художественных объединений, издательского дела, технологий и техник, стратегии культурной политики и т. п., — доказывает, что масштабные и влиятельные художественные явления возникают только в таком поле культуры и социума, где формируются специальные институты, сообщества и отношения по горизонтали и вертикали. Иначе говоря, история становления и «заката» казанского авангарда убедительно демонстрирует, что его возникновение

и развитие невозможно объяснить только влиянием европейских образцов или степенью осведомленности об искусстве XX века в целом.

Еще один важный вывод исследования истории и специфики казанского авангарда заключается в том, что преодолеваются устойчивые представления о региональных и провинциальных версиях авангарда как проявлениях «западного модернизма», его вторичности и отставании от европейского и русского искусства. Ставшая привычной за многие десятилетия теоретическая установка описывать историю культуры как историю переноса новаций из центра на периферию уже несколько десятилетий оспаривается. С такой точки зрения весь массив типологически сходного художественного материала изначально выстраивается иерархически, и возникает опасность не увидеть в нижних ступенях пирамиды никакой оригинальности и точек развития новаций, не мотивированных импульсами из центра. А история казанского авангарда выявляет такие точки и импульсы, задаваемые спецификой места и времени.

Оригинальность региональных версий авангарда позволяет добавить целый ряд аргументов в пользу тезиса о социальной востребованности этого типа искусства. Вокруг истории авангарда сложилось представление, часто воспроизводимое, об утопичности проектов авангарда, о его «оторванности» от массовых запросов, и таким образом его символическая «смерть» в начале 1930-х годов выглядит почти естественной. Но весь массив сведений о системе формирования и, главное, воспроизводства комплекса авангардных идей, техник и технологий в системе образования, издательского и музейного дела, театрального и оформительского искусств свидетельствует об обратном: именно круг авангардно мыслящих деятелей культуры заложил в казанском регионе мощную базу для просвещения и успешного воплощения культурной революции, задал множество импульсов и векторов развития, которые даже в ситуации полной смены направления культурной политики смогли питать творчество новых поколений.

Список литературы

- Авангард 2022 — Авангард: на телеге в XXI век : каталог выставки / под ред. А. Петровой. М. : Музей русского импрессионизма, 2022. 256 с.
- Агитационно-массовое 1967 — Агитационно-массовое искусство первых лет Октябрьской революции : каталог выставки / авт.-сост. Л. В. Андреева и др. ; под науч. ред. А. С. Галушкиной, Е. А. Сперанской. М. : Советский художник, 1967. 60 с.
- АРХУМАС 2005 — АРХУМАС : [Казанские архитектурно-художественные мастерские] : Казанский авангард 20-х. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, г. Казань, Галерея «Арт-Диваж», г. Москва, 28 апреля — 6 июня 2005 / авт.-сост. И. И. Галеев, О. Л. Улемнова. М. : Галерея «Арт-Диваж» : Скорпион, 2005. 168 с.
- Белов 1918 — Белов Е. По художественным выставкам // Казанское слово. 1918. 12 мая. С. 2.
- Благов 2005 — Благов Ю. А. КЭМСТ и театральная жизнь Казани 1920-х гг. (опыт исследования). Казань : Татполиграф, 2005. 234 с.

- Бобринская 2003 — *Бобринская Е.* Русский авангард: истоки и метаморфозы. М. : Пятая страна, 2003. 302 с.
- Валеев, Улемнова 2018 — Константин Чеботарев. Александра Платунова. Живопись. Графика : из музейных и частных собраний : каталог / авт.-сост. Н. М. Валеев, О. Л. Улемнова. Казань : Заман, 2018. 448 с.
- Выставка 1924 — ИЗО-выставка : [каталог]. Казань : Тип. им. Тукаева, 1924. 4 с.
- Выставка 1925 — ЛЕФ. 2-ИЗО выставка лабораторно-производственных работ. Казань : Тип. «Печать», 1925. 8 с.
- Герасимова 2021 — *Герасимова Н. В.* Художественные коллекции в музеях Татарстана: история и принципы формирования (1920–1920-е гг.). Казань : Институт языка, литературы и искусства АН РТ, 2021. 244 с.
- Денике 1920 — *Денике Б.* Художественная выставка 1920 года в Казани // Казанский музейный вестник. 1920. № 5-6. С. 50–59.
- Драверт 1913 — *Драверт П.* Нео-футуристы // Камско-Волжская речь. 1913. 28 апр. С. 3.
- Дульский 1935 — *Дульский П. М.* Актуальная графика. Казань : Издание Татполиграфшколы ФЗУ, 1935. 47 с.
- Каталог 1990 — Каталог выставки произведений художников Татарии 20–30-х годов: К 70-летию образования ТАССР / авт.-сост. Е. П. Ключевская, В. А. Цой, Р. Г. Шагеева, Д. Т. Садыкова. Казань, 1990. 96 с.
- Корнилов 1929 — *Корнилов П. Е.* Казанский плакат. Выставка в Центральном музее Т.С.С.Р. (1–15 мая 1929 г.). Казань, 1929. 14 с.
- Коробкова 1992 — *Коробкова А. Н.* Автобиография и некоторые воспоминания о художественных школах 20-х годов Казани и Москвы // Советское искусство 20–30-х годов : докл. науч.-практ. конф., 18–20 сент. 1990 г. / отв. ред. А. А. Сластунин. Казань : Изд-во Казанского университета, 1992. С. 190–203.
- Красная панорама 1929 — Красная панорама / отв. ред. П. И. Чагин. Ленинград, 1929. № 5.
- Кричевский 2017 — *Кричевский В. Г.* 1933–37: проблески «формализма» в оформлении советской книги. М. : Кучково поле, 2017. 120 с.
- Крусанов 2010 — *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор : в 3 т. Т. 1. Кн. 2 : Боевое десятилетие. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 1104 с.
- Лазаревский 1930 — *Лазаревский И.* Оформление книги // Наши достижения. 1930. № 5. С. 19.
- Нигматуллина 2002 — *Нигматуллина Ю. Г.* «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань : ФЭН, 2002. 175 с.
- Первая выставка 1920 — Первая государственная выставка искусства и науки в Казани. Казань : Первая гос. типография, 1920. 92 с.
- Подсолнечник 1918 — 1-я выставка картин Союза Подсолнечник : каталог. Казань : Типография «Рабочее дело», 1918. 8 с.
- Родченко 1982 — *Родченко А. М.* Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма / сост. В. А. Родченко. М. : Советский художник, 1982. 223 с.
- Тулузакова 2007 — *Тулузакова Г. П.* Николай Иванович Фешин. СПб. : Золотой век : Художник России, 2007. 480 с.
- Тулузакова 2018 — *Тулузакова Г. П.* Живопись Баки Урманче // Баки Урманче. Живопись. Графика. Скульптура. Литературное наследие: к 120-летию со дня рождения художника / авт.-сост.: Д. Д. Хисамова и др. Казань : Заман, 2018. С. 455–457.
- Улемнова 2013 — *Улемнова О. Л.* «Бескорыстный пропагандист чистого искусства» Александр Мантель // «Мир искусства». Живопись. Рисунок. Гравюра. Скульптура. Издания: К 115-летию объединения : каталог выставки / авт.-сост.: И. Ф. Лобашёва, С. Е. Новикова, О. Г. Вербина, Э. И. Амерханова. Казань : Заман, 2013. С. 30–49.
- Улемнова 2014 — *Улемнова О. Л.* Графический коллектив «Всадник», 1920–1924. Рисунок. Гравюра. Гравированные доски. Издания : из собраний Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, Государственного Русского музея, Галеев-галерея (Москва),

- частных собраний (Москва, Казань) : каталог выставки «Сметая веками насевшую пыль...», 20 декабря 2013 — 1 марта 2014, Национальная художественная галерея «Хазинэ». Казань, 2014. 264 с.
- Улемнова 2017 — Улемнова О. Л. Татарский левый фронт искусств: новые материалы // Сэнэигы нэфисэ. Искусствоведение Татарстана : альманах. Казань, 2017. С. 69–81.
- Улемнова 2018 — Улемнова О. Л. Казанская графика 1920–1930-х годов. Казань : Институт языка, литературы и искусства АН РТ, 2018. 336 с.
- Червоная 2001 — Червоная С. М. Александра Платунова: казанский авангард // Амазонки авангарда : сборник / отв. ред. Г. Ф. Коваленко. М. : Наука, 2001. С. 281–299.
- Червоная 2003 — Червоная С. М. ТАТ ЛЕФ и творческие лаборатории экспрессионизма в Казанской художественной школе 1920-х годов // Русский авангард 1910–1920-х годов и проблема экспрессионизма / отв. ред. Г. Ф. Коваленко. М. : Наука, 2003. С. 531–566.
- Шагеева 1992 — Шагеева Р. Г. СУЛФ как литературно-художественная организация Татарии 1920-х годов // Советское искусство 20–30-х годов : докл. науч.-практ. конф., 18–20 сент. 1990 г. / отв. ред. А. А. Слостунин. Казань : Изд-во Казанского университета, 1992. С. 122–134.
- Шикалов, Плещинский 1920 — Шикалов Н., Плещинский И. Геройству будней // Всадник : графический альманах. Казань, 1920. № 1. С. 3.
- ЭРА 2014 — Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура : в 3 т. Т. 3. Кн. 1 : История. Теория. А–М / авт.-сост. В. И. Ракитин, А. Д. Сарабьянов. М. : Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2014. 384 с.

References

- Andreeva, L. V. et al. (1967), *Agitatsionno-massovoe iskusstvo pervykh let Oktyabr'skoi revolyutsii, katalog vystavki* [Agitation-mass art of the first years of the October Revolution, exhibition catalog], Sovetskii khudozhnik, Moscow, 60 p. (in Russian).
- Belov, E. (1918), “For art exhibitions”, *Kazanskoe slovo*, 12 May, p. 2 (in Russian).
- Blagov, Yu. A. (2005), *KEMST i teatral'naya zhizn' Kazani 1920-kh (Opyt issledovaniya)* [KEMST and theatrical life of Kazan in the 1920s (research experience)], Tatpoligraf, Kazan, 234 p. (in Russian).
- Bobrinskaya, E. (2003), *Russkii avangard: istoki i metamorfozy* [Russian avant-garde: origins and metamorphoses], Pyataya strana, Moscow, 302 p. (in Russian).
- Chagin, P. I. (ed.) (1929), *Krasnaya panorama*, Leningrad, vol. 5 (in Russian).
- Chervonnaya, S. M. (2001), “Alexandra Platunova: Kazan avant-garde”, in Kovalenko, G. F. (ed.), *Amazonki avangarda, sbornik* [Amazons of the Vanguard, a Collection of Articles], Nauka, Moscow, pp. 281–299 (in Russian).
- Chervonnaya, S. M. (2003), “TAT LEF and the creative laboratories of expressionism at the Kazan Art School of the 1920s”, in Kovalenko, G. F. (ed.), *Russkii avangard 1910–1920-kh godov i problemy ekspressionizma* [Russian avant-garde of the 1910s–1920s and the problem of expressionism], Nauka, Moscow, pp. 531–566 (in Russian).
- Denike, B. (1920), “Art exhibition of 1920 in Kazan”, *Kazanskii muzeinyi vestnik*, no. 5–6, pp. 50–59 (in Russian).
- Dravert, P. (1913), “Neo-futurists”, *Kamsko-Volzhskaya rech'*, 28 April, p. 3 (in Russian).
- Dul'skii, P. M. (1935), *Aktual'naya grafika* [Actual graphics], Tatpoligrafshkola FZU, Kazan, 47 p. (in Russian).
- Galeev, I. I. and Ulemnova, O. L. (2005), *ARKhUMAS (Kazanskie arkhitekturno-khudozhestvennye masterskie): kazanskii avangard 20-kh godov. Gosudarstvennyi muzei izobrazitel'nykh iskusstv Respubliki Tatarstan, Kazan', Galereya «Art-Divazh», Moskva, 28 aprelya — 6 iyunya 2005* [ARHUMAS (Kazan architectural and art workshops): Kazan avant-garde of the 20s. State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan, Kazan, Art-Divage Gallery, Moscow, April 28 — June 6, 2005], Art-Divage Gallery, Skorpion, Moscow, 168 p. (in Russian).

- Gerasimova, N. V. (2021), *Khudozhestvennye kolleksii v muzeyakh Tatarstana: istoriya i printsipy formirovaniya (1920–1920-e)* [Art collections in the museums of Tatarstan: history and principles of formation (1920–1920s)], Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, 244 p. (in Russian).
- IZO-vystavka, katalog* [ART-exhibition, catalog] (1924), Tipografiya imeni Tukaeva, Kazan, 4 p. (in Russian).
- Klyuchevskaya, E. P., Tsoi, V. A., Shageeva, R. G. and Sadykova, D. T. (1990), *Katalog vystavki proizvedenii khudozhnikov Tatarii 20-30-kh godov. K 70-letiyu obrazovaniya TASSR* [Catalog of the exhibition of works by Tatar artists of the 20–30s. To the 70th anniversary of the formation of the TASSR], Kazan, 96 p. (in Russian).
- Kornilov, P. E. (1929), *Kazanskii plakat. Vystavka v Tsentral'nom muzee T.S.S.R. (1–15 maya 1929)* [Kazan poster. Exhibition at the Central Museum of T.S.S.R. (May 1–15, 1929)], Kazan, 14 p. (in Russian).
- Korobkova, A. N. (1992), “Autobiography and some memoirs about the art schools of the 20s of Kazan and Moscow”, in Slastunin, A. A. (ed.), *Sovetskoe iskusstvo 20–30-kh godov, doklady nauchno-prakticheskoi konferentsii, 18–20 sentyabrya 1990* [Soviet art of the 20–30s, reports of the scientific-practical conference, September 18–20, 1990], Kazan University, Kazan, pp. 190–203 (in Russian).
- Krichevskii, V. G. (2017), *1933–37: probeski «formalizma» v oformlenii sovetskoi knigi* [1933–37: Glimpses of “formalism” in the design of a Soviet book], Kuchkovo pole, Moscow, 120 p. (in Russian).
- Krusanov, A. V. (2010), *Russkii avangard. 1907–1932. Istoricheskii obzor, v 3 tomakh. Tom 1, kniga 2, Boevoe desyatiletie* [Russian avant-garde. 1907–1932. Historical review, in 3 vols, Vol. 1, book 2, Fighting decade], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 1104 p. (in Russian).
- Lazarevskii, I. (1930), “Book design”, *Nashi dostizheniya*, no. 5, p. 19 (in Russian).
- LEF. 2-IZO vystavka laboratorno-proizvodstvennykh rabot* [LEF. 2-Fine exhibition of laboratory and production works] (1925), Tipografiya «Pechat'», Kazan, 8 p. (in Russian).
- Nigmatullina, Yu. G. (2002), «Zapozdalyi modernizm» v tatarskoi literature i izobrazitel'nom iskusstve [“Belated modernism” in Tatar literature and fine arts], FEN, Kazan, 175 p. (in Russian).
- Pervaya gosudarstvennaya vystavka iskusstva i nauki v Kazani* [The first state exhibition of art and science in Kazan] (1920), Pervaya gosudarstvennaya tipografiya, Kazan, 92 p. (in Russian).
- Pervaya vystavka kartin Soyuza Podsolnechnik, katalog* [1st exhibition of paintings by the Union Sunflower, catalog] (1918), Tipografiya «Rabochee delo», Kazan, 8 p. (in Russian).
- Petrova, A. (2022), *Avangard: na telege v XXI vek, katalog vystavki* [Avant-garde: on a cart in the 21st century, exhibition catalog], Museum of Russian Impressionism, Moscow, 256 p. (in Russian).
- Rakitin, V. I. and Sarab'yanov, A. D. (2014), *Entsiklopediya russkogo avangarda. Izobrazitel'noe iskusstvo. Arkhitektura, v 3 tomakh. Tom 3, kniga 1, Istoriya. Teoriya. A–M* [Encyclopedia of the Russian avant-garde. Art. Architecture, in 3 vols, Vol. 3, book 1, History. Theory. A–M], Global Expert and Service Team, Moscow, 384 p. (in Russian).
- Rodchenko, A. M. (1982), *Stat'i. Vospominaniya. Avtobiograficheskie zapiski. Pis'ma* [Articles. Memories. Autobiographical notes. Letters], Sovetskii khudozhnik, Moscow, 223 p. (in Russian).
- Shageeva, R. G. (1992), “SULF as a Literary and Artistic Organization of Tatarstan in the 1920s”, in Slastunin, A. A. (ed.), *Sovetskoe iskusstvo 20–30-kh godov, doklady nauchno-prakticheskoi konferentsii, 18–20 sentyabrya 1990* [Soviet art of the 20–30s, reports of the scientific-practical conference, September 18–20, 1990], Kazan University, Kazan, pp. 122–134 (in Russian).
- Shikalov, N. and Pleshchinskii, I. (1920), “Heroism of everyday life”, *Vsadnik*, Kazan, no. 1, p. 3 (in Russian).
- Tuluzakova, G. P. (2007), *Nikolai Ivanovich Feshin* [Nikolay Ivanovich Feshin], Zolotoi vek, Khudozhnik Rossii, Saint Petersburg, 480 p. (in Russian).
- Tuluzakova, G. P. (2018), “Painting of Baki Urmanche”, in Khisamova, D. D. et al. (eds), *Baki Urmanche. Zhivopis'. Grafika. Skul'ptura. Literaturnoe nasledie. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika*

- [Baki Urmance. Painting. Graphic arts. Sculpture. Literary heritage: To the 120th anniversary of the artist], Zaman, Kazan, pp. 455–457 (in Russian).
- Ulemnova, O. L. (2013), “‘Disinterested propagandist of pure art’ Alexander Mantel”, in Lobasheva, I. F., Novikova, S. E., Verbina, O. G. and Amerkhanova, E. I. «*Mir iskusstva*». *Zhivopis’*. *Risunok. Gravyura. Skul’ptura. Izdaniya. K 115-letiyu ob’edineniya, katalog vystavki* [“World of Art”. Painting. Picture. Engraving. Sculpture. Editions: To the 115th anniversary of the association, exhibition catalog], Zaman, Kazan, pp. 30–49 (in Russian).
- Ulemnova, O. L. (2014), *Graficheskii kollektiv «Vsadnik», 1920–1924. Risunok. Gravyura. Gravirovannyye doski. Izdaniya. Katalog vystavki «Smetaya vekami nasevshuyu pyl’...», 20 dekabrya 2013 — 1 marta 2014* [Graphic group “Horseman”, 1920-1924. Picture. Engraving. Engraved boards. Editions, catalog of the exhibition “Sweeping away the dust that has accumulated for centuries...”, December 20, 2013 — March 1, 2014], Kazan, 264 p. (in Russian).
- Ulemnova, O. L. (2017), “Tatar Left Front of the Arts: New Materials”, *Iskusstvovedenie Tatarstana*, Kazan, pp. 69–81 (in Russian).
- Ulemnova, O. L. (2018), *Kazanskaya grafika 1920–1930-kh godov* [Kazan graphics of the 1920s–1930s], Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, 336 p. (in Russian).
- Valeev, N. M. and Ulemnova, O. L. (2018), *Konstantin Chebotarev, Aleksandra Platonova. Zhivopis’. Grafika. Iz muzeynykh i chastnykh sobraniy, katalog* [Konstantin Chebotarev. Alexandra Platonov. Painting. Graphics: from museum and private collections, catalog], Zaman, Kazan, 448 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 11.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 1.08.2022

Информация об авторе

Улемнова Ольга Львовна
кандидат искусствоведения, ведущий
научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства
АН Татарстана
420111, Россия, Казань, ул. К. Маркса, 12
E-mail: oulemnova@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-1379-2986

Information about author

Ulemnova, Olga Lvovna
Cand. Sci. (History of Arts), Leading
Researcher
Institute of Language, Literature and Art
of the Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan
12 K. Marx St., Kazan, 420111 Russia
E-mail: oulemnova@mail.ru
Author’s ORCID: 0000-0003-1379-2986

Искусство в контексте новейших тенденций культуры

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.022

УДК 7.01

ПОСТАНТРОПОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

М. Г. Чистякова

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

Аннотация: В статье рассматривается реакция современного визуального искусства на происходящий в наши дни парадигмальный сдвиг в социокультурном понимании человека. Новое дискурсивное поле исследователи определяют как постгуманистическое. Неоднозначность понятия «постгуманизм» становится причиной обращения к термину «постантропоцентризм», более релевантно описывающего как направление мысли последних десятилетий, так и основной вектор развития современного искусства. Выдвигается концепция постантропоцентричного поворота, реализующегося в искусстве. Основная цель статьи заключается в обосновании и описании этого поворота. На конкретных примерах рассматриваются различные контексты искусства, включающие в себя визуализации «мира-для-нас», «мира-в-себе», «мира-без-нас»; обращение к межвидовому сообществу; констатацию симметричности человеческих и нечеловеческих акторов в произведении. Исследование опирается на работы представителей критического постгуманизма и спекулятивного реализма. Делается вывод о том, что современное визуальное искусство, концептуализирующее и радикализирующее основные идеи постантропоцентризма, создает множество альтернативных представлений о ситуации, в которой оказался современный человек; отмечается трансгрессивный потенциал этого искусства.

Ключевые слова: антропоцен, антропоцентризм, постантропоцентризм, критический постгуманизм, постантропоцентричный поворот в искусстве, contemporary art.

Для цитирования: Чистякова М. Г. Постантропоцентричный поворот в современном искусстве // *Koinon*. 2022. Т. 3. № 2. С. 173–190. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.022

THE POST-ANTHROPOCENTRIC TURN IN CONTEMPORARY ART

M. G. Chistyakova

Tumen State University
Tumen, Russia

Abstract: The article examines the reaction of modern visual art to the paradigm shift in the socio-cultural understanding of man taking place today. Researchers define the new discursive field as posthumanistic. The ambiguity of the concept of posthumanism becomes the reason for referring to the term post-anthropocentrism, which more appropriately describes both the direction of thought of the last decades and the main vector of the development of present-day art. The author puts forward the concept of a post-anthropocentric turn realized in art. The main purpose of the article is to substantiate and describe this turn. Using concrete examples, various art contexts are considered, including: visualizations of the “world-for-us”, “world-in-itself”, “world-without-us”; an appeal to the interspecific community; a statement of the symmetry of human and non-human actors in the work. The research is based on the works of representatives of critical posthumanism and speculative realism. The author concludes that contemporary visual art, conceptualizing and radicalizing the main ideas of post-anthropocentrism, creates many alternative ideas about the situation in which a modern person finds himself. She also notes the transgressive potential of this art.

Keywords: anthropocene, anthropocentrism, post-anthropocentrism, critical posthumanism, post-anthropocentric turn in art, contemporary art

For citation: Chistyakova, M. G. (2022), “The Post Anthropocentric Turn in Contemporary Art”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 173–190 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.022

Введение

Одной из специфических особенностей современности является парадигмальный сдвиг в понимании человека. Сам факт присоединения префикса

«пост» к таким понятиям, как «человек», «гуманизм», «антропоцентризм», сигнализирует о формировании нового дискурсивного поля, наиболее общим образом определяемого как постгуманистическое [Ferrando 2013; Susen 2021; Wolfe 2010]. Оно включает в себя широкий спектр теоретических концепций и подходов, научных и художественных практик, объединенных общей идеей критической переоценки того, что значит быть человеком сегодня в ситуации, когда реальность представляет собой гибрид природного и цифрового, а многовековые основания культуры — гуманизм и антропоцентризм — девальвируются и утрачивают силу индульгенции, дающей человеку неограниченные полномочия.

Пересборка представлений о привилегированном положении человека в какой-то степени является вынужденной. Одним из наиболее очевидных ее триггеров является осознание глобального экологического кризиса, инспирированного деятельностью человека и угрожающего сохранению окружающей среды в том виде, в каком это необходимо для существования нашего биологического вида. Климатические изменения, загрязнение морей и океанов, массовое вымирание животных — все эти факторы человечество более не может и не должно игнорировать, хотя бы из соображений самосохранения, ведь негативные последствия нашей деятельности сегодня характеризуются поистине планетарным размахом. Неслучайно в научных дискуссиях последних десятилетий столь важное место принадлежит обсуждению не только экологических кризисов, но и темы антропоцена, явления, гораздо более масштабного и труднопредставимого.

Термин «антропоцен» (означающий новую геологическую эру, обусловленную антропогенным воздействием на планету) выявляет новое измерение воздействия человечества на окружающую среду — планетарное. Дипеш Чакрабарти констатирует, что сегодня в массе своей люди представляют собой силу не только историческую и биологическую, но и геологическую [Чакрабарти 2020, с. 51]: результаты нашей деятельности оказывают влияние на экосистему планеты, вызывая в ней необратимые изменения. И хотя мы не в состоянии уничтожить планету как космическое тело, нам вполне по силам сделать ее непригодной для жизни. Неслучайно пессимистический взгляд на проблему антропоцена рассматривает его как точку невозврата.

Парадокс заключается в том, что, несмотря на беспрецедентную тотальность антропоцена, обнаружить следы его присутствия в нашей повседневности непросто. Каким бы странным это ни казалось, но даже глобальное потепление, составляющее уже привычный медийный фон нашего каждодневного существования, являет собой нечто, с трудом поддающееся представлению. Как и в случае с антропоценом, о климатических изменениях мы знаем, но непосредственным образом их не наблюдаем: они не происходят одномоментно, их причины и следствия разнесены во времени и пространстве. Тимоти Мортон

для определения подобных явлений предлагает термин «гиперобъект». Гиперобъекты настолько нечеловекообразны, что непосредственное их восприятие невозможно: именно по этой причине мы не можем наблюдать антропоцен. В то же время гиперобъекты имеют к нам прямое отношение: они не функция нашего познания, не «ментальные (или же идеальные) конструкции, но реальные сущности» [Мортон 2019, с. 27], внутри которых мы находимся. Мы включены в антропоцен, и он уже настолько встроен в наши чувства, считает Николас Мирзоев, что он определяет наше восприятие, следовательно, он эстетичен [Мирзоев 2019, с. 223].

Но при всей масштабности проблемы, антропоцен — это лишь верхушка айсберга. По мнению Франческо Феррандо, антропоцен и фактический экологический коллапс в действительности являются не столько причинами изменений в переоценке роли человека в мироздании, сколько симптомами этих изменений. Причины же пролегают глубже, их основанием является антропоцентрическое мировоззрение, доминирующее в культуре на протяжении нескольких столетий. У антропоцентризма и антропоцена даже этимология общая: оба термина включают в себя древнегреческое слово «*antropos*», обозначающее человека [Феррандо 2022, с. 186]. В конечном итоге именно гуманизм и антропоцентризм становятся причиной «теоретико-прагматического постантропоцентрического сдвига в современном социокультурном восприятии человека» [Ferrando 2016], который происходит в наши дни.

К вопросу о дефинициях

Постгуманизм представляет собой достаточно пестрый набор концепций, объединенных общей задачей: описанием мира и человека в ситуации, в которой существующие гуманистические представления оказываются под вопросом. Сколько-нибудь устойчивой дефиниции постгуманизма не существует. Так, в одной из своих статей Франческа Феррандо приводит ряд понятий, тем или иным образом связанных с постгуманизмом: философский критический постгуманизм, трансгуманизм, антигуманизм, метагуманизм и т. д. [Ferrando 2013].

Среди исследователей не сложилось единого мнения и по поводу соотношения пост- и трансгуманизма, эта тема по-прежнему остается открытой. Так, одни авторы, например Ник Бостром, описывают постчеловека в контексте трансгуманизма как существо, чьи возможности, благодаря использованию новых технологий, могут возрасти многократно. С этой точки зрения человек не венец творения, а всего лишь промежуточное звено в цепи эволюции. В идеале в пределе человек перейдет в посторганический формат существования, сольется с искусственным интеллектом, обретет бессмертие

и т. д. Постгуманизм здесь представляет собой своего рода сверхгуманизм, гипергуманизм, т. е., по сути, эта концепция продолжает идеи гуманизма, пусть и иными средствами. Ряд авторов, представляющих критический постгуманизм, например Р. Брайдотти, Д. Харауэй, А. Цзин, обращают внимание на трансверсальную природу человека и на разнообразных нечеловеческих агентов, с которыми мы находимся в симбиотических отношениях [Брайдотти 2021; Харауэй 2020]. Внимание третьих сосредоточено на проблемах этических оснований сосуществования человеческих и нечеловеческих агентов [Wolfe 2010] и т. д. Широкий спектр представлений о постгуманизме, нередко противоположных по смыслу, является причиной крайней расплывчатости и приблизительности той концептуальной рамки, которая задана этим понятием. Этой проблемы не существовало бы, если бы под постгуманизмом мы подразумевали только философский критический постгуманизм, но, так как дело обстоит иначе, необходимо найти термин, более точно описывающий суть трансформаций, происходящих в понимании человека.

Термин постантропоцентризм представляется более релевантным описанию ситуации «конца человеческой исключительности» (в терминологии Ж.-М. Шеффера). Постантропоцентризм приходит на смену антропоцентризму, концепции человеческого превосходства, согласно которой человек есть центр и высшая цель мироздания. Позиции антропоцентризма, чрезвычайно усилившиеся в эпоху Просвещения, подвергаются давлению на протяжении всего прошлого столетия: в ситуации «смерти Бога» многие аргументы, прежде убедительно оправдывающие привилегированное положение человека, утрачивают как авторитет, так и объяснительную силу. В самом общем значении термин «постантропоцентризм» констатирует новую для человека ситуацию, характеризующуюся утратой его центрального положения в мироздании.

Несмотря на то что и постгуманизм, и постантропоцентризм объединяет общая тема — постчеловеческое состояние, Роза Брайдотти рассматривает их как две разные проблемы. Постгуманизм, по ее мнению, мобилизовал гуманитарные дисциплины: философию, историю, культурологию и т. д. Специфической особенностью постантропоцентризма является высокая степень трансдисциплинарности. В фокусе его внимания оказываются не только проблемы «исследований науки и техники (STS), исследований новых медиа и цифровой культуры, экологии и наук о Земле, биогенетики, нейронаук и робототехники, эволюционной теории, критических исследований права, приматологии, движения за права животных и научной фантастики» [Брайдотти 2021, с. 113], но и интерпретации современной субъективности, и актуальные способы формирования субъекта. Она связывает постантропоцентрический поворот со взаимно усиливающимся влиянием глобализации и технического развития и рассматривает его как «фактор изменения параметров, используемых для

определения самого понятия *anthropos*» [Брайдотти 2021, с. 112]. К проблемам постантропоцентризма Р. Брайдотти относит, прежде всего, интерпретации современной субъективности и ее специфику.

Сегодня мы пересматриваем свои отношения с нечеловеческими агентами: животными, машинами, вещами и т. д. До недавнего времени в триаде «природа — человек — технологии» все составляющие, во-первых, рассматривались как онтологически отдельные области; во-вторых, человек занимал в этой триаде лидирующие позиции. Но сегодня границы между биологическим, технологическим и человеческим стираются. Развитие технологий, ведущее к возникновению сильного искусственного интеллекта, вынуждает человека к переосмыслению своего положения в системе «человек — машина», причем не в свою пользу. К выводам того же рода в отношении системы «человек — животное» приводят и открытия биологов, выяснивших, что мы не самодостаточны даже в отношении собственного тела: нашу жизнь поддерживают миллионы микроорганизмов, без которых мы не сможем существовать. Человек — это трансверсальная сущность, живущая в симбиозе с разнообразными нечеловеками и формирующаяся миром нечеловеческого. Постантропоцентризм предполагает отказ от акцента на гуманизме и переформулирование субъективности как множественного числа с вовлечением нечеловеческого контекста. Онтологически человеческое оказывается переплетенным с нечеловеческим.

С постгуманизмом связаны трансформации, происходящие в сфере онтологии, эпистемологии, социальной философии, эстетики и т. д. Но очевидна и неоднозначность этого понятия, включающего в себя в качестве составляющих в том числе и теории, продолжающие и развивающие идеи человеческой исключительности (вышеупомянутый трансгуманизм). В качестве общего знаменателя новых, плоских онтологий и связанных с ними новых антропологий (специфической особенностью которых является признание симметричности человеческого и нечеловеческого), новой эстетики (исследующей отношения между объектами в духе объектно-ориентированной онтологии, обнаруживающей, по словам Яна Богоста, «нечеловеческую перспективу» [Bogost 2012]), более корректным представляется использование термина «постантропоцентризм». Постантропоцентризм представляет собой своего рода квинтэссенцию философского постгуманизма, который Ф. Феррандо определяет как «постгуманизм, постантропоцентризм и постдуализм» [Феррандо 2022, с. 185], «одну из главных целей философского постгуманизма» [Там же, с. 188]. Неслучайно Феррандо призывает философию к незамедлительному не постгуманистическому, а именно постантропоцентрическому повороту [Ferrando 2016]. Но этот поворот уже происходит в искусстве.

Постантропоцентризм как вектор нового поворота в искусстве

Смена мировоззренческих парадигм, как правило, сопровождается актуализацией роли искусства в культуре. Но она становится беспрецедентной в наши дни, когда масштаб проблем принимает поистине планетарный размах. Если философия отвечает за теоретико-прагматический сдвиг в современном восприятии человека, то искусство визуализирует этот сдвиг, делает его зримым, открывая нам тем самым возможность доступа как к антропоцену, так и к постчеловеческому состоянию, сложность которых превышает наши способы восприятия и понимания. Преимущество искусства в этом отношении заключаются в том, что оно, по словам Хизер Дэвис и Этьена Турпина (исследующих влияние антропоцена на современное искусство), «предлагает ряд дискурсивных, визуальных и чувственных стратегий, не ограниченных режимами научной объективности, политического морализма или психологической депрессии» [Davis, Turpin 2015, p. 4]. Иначе говоря, арсенал его средств и возможностей значительно превышает возможности любого иного языка описания.

Искусство обращается к различным аспектам проблем, связанным с темой антропоцена с того времени, как его следы стали обнаруживаться тем или иным образом. Так, импрессионисты, запечатлевающие в своих работах сочетания света и дыма (а в действительности света и смога), на самом деле эстетизировали не что иное, как антропоцен, делая это столь успешно, что зритель оказывался в состоянии своего рода «анестезии чувств». То, что происходит со средой обитания в работах импрессионистов, парадоксальным образом кажется скорее эстетически привлекательным, чем вызывающим негодование. Н. Мирзоев раскрывает эту мысль на примере работы К. Моне («Впечатление. Восход солнца», 1873): восход не был бы столь ярк, если бы не смешение света и угольного дыма, извергаемого трубами пароходов [Мирзоев 2019, с. 247]. Работы У. Тёрнера с этой точки зрения также являются примером эстетизации тех аспектов деятельности человека, которые на самом деле связаны с загрязнением окружающей среды («Дождь, пар и скорость», 1844).

Н. Мирзоев предлагает в качестве альтернативы визуальности антропоцена контрвизуальность, своего рода деконструированную визуальность, оптика которой позволит выявить не только планетарную дестабилизацию условий, поддерживающих жизнь, но и необходимость деколонизации биосферы для создания нового устойчивого образа жизни, одной из составляющих которого является равенство человеческих и нечеловеческих акторов [Мирзоев 2019, с. 230]. Контрвизуальность, по его словам, может пониматься как способность вообразить иной порядок вещей, ведь она направлена «на схватывание того, что существует, но не должно быть, и на то, что должно быть, но пока

еще только становится» [Мирзоев 2019, с. 486]. Задача, решение которой под силу, пожалуй, только искусству. Неслучайно исследователи пишут о том, что искусство как средство эстетизации занимает центральное место в мышлении и чувствах в антропоцене, так как «антропоцен — это прежде всего чувственный феномен: опыт жизни во все более убывающем и токсичном мире» [Davis, Turpin 2015, p. 4].

Децентрирование человека в ситуации постантропоцентризма влечет за собой изменение местоположения нечеловеческого. По мере того как человек утрачивает свою центральную позицию субъекта в мире объектов, нечеловеческое смещается с периферии в направлении центра, обретает субъектность. Наиболее радикальные проявления современного искусства, которые представляет, например, Art & Science, демонстрируют равенство нечеловеческого и человеческого. Это искусство, нередко определяемое исследователями как «техноавангард», работает с разнообразными нечеловеческими агентами, имеющими как органическую (био-арт), так и неорганическую природу (искусство глубоких медиа, цифровое искусство). Оно не только исследует роль нечеловеческих агентов в создании произведения, но в некоторых случаях даже делегирует им авторство.

Отказываясь от любых иерархий, искусство исходит из идеи симметричности человеческого и нечеловеческого. То обстоятельство, что любой из авангардов рано или поздно апроприируется мейнстримом (который, в свою очередь, получает от него набор новых тем и медиа, задающих новые векторы развития искусства), позволяет нам говорить о происходящем как о новом повороте в искусстве.

Что означает «поворот» применительно к искусству? Как и в случае подобных ситуаций в гуманитарных дисциплинах, поворот в искусстве означает смену оптики и предмета интереса. Повороты в гуманитарных дисциплинах, по словам Д. Бахманн-Медик, меняют направление мысли и задают новые ракурсы исследовательской деятельности [Бахманн-Медик 2017, с. 8]. Повороты в искусстве — посредством смещения точки зрения как авторов, так и рецепиентов — обнаруживают не освоенные прежде идеи, темы, медиа; формируют новые установки восприятия и осмысления; инспирируют возникновение новых эстетических теорий (например, реляционная эстетика Н. Буррио и социальный поворот в искусстве). Но, даже став мейнстримным, искусство поворота не претендует на тотальность и универсальность. Поворот не тоталитарен. Так, реалистическое искусство существует и в наши дни, но, справедливости ради, нужно отметить, что в контексте современных арт-практик оно воспринимается скорее как маргинальное.

Сегодня исследователи все чаще объединяют понятия «искусство» и «постгуманизм» [Art, Theory and Practice 2016; Kordic, Godward, Martinique 2016], тогда как об искусстве в контексте постантропоцентризма размышляют

значительно реже [Czakon, Michna 2021]. Но представляется, что использование термина «постантропоцентричный» в отношении трансформаций, происходящих с искусством в наши дни, позволит более концептуально описать эти процессы. Причина — как уже упоминалось выше — в расплывчатости и неопределенности дефиниций постгуманизма.

Суть постантропоцентричного поворота в искусстве заключается в смене перспективы, как если бы гипотетический маятник качнулся от антропоцентризма к постантропоцентризму. Антропоцентризм был имманентен искусству на протяжении всего времени его существования, искусство существовало «для» и «во имя» человека. Оно представляло собой практику, непосредственным образом связанную с человеком: с его присутствием в роли автора/реципиента; с его чувственностью и эмоциональной сферой, к которым оно апеллировало. Искусство адресовалось взгляду субъекта; оно было пронизано человеческими смыслами, символами, ценностями и т. д. Специфической особенностью постантропоцентричного искусства является то, что его акторы представляют собой разнообразные нечеловеческие агенты, как биологические, так и технологические (от компьютерных программ до живых и/или полуживых медиа). Сегодня произведение искусства демонстрирует все большую автономию по отношению к человеку, вплоть до полного выхода из-под контроля автора. Возникает, например, такая новая форма искусства как саморазвивающийся объект — это инсталляция, трансформацию которой обеспечивают внедренные в арт-объект нейросети, обучающиеся в процессе работы.

Художники, работающие на границах между искусством, наукой и философией, расширяют наше понимание и восприятие мира [Kordic, Godward, Martiniqne 2016]. Помимо этого, постантропоцентричное искусство проблематизирует и трансформирует эстетический опыт, восприятие, чувственность, и саму возможность иметь опыт искусства. Новые интенции в развитии современного искусства сигнализируют о происходящем повороте.

Искусство — канал связи с постантропоцентричными мирами

В контексте постантропоцентричного поворота искусство апроприрует множество тем, связанных с цифровой реальностью и биотехнологиями, антропоценом и рядом философских концепций, таких как спекулятивный реализм, темная экология, новый материализм и т. д. Нам сложно представить себе миры, которые могут прийти на смену пока еще существующему. Миры, где человеческое либо симметрично нечеловеческому, либо его просто не существует. В этом отношении искусство есть не что иное, как окно в эти миры, канал связи с ними. Оно втягивает в свою орбиту все модусы мира, описанные Юджином Такером [Такер 2017, с. 13].

В терминологии Такера мир, который мы интерпретируем и осмысляем, частью которого являемся, есть *мир-для-нас* (метафорически обозначаемый им как «Мир»). Мир не прозрачен для нас без остатка, он всегда превосходит наши представления о нем. Его ускользающую от нас составляющую Такер определяет как *мир-в-себе*: это «в чем-то недоступное, но уже данное состояние, которое мы затем превращаем в мир-для-нас» [Такер 2017, с. 14]. Метафора мира-в-себе — «Земля»: знание о ней сформировано науками, но, во-первых, оно не является полным; во-вторых, сам этот Мир сопротивляется нашим попыткам «втиснуть его в форму мира-в-себе»; он может быть непредсказуемым, примером чего являются и природные катастрофы, и изменения климата. Наконец, *мир-без-нас* (обозначаемый Такером как Планета) возникает вследствие вычитания человека из Мира. Осмысление мира-без-нас Такер полагает подлинным вызовом нашего времени. Мир субъективен, он мой; Земля объективна, но является моей лишь отчасти, хотя она и задает горизонт нашей мысли; Планета же, безличная и анонимная, выводит проблему на космологический уровень, ведь она уже не часть меня, подобно Земле. Она часть Иного, Чужого — Космоса.

Мир «человекоцентричен», и наше мышление ограничено рамками человеческой точки зрения. Но Такера интересует возможность помыслить мир-без-нас посредством смещения «рамки нашего понимания в сторону интерпретации *космологической*» [Такер 2017, с. 15]. Философия в этом отношении бессильна: она сталкивается с пределом мысли (заключенном в выражении «мир-без-нас»), с парадоксальностью мысли о неммыслимом. В силу своей специфики искусство (у Такера шире — культура) в отношении освоения мира-без-нас имеет значительно больше возможностей. Оно не зависит от строгой логики и научных парадигм, оно свободно и в этом отношении потенциально способно стать местом встречи всех миров.

В интерпретации постантропоцентричного искусства описанные Ю. Такером миры для сторонников антропоцентризма являются, по меньшей мере, странными. Так, *мир-для-нас* оборачивается миром, лишенным иерархий, населенным разнообразными «нечеловеческими Другими» — мутантами, гибридами, микроорганизмами, использующимися в качестве медиа, киборгами (в понимании Д. Харауэй, представляющими собой «кибернетический организм, гибрид машины и организма, существо социальной реальности и одновременно порождение фантазии» [Харауэй 2017, с. 5]). Важно, что это не киборг трансгуманизма, призванный продемонстрировать неисчерпаемый эволюционный потенциал человека, и это не сверхчеловек, использующий технологии для совершенствования своих возможностей. Если художника Стеларка и интересует возможная практическая польза от тех метаморфоз, которые по воле художника претерпевает его тело (будь то надетый на него неуклюжий экзоскелет, либо «третья рука», прикрепленная к правой руке

художника, управляемая движениями мышц его тела), то в последнюю очередь. Все проекты реализуются им исключительно «из любви к искусству», хотя специалисты в области трансплантологии и протезирования с большим интересом наблюдают за его творчеством. Так, над проектом «Ухо» Стеларк работает уже не одно десятилетие (с 1996 года): предполагается, что в его предплечье будет выращено из хряща ухо, которое, будучи подключенным к интернету, позволит всем желающим слышать звуки, которые слышит сам художник [Ear on Arm 2022].

Своеобразной метафорой этого нового *мира-для-нас* является Хтулуцен, описанный Д. Харауэй как своего рода геосоциальная платформа, являющаяся необходимым условием для достижения многовидовой экологической справедливости, для «процветания богатых многовидовых ассамбляжей, включающих в себя людей», при условии «интенсивной совместной работы и игры с другими обитателями» [Харауэй 2020, с. 135]. Харауэй призывает «заводить сородичей, а не детей», она выступает за симбиотическое сосуществование разнообразных видов.

Как шаг, сделанный художниками по направлению к Хтулуцену, можно интерпретировать произведения, позволяющие человеку почувствовать себя каким-либо нечеловеческим агентом. Хейден Фаулер в проекте «Снова вместе» (2017), представляющем собой и инсталляцию и перформанс одновременно, пытается восстановить утраченные связи между человеком и дикой природой посредством сосуществования в одной клетке с волком [Together Again 2017]. Это реплика известной акции Й. Бойса «Койот: я люблю Америку, и Америка любит меня» (1974), в ходе которой художник приручил и в конце концов обнял дикого койота, находящегося с ним в замкнутом пространстве комнаты в галерее в течение трех дней. Но работа Фаулера имеет ряд существенных отличий. Во-первых, волк не совсем дикий, он одомашненный, поэтому задачи «приручить» его перед художником не стояло. Его задачей было «почувствовать себя волком», увидеть мир глазами волка. Для этого Фаулер (и волк) использовали шлемы виртуальной реальности, воспроизводящие природную среду обитания волков, в которой виртуальный волк отражает движения волка реального. Искусство предоставляет человеку возможность представить себя *любим* нечеловеческим агентом, в том числе компьютером. Так, проект группы Recycle Group «Template of Life» (2017) дает зрителю возможность ощутить себя компьютером, отключаемым от сети [Template of Life 2017]. Эффект возникает благодаря смене визуальных и световых эффектов, которые реципиент наблюдает, передвигаясь на кушетке внутри узкого и длинного черно-белого тоннеля.

Трансгенное искусство, био-арт, экологическая скульптура создают образы нового мира, многие из которых — в лучших традициях искусства авангарда — могут шокировать уже, казалось бы, ко всему привыкшего зрителя. В этом

отношении показательны, например, скульптурные мутанты Патрисии Пиччини, физическая, гибридная «инаковость» которых в сочетании с беспомощностью и абсолютной неагрессивностью делает их одновременно и жуткими и трогательными («Выводок», 2010) [The Coming World 2019]. Проект художницы из Словении Майи Смрекар «K-9 topology: Arte Mis» (2017) [ARTE_mis 2017] также отсылает нас к Хтулуцену. Он представляет собой инсталляцию, центральной частью которой является микроскоп, заглянув в который зритель видит гибридную клетку, выведенную из слюны собаки и яйцеклетки художницы. В ее экстравагантных планах — создание гибрида человека и собаки, травоядного оборотня, который будет более гуманным по отношению к окружающей среде и ее обитателям, чем его хищные собратья — волки и люди.

Если человек и присутствует в этом новом мире-для-нас, то либо как существо, мимикрирующее под нечто иное, чем он есть на самом деле; либо как гибрид (биоморфный, в случае с ОРЛАН, сделавшей предметом искусства свое собственное тело, подвергающееся воздействию со стороны пластической хирургии [ORLAN 2021], или техноморфный, примером которого является Стеларк); либо как часть инсталляции, не имеющая приоритета над другими ее составляющими; либо как носитель множественной субъективности или трансвернальная сущность. Так, проект В. Педерсона «Я — это множество» (2020) представляет собой видеoaнимацию, персонажами которой являются изображения бактерий и грибов, выращенные из образцов тела художника [Pedersen 2020].

Мир-в-себе, с одной стороны, герметичен, с другой, по словам Ю. Такера, он «часто огрызается» природными катастрофами, являющимися лучшим напоминанием о нем; его призрак маячит и за дискуссиями о последствиях изменения климата [Такер 2017, с. 13]. Этот непрозрачный для человечества мир вызывает у нас ощущение исходящей от него потенциальной угрозы. Постантропоцентричное искусство визуализирует этот мир, обращаясь к темам антропоцена и экологии. Если первые представители эко-арта и лэнд-арта 1970-х (Р. Смитсон, Н. Холт, У. де Мария) создавали масштабные инсталляции в труднодоступных для посещения местах, что делало эти проекты естественной — и при этом загадочной — частью ландшафта, то со временем экологическое искусство утрачивает свою безмятежность, его основным настроением становится беспокойство в отношении мира, вынужденного непредсказуемым образом реагировать на безответственное поведение человека в отношении среды обитания. Инсталляция Олафура Элиассона «Часы изо льда» (2018), посвященная таянию арктических льдов, визуализирует климатические изменения гораздо красноречивее, нежели множество текстов о глобальном потеплении [Ice Watch 2018]. Климатические катастрофы несут в себе и другие угрозы: разрушая окружающую среду, они могут породить новые формы жизни. Так, Тина Сурель Ланге посвящает этому свой видеопроjekt «Твари» (2019):

«Арктические твари: Реппарфьорд» [Arctic Creatures 2019], «Пустынные твари: Солтон-Си» [Desert Creatures 2019] и «Ядерные твари: свалка на Западном озере» [Nuclear Creatures 2019].

Если *мир-в-себе* может сосуществовать с *миром-для-нас*, то *мир-без-нас* предполагает полное отсутствие человечества. И не важно, что явилось причиной его исчезновения. Этот мир не только не антропоцентричен, он по сути своей не человекен, не антропоморфен и, как следствие, труднопредставим. В отношении этого мира воображение художника не сковано ничем. Его можно представить забавным, как это делает группа «Куда бегут собаки» в работе «Керосиновые хроники: гриб» (2021): инсталляция демонстрирует роботов, управляемых керосиновыми грибами, пытающимися отобрать друг у друга питательную среду [Гидра 2022]. А можно — постапокалиптическим, как это делает Дмитрий Каварга в серии объектов «Токсикоз антропоцентризма» (2019), изображающих жутковатые руины некогда существовавшего мира [Токсикоз антропоцентризма 2019]. Примерно в том же ключе выдержана инсталляция Хейдена Фаулера «Темная экология» (2015) [Dark Ecology 2015], представляющая собой своего рода остатки человеческого поселения на постапокалиптической планете. *Мир-без-нас* является предметом высказывания и искусства «глубоких медиа» (специфика которого состоит в выявлении глубинных связей между природным и технологическим в ситуации отсутствия человека). Об этом — проект «Melt» (2018) [The Melt project 2018] Дмитрия Морозова (псевдоним ::vtol::). Это инсталляция, автономное роботизированное проекционное устройство, демонстрирующее циклический переход вещества из одного агрегатного состояния в другое и обратно на примере воды, периодически замораживающейся, размораживающейся и т. д.

Интерпретации всех этих миров постантропоцентричным искусством нередко вызывают у нас тревогу и эмоциональное напряжение. Но задача у этого искусства иная — не утопить нас в пессимизме, а настроить на конструктивный анализ ситуации: пересмотреть свои отношения с нечеловеческим, отказаться от специцизма как видового шовинизма, предпринять эффективные действия в отношении спасения среды обитания.

Заключение

Содержательно дискурс современного искусства выстраивается вокруг таких понятий и терминов, как «антропоцен», «постгуманизм» и «постантропоцентризм». Принадлежа разным смысловым рядам, они, тем не менее, становятся своего рода «точками напряжения», стягивающими в единое целое онтологическую, эпистемологическую и антропологическую проблематику.

В отличие от постгуманизма, интерпретируемого достаточно широко и затрагивающего практически все сферы культуры [Wolfe 2010], идеи

постантропоцентризма воспринимаются человеком скорее критически. Виной тому — нежелание отказа от своего привилегированного положения в мире, выстроенного в соответствии с идеалами гуманизма. Но проблема заключается в том, что из-за действий самого человека этого мира больше нет, симптомом чего является и проблема антропоцена, и глобальные экологические кризисы, и возникшая необходимость пересборки человеческого в контексте наших новых взаимоотношений с техникой и природой. Все эти изменения в конечном итоге были инспирированы антропоцентричными представлениями человека о своем месте в мире. С этой точки зрения постантропоцентричная парадигма воспринимается как попытка изменить ситуацию, обратить внимание человека на те «узкие места», не «расшив» которые, он, возможно, исчезнет как биологический вид.

Искусство является важным индикатором подобных перемен. То обстоятельство, что человеческое и нечеловеческое рассматриваются многими художниками как симметричные агенты, связанные друг с другом реляционными сетями, позволяет описать состояние современного искусства через концепт постантропоцентричного поворота. Искусство ищет новые подходы к постановке и решению проблемы современного человека. Оно задает новые способы ее описания и предлагает свои ответы на вопрос: что значит быть человеком сегодня, в ситуации, когда мы вынуждены переписывать само определение человека; пересматривать такие, как казалось, неотчуждаемые основания нашего существования, как гуманизм и антропоцентризм. Искусство позволяет нам представить другие миры; примерить на себя не только другие идентичности, но и различные варианты потенциально возможного будущего. Оно становится репетицией встречи человека с новым и пока еще недостаточно прописанным миром. Искусство, с одной стороны, является самостоятельной частью постгуманистических исследований, но, с другой, соединение с ними производит мультипликативный эффект, представляющий проблему более объемной и емкой. Важно, что в интерпретации искусства децентрация человеческого и усиление нечеловеческого не являются взаимоисключающими друг друга — для искусства онтологически они равны.

Список литературы

- Бахманн-Медик 2017 — *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
- Брайдотти 2021 — *Брайдотти Р.* Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.
- Гидра 2022 — HYDRA. Искусство новых медиа в контексте эко-тревожности [Электронный ресурс] // Севкабель порт. 2022. URL: <https://sevcableport.ru/ru/culture/hydra> (дата обращения: 20.04.2022).
- Мирзоев 2019 — *Мирзоев Н.* Как смотреть на мир / пер. с англ. Г. Д. Йоханссон. М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2019. 344 с.

- Мортон 2019 — *Мортон Т.* Гиперобъекты: философия и экология после конца мира / пер. с англ. В. И. Абраменко. Пермь : Гиле Пресс, 2019. 284 с.
- Такер 2017 — *Такер Ю.* Ужас философии : в 3 т. Т. 1 : В пыли этой планеты / пер. с англ. А. Иванова. Пермь : Гиле Пресс, 2017. 184 с.
- Токсикоз антропоцентризма 2019 — Токсикоз антропоцентризма. Субстанция и тело [Электронный ресурс] // Дмитрий Каварга : сайт. URL: <http://kawarga.tilda.ws/antro#rec112631355> (дата обращения: 20.04.2022).
- Феррандо 2022 — *Феррандо Ф.* Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Павлова ; предисл. Р. Брайдогги. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 360 с.
- Харауэй 2017 — *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / пер. с англ. А. В. Гараджа. М. : Ad Marginem : Музей современного искусства «Гараж», 2017. 128 с.
- Харауэй 2020 — *Харауэй Д.* Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене / пер. с англ. А. А. Писарева, Д. Я. Хамис, П. А. Хановой. Пермь : Гиле Пресс, 2020. 340 с.
- Чакрабартти 2020 — *Чакрабартти Д.* Об антропоцене / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : V-A-C Press : Artguide Editions, 2020. 160 с.
- Arctic Creatures 2019 — Arctic Creatures: Repparfjord [Electronic resource] // Tine Surel Lange. 2019. URL: <https://tinesurellange.com/Arctic-Creatures-Repparfjord> (access date: 20.04.2022).
- Art, Theory and Practice 2016 — Art, Theory and Practice in the Anthropocene / ed. by J. Reiss. Vernon Press, 2016. 173 p.
- ARTE_mis 2017 — ARTE_mis [Electronic resource] // Maja Smrekar. 2017. URL: <https://www.majasmrekar.org/k-9-topology-artemis> (access date: 20.04.2022).
- Bogost 2012 — *Bogost I.* The New Aesthetic Needs to Get Weirder [Electronic resource] // The Atlantic. 13.04.2012. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needs-to-get-weirder/255838/> (access date: 07.04.2022).
- Czakon, Michna 2021 — *Czakon D., Michna N. A.* Art Beyond the Anthropocene: A Philosophical Analysis of Selected Examples of Post-Anthropocentric Art in the Context of Ecological Change // Journal of Asia-Pacific Pop Culture. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 245–261. DOI: 10.5325/jasiapacipopcult.6.2.0245.
- Dark Ecology 2015 — Dark Ecology (Seoul) [Electronic resource] // Hayden Fowler. 2015. URL: <http://haydenfowler.net/projects/dark-ecology-seoul.html> (access date: 20.04.2022).
- Davis, Turpin 2015 — *Davis H., Turpin E.* Art & Death: Lives Between the Fifth Assessment & the Sixth Extinction // Art in Anthropocene: Encounters Among Aesthetics, Politics, Environments and Epistemologies / ed. by H. Davis, E. Turpin. London : Open Humanity Press, 2015. P. 3–29.
- Desert Creatures 2019 — Desert Creatures: The Salton Sea [Electronic resource] // Tine Surel Lange. 2019. URL: <https://tinesurellange.com/Desert-Creatures-The-Salton-Sea> (access date: 20.04.2022).
- Ear on Arm 2022 — Ear on Arm. Engineering Internet Organ [Electronic resource] // Stelarc. 2022. URL: <http://stelarc.org/?catID=20242> (access date: 20.04.2022).
- Ferrando 2013 — *Ferrando F.* Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms. Differences and Relations [Electronic resource] // Existenz. 2013. Vol. 8. No. 2. URL: <https://existenz.us/volumes/Vol.8-2Ferrando.html> (access date: 07.04.2022).
- Ferrando 2016 — *Ferrando F.* The Party of the Anthropocene: Post-humanism, Environmentalism and the Post-anthropocentric Paradigm Shift // Relations. Beyond Anthropocentrism. 2016. Vol. 4. No. 2. November. P. 159–173. DOI: 10.7358/rela-2016-002-ferr.
- Ice Watch 2018 — *Eliasson O., Rosing M.* Ice Watch [Electronic resource]. URL: <https://icewatch.london/> (access date: 20.04.2022).
- Kordic, Godward, Martinique 2016 — *Kordic A., Godward F., Martinique E.* Posthumanism and Contemporary Art [Electronic resource] // Widewalls. 07.10.2016. URL: <https://www.widewalls.ch/magazine/posthumanism-contemporary-art> (access date: 07.04.2022).

- Nuclear Creatures 2019 — Nuclear Creatures: West Lake Landfill [Electronic resource] // Tine Surel Lange. 2019. URL: <https://tinesurellange.com/Nuclear-Creatures-West-Lake-Landfill> (access date: 20.04.2022).
- ORLAN 2021 — ORLAN: Strip-Tease, Youy Sur Ma Vie, Tout Sur Mon Art [Electronic resource] // ORLAN : official website. 16.12.2021. URL: <http://www.orlan.eu/works/videos-dorlan-2/> (access date: 20.04.2022).
- Pedersen 2020 — Jeg er mangfoldig [Electronic resource] // Viktor Pedersen. 2020. URL: <https://www.viktorpedersen.com/jeg-er-mangfoldig> (access date: 20.04.2022).
- Susen 2021 — *Susen S. Reflections on the (Post-)Human Condition: Towards New Forms of Engagement with the World?* // *Social Epistemology*. 2021. Vol. 36. No. 11. P. 63–94. DOI: 10.1080/02691728.2021.1893859.
- Template of Life 2017 — Template of Life [Electronic resource] // Recycle Group. 2017. URL: https://recycleartgroup.com/exhibitions/template_of_life/ (access date: 20.04.2022).
- The Coming World 2019 — “The Coming World” at Garage Museum of Art, Moscow, Russia, 2019 [Electronic resource] // Patricia Piccinini. URL: <https://www.patriciapiccinini.net/a-show.php?id=2019-Moscow> (access date: 20.04.2022).
- The Melt project 2018 — The Melt project [Electronic resource] // vtol. 2018. URL: <https://vtol.cc/melt> (access date: 20.04.2022).
- Together Again 2017 — Together Again [Electronic resource] : Installation/Live performance: cage, Australian dingo and virtual reality landscape // Hayden Fowler. 2017. URL: <http://haydenfowler.net/projects/together-again.html> (access date: 20.04.2022).
- Wolfe 2010 — *Wolfe C. What is Posthumanism?* Minneapolis : University of Minnesota Press, 2010. 392 p.

References

- “Arctic Creatures: Repparfjord” (2019), *Tine Surel Lange*, available at: <https://tinesurellange.com/Arctic-Creatures-Repparfjord> (accessed 20 April 2022).
- “ARTE_mis” (2017), *Maja Smrekar*, available at: <https://www.majasmrekar.org/k-9-topology-artemis> (accessed 20 April 2022).
- Bachmann-Medick, D. (2017), *Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*, translated by Tashkenova, S., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 504 p. (in Russian).
- Bogost, I. (2012), “The New Aesthetic Needs to Get Weirder”, *The Atlantic*, 13 April, available at: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/04/the-new-aesthetic-needs-to-get-weirder/255838/> (accessed 7 April 2022).
- Braidotti, R. (2021), *The Posthuman*, translated by Khamis, D., Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, 408 p. (in Russian).
- Chakrabarti, D. (2020), *Ob antropotsene* [About the Anthropocene], translated by Kralechkin, D., V-A-C Press, Artguide Editions, Moscow, 160 p. (in Russian).
- Czakov, T. and Michna, N. A. (2021), “Art Beyond the Anthropocene: A Philosophical Analysis of Selected Examples of Post-Anthropocentric Art in the Context of Ecological Change”, *Journal of Asia-Pacific Pop Culture*, vol. 6, no. 2, pp. 245–261. DOI: 10.5325/jasiapacipopcult.6.2.0245.
- “Dark Ecology (Seoul)” (2015), *Hayden Fowler*, available at: <http://haydenfowler.net/projects/dark-ecology-seoul.html> (accessed 20 April 2022).
- Davis, H. and Turpin, E. (2015), “Art & Death: Lives Between the Fifth Assessment & the Sixth Extinction”, in Davis, H. and Turpin, E. (eds.), *Art in Anthropocene: Encounters Among Aesthetics, Politics, Environments and Epistemologies*, Open Humanity Press, London, pp. 3–29.
- “Desert Creatures: The Salton Sea” (2019), *Tine Surel Lange*, available at: <https://tinesurellange.com/Desert-Creatures-The-Salton-Sea> (accessed 20 April 2022).
- “Ear on Arm. Engineering Internet Organ” (2022), *Stelarc*, available at: <http://stelarc.org/?catID=20242> (accessed 20 April 2022).

- Eliasson, O. and Rosing, M. (2018), *Ice Watch*, available at: <https://icewatch.london/> (accessed 20 April 2022).
- Ferrando, F. (2013), "Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms Differences and Relations", *Existenz*, vol. 8, no. 2, available at: <https://existenz.us/volumes/Vol.8-2Ferrando.html> (accessed 7 April 2022).
- Ferrando, F. (2016), "The Party of the Anthropocene: Post-humanism, Environmentalism and the Post-anthropocentric Paradigm Shift", *Relations. Beyond Anthropocentrism*, vol. 4, no. 2, pp. 159–173. DOI: 10.7358/rela-2016-002-ferr.
- Ferrando, F. (2022), *Philosophical Posthumanism*, translated by Krlechkin, D., Higher School of Economics, Moscow, 360 p. (in Russian).
- Haraway, D. J. (2017), *A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century*, translated by Garadzha, A. V., Ad Marginem, Garage Museum of Contemporary Art, Moscow, 128 p. (in Russian).
- Haraway, D. J. (2020), *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*, translated by Pisarev, A. A., Khamis, D. Ya. and Khanova, P. A., Gile Press, Perm, 340 p. (in Russian).
- "HYDRA. New media art in the context of eco-anxiety" (2022), *Sevkabel' port*, available at: <https://sevcableport.ru/ru/culture/hydra> (accessed 20 April 2022) (in Russian).
- "Jeg er mangfoldig" (2020), *Viktor Pedersen*, available at: <https://www.viktorpedersen.com/jeg-er-mangfoldig> (accessed 20 April 2022).
- Kordic, A., Godward, F. and Martinique, E. (2016), "Posthumanism and Contemporary Art", *Widewalls*, 7 October, available at: <https://www.widewalls.ch/magazine/posthumanism-contemporary-art> (accessed 7 April 2022).
- Mirzoeff, N. (2019), *How to See the World*, translated by Johansson, G. D., Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art, Moscow, 344 p. (in Russian).
- Morton, T. (2019), *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*, translated by Abramenko, V. I., Gile Press, Perm, 284 p. (in Russian).
- "Nuclear Creatures: West Lake Landfill" (2019), *Tine Surel Lange*, available at: <https://tinesurellange.com/Nuclear-Creatures-West-Lake-Landfill> (accessed 20 April 2022).
- "ORLAN: Strip-Tease, Youy Sur Ma Vie, Tout Sur Mon Art" (2021), *ORLAN, official website*, 16 December, available at: <http://www.orlan.eu/works/videos-dorlan-2/> (accessed 20 April 2022).
- Reiss, J. (ed.) (2016), *Art, Theory and Practice in the Anthropocene*, Vernon Press, 2016, 173 p.
- Susen, S. (2021), "Reflections on the (Post-)Human Condition: Towards New Forms of Engagement with the World?", *Social Epistemology*, vol. 36, no. 11, pp. 63–94. DOI 10.1080/02691728.2021.1893859.
- "Template of Life" (2017), *Recycle Group*, available at: https://recycleartgroup.com/exhibitions/template_of_life/ (accessed 20 April 2022).
- Thacker, Eu. (2017), *Horror of Philosophy, in 3 vols, Vol. 1, In the Dust of this Planet*, translated by Ivanov, A., Gile Press, Perm, 184 p. (in Russian).
- "'The Coming World' at Garage Museum of Art, Moscow, Russia" (2019), *Patricia Piccinini*, available at: <https://www.patriciapiccinini.net/a-show.php?id=2019-Moscow> (accessed 20 April 2022).
- "The Melt project" (2018), *vtol*, available at: <https://vtol.cc/melt> (accessed 20 April 2022).
- "Together Again: Installation/Live performance: cage, Australian dingo and virtual reality landscape" (2017), *Hayden Fowler*, available at: <http://haydenfowler.net/projects/together-again.html> (accessed 20 April 2022).
- "Toxicosis of anthropocentrism. Substance and body" (2019), *Kawarga*, available at: <http://kawarga.tilda.ws/antro#rec112631355> (accessed 20 April 2022) (in Russian).
- Wolfe, C. (2010), *What is Posthumanism?* University of Minnesota Press, Minneapolis, 392 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 2.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 11.07.2022

Информация об авторе

Чистякова Марина Георгиевна
доктор философских наук, доцент
Тюменский государственный университет
625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23
E-mail: m.g.chistyakova@utmn.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-6260-510X

Information about the author

Chistyakova, Marina Georgievna
D. Sci. (Philosophy), Associate Professor
Tyumen State University
23 Lenin St., Tyumen, 625003 Russia
E-mail: m.g.chistyakova@utmn.ru
Author's ORCID: 0000-0001-6260-510X

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.023

УДК 7.01

САЙНС-АРТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ BOUNDARY-WORK

В. Г. Богомяков

Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия

Аннотация: В этой статье анализируется взаимоотношение научного и художественного аспектов в такой области современного искусства, как сайнс-арт. Представители современного искусства зачастую постулируют гармонию рационально-научного и художественно-эстетического полей в искусстве сайнс-арт. Не очень ясны критерии такой гармонии и критерии равноправия научного и художественного элементов. Зрители же часто склонны видеть в произведениях сайнс-арта в большей мере либо продукт научной деятельности, либо же, наоборот, художественный объект. Представления о так называемой «чистой науке», абсолютно беспристрастной и стремящейся лишь к познанию истины, уходят в прошлое. Главный стимул развития науки — удовлетворение различных общественных потребностей, которые могут быть в различной степени артикулированы. Подход, называемый boundary-work, позволяет понять, что границы между этими аспектами, с одной стороны, являются весьма подвижными и гибкими, с другой, выступают в качестве социальных конструкций, выстраиваемых с определенными целями. Томас Ф. Джерин использовал термин boundary-work для разграничения научного, ненаучного, в разном смысле научного и проч. Такое разграничение необходимо, когда в силу тех или иных причин границы отвергаются или, наоборот, произвольно навязываются и пропагандируются. Каждый раз границы науки устанавливаются заново в зависимости от политического и культурного контекста, определяющего эссенциалистское или конструктивистское понимание научной деятельности. Сайнс-арт явным образом выходит и за пределы как науки, так и искусства, образуя некое третье поле. Существование на границе создает открытость не только для науки и искусства, но и для других форм сознания. Анализируемая область искусства позволяет выявить скрытые связи между наукой и искусством и утверждать, что, по всей видимости, мы наблюдаем сейчас возникновение некоего нового вида деятельности, несущего в себе черты как науки, так и искусства. К тому же есть надежда, что сайнс-арт поможет углубить наше понимание и науки и искусства, их сущности и их роли в жизни человека и социальной действительности, в человеческом творчестве и совершенствовании личности.

Ключевые слова: сайнс-арт, наука, искусство, boundary-work, мимесис, пойезис.

Для цитирования: *Богомяков В. Г.* Сайнс-арт сквозь призму boundary-work // *Koinon*. 2022. Т. 3. № 2. С. 191–203. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.023

SCIENCE ART THROUGH THE PRISM OF BOUNDARY-WORK

V. G. Bogomyakov

Tyumen State University
Tyumen, Russia

Abstract: This article analyzes the relationship between scientific and artistic aspects in such a field of contemporary art as science art. Representatives of present-day art often postulate the harmony of rational-scientific and artistic-aesthetic fields in the art of science art. The criteria for such harmony and the criteria for equality of scientific and artistic elements are not very clear. Viewers often tend to see in the works of science art to a greater extent either a product of scientific activity, or, conversely, an artistic object. The ideas of the so-called “pure science”, which is absolutely impartial and strives only for the knowledge of the truth, are becoming a thing of the past. The main incentive for the development of science is the satisfaction of various social needs, which can be articulated to varying degrees. The approach called boundary-work makes it possible to understand that the boundaries between these aspects, on the one hand, are very mobile and flexible, on the other hand, they act as social structures built with certain goals. Thomas F. Gerin also used the term boundary-work to distinguish between scientific, unscientific, in a different sense scientific, and so on. Such a distinction is necessary when, for one reason or another, borders are rejected or, conversely, arbitrarily imposed and propagandized. Each time the boundaries of science are established anew, depending on the political and cultural context that defines the essentialist or constructivist understanding of scientific activity. Science art Science art clearly goes beyond both science and art, forming a kind of third field. The existence on the border creates openness not only for science and art, but also for other forms of consciousness. The analyzed field of art makes it possible to reveal the hidden connections between science and art and to assert that, apparently, we are now witnessing the emergence of a certain new type of activity that carries the features of both science and art. In addition, there is hope that science art will help deepen our understanding of both science and art, their essence and their role in human life and social reality, in human creativity and personal development.

Keywords: science art, science, art, boundary-work, mimesis, poyesis.

For citation: Bogomyakov, V. G. (2022), “Science Art through the Prism of Boundary-work”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 191–203 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.023

Целью этой статьи является исследование такого направления современного медиаискусства, как сайнс-арт. Сложность анализа этого направления связана с тем, что, по всей видимости, мы до сих пор не понимаем до конца, что такое наука. Ученые, философы, представители так называемой метанауки исследуют науку как прагматическую, инструментальную и конвенциональную практику; определяют ее социальные детерминанты и социальные функции, однако в их рядах нет согласия по поводу научной истины, научного метода и прочее. Идут споры даже о том, едина ли наука и в каком смысле понимать известные слова Эйнштейна о том, что в доме науки много обитателей (дискуссия об уникальном биологическом мышлении, универсальном физическом мышлении и т. д.). Таким образом, безусловно, существует «тайна науки», или «загадка науки».

Однако существует и «тайна искусства». Мы не понимаем до конца, что такое искусство, каковы его критерии, каково его назначение. Но что будет, если, как в случае с сайнс-арт, два неизвестных поставить рядом? Способ бытия человека в мире представлен противоречивыми и гетерогенными элементами, которые проявляют свои смыслы по мере развития и самосовершенствования человека, по мере совершенствования его способностей воспроизводить себя как субъекта процесса саморазвития. Сайнс-арт, его культурная и социальная ценность будут определяться в перспективе дальнейшего развития авторской позиции человека, преобразующего окружающую действительность и себя самого.

Сайнс-арт вошел в современную культуру как синтез науки и искусства. Можно было бы расценить этот феномен как простое свидетельство победного шествия науки: дескать, все становится научным, и искусство в том числе. Однако существование науки в современном обществе имеет весьма сложный характер. Представления о так называемой чистой науке, абсолютно беспристрастной и стремящейся лишь к познанию истины, уходят в прошлое. Главный стимул развития науки — удовлетворение различных общественных потребностей, которые могут быть в различной степени артикулированы. Так, мы можем говорить о науке подлинной и паранауке, о научном мейнстриме и маргинальной науке, о научных открытиях и научных ошибках и т. д.

М. М. Бахтин в свое время писал, что каждый культурный акт существенно живет на границах [Бахтин 2003, с. 282]. Но возникает целый ряд ситуаций, когда нам необходимо понять, где пролегает граница между научными и художественными аспектами в сайнс-арте. Проблему такой демаркации со стороны науки, по нашему мнению, может решить подход, называемый *boundary-work*. Следует сказать несколько слов о данном подходе. В переводе с английского языка сам термин означает «пограничная работа». Для русского уха здесь возникают совершенно ненужные ассоциации с пограничной службой. Поэтому англоязычный термин кажется нам более предпочтительным. Мы обратились

к данному подходу, поскольку, в отличие, скажем, от логических позитивистов или К. Поппера, *boundary-work* отказывается от универсальных транс-исторических критериев научности и утверждает идеологический принцип «присвоения выбранных характеристик». С этой точки зрения демаркация между наукой и ненаукой является весьма гибкой; она устанавливается и разрушается в зависимости от особенностей межличностных и межсоциальных взаимодействий, в зависимости от их способности удовлетворять интересы различных социальных групп.

Томас Ф. Джерин использовал этот термин для разграничения научного, ненаучного, в разном смысле научного и проч. Такое разграничение необходимо, когда в силу тех или иных причин границы отвергаются или, наоборот, произвольно навязываются и пропагандируются [Gieryn 1983]. К тому же часто важно понять, с какой именно научностью соотносится то или иное искусство. «Пограничная работа» — это как раз деятельность на границах науки; и то, что для Томаса Ф. Джерина представлялось важным с точки зрения защиты от псевдонауки, приобретения интеллектуального авторитета и улучшения возможностей карьерного роста, в нашем случае становится прояснением того обстоятельства, что границы между наукой и искусством перерисовываются исторически меняющимся и порой неоднозначным образом.

Следует отметить, что логично было бы анализировать сайнс-арт и с точки зрения направления, озабоченного размежеванием «искусства» и «неискусства», но такого направления нет, и вот почему. Современное искусство не хочет признавать никаких границ и нормальным считается, наоборот, раздвигание и упразднение всяческих границ и установленных правил в искусстве (еще Ж.-Ф. Лиотар писал, что художник и писатель стали работать без правил [Лиотар 1998, с. 140]). Современное искусство совсем не заботится о сохранении своих границ, а все в большей степени становится инструментом исследования окружающего мира, чтобы раздвигать свои границы. Конечно, такая ситуация парадоксальна, поскольку современное искусство стремится проявлять максимализм и быть выше всяческих границ; оно претендует, по сути, на сверхграницность, что создает ряд проблем и для искусства, и для тех видов деятельности, с которыми искусство взаимодействует. Следует заметить, что для самих художников, как и прежде, критериями размежевания «искусства» и «неискусства» остаются талант, вкус и необходимый эстетический опыт.

Концепция сайнс-арта предполагает, что это не пропаганда научных идей средствами искусства и не решение задач искусства средствами науки, но именно взаимодействие двух равноправных и равноценных составляющих [Левченко 2016, с. 5]. Подход, называемый *boundary-work*, предполагает, что каждый раз границы науки устанавливаются заново в зависимости от политического и культурного контекста, определяющего эссенциалистское или конструктивистское понимание научной деятельности [Петров 2019]. А значит,

и оценки равнозначности составляющих сайнс-арта должны каждый раз даваться заново. На наш взгляд, проблема состоит в том, что зачастую гармония научной и художественной составляющих в рамках сайнс-арта просто постулируется, а не является предметом анализа. Не очень ясны и критерии такой гармонии и равноправия. Разумеется, речь не идет в данном случае о достижении статичной гармонии; для человека и общества острое переживание противоречивости собственного существования всегда выражается в стремлении к гармонии, в движении к гармонии, поэтому гармония — это всегда процесс, всегда путь.

Зрители обычно склонны видеть в произведениях сайнс-арта в большей мере продукт научной деятельности или же художественный объект. Так, О. Е. Левченко утверждает, что в России сайнс-арт воспринимается прежде всего как искусство; на Западе же — как явление смежное между двумя областями [Левченко 2014, с. 157]. Например, если мы возьмем чудесное произведение екатеринбургской группы «Куда Бегут Собаки» под названием «Трансцендентный борщ», то оказывается, что там анализируется огромное количество текстов с 1900 по 1917 год и с 2000-го по 2017-й с целью определения индекса трансцендентности. Потом на основе этого анализа варится борщ, в котором количество мяса в бульоне определяется индексом трансцендентности, количество моркови определяется при помощи поэтического компонента текстов и т. д. Несмотря на то что тексты анализировал специальный алгоритм, а борщ варил робот-повар, мы понимаем, что перед нами ироничное произведение искусства, где новые технологии выполняют скорее служебную функцию.

Мы считаем, что весьма полезен анализ произведений, которые по-разному сочетают элементы «сайнс» и «арт», но которые, тем не менее, не могут быть отнесены к категории сайнс-арт. Дело в том, что в истории мы видим немало примеров обращения ученых к чувственным образам для выражения своих идей. Многие философы и ученые говорили о красоте как критерии построения научных теорий; об эстетической интуиции, позволяющей почувствовать объекты в их целостности. Н. Бор, В. Гейзенберг, А. Эйнштейн писали о значении эстетического чувства в познании окружающего мира. Но элементы «сайнс» и «арт» могут по-разному сочетаться. Предполагаемая гармония научного и художественного может выстраиваться по-разному. С одной стороны, история науки, равно как и история культуры, показывает нам случаи «недостаточной (неполной) гармонии» этих элементов. С другой стороны, по Н. Бору, гармония есть нечто недостижимое для теоретического анализа, поэтому для суждения о гармоничности мы можем задействовать нашу эстетическую интуицию, но говорить об определении критериев такой гармоничности следует с большой осторожностью.

Возьмем так называемую научную поэзию (Рене Гиль, Валерий Брюсов), которая пропагандировала окончание века поэтического эгоизма (эготизма)

и необходимость взаимодействия поэзии и науки. Это взаимодействие необходимо, поскольку лишь оно может создать подлинную культуру нашей эпохи. В понимании Рене Гиля поэт должен улавливать связи, еще не установленные точным знанием, и предугадывать новые пути, по которым наука может идти к новым завоеваниям. На самом же деле, мы видим, что в произведениях «научной поэзии» не происходит слияния двух полей культуры, но просто достаточно традиционные для того времени поэтические практики применяются не для описания мира «чувств», а для описания научной картины мира или каких-либо научных открытий. Теоретики «научной поэзии» полагали, что соединение науки и поэзии произойдет, если в своих взаимоотношениях с наукой она будет играть роль своего рода особой метафизики, но исполнение такой роли было лишь декларировано.

Подобным же образом можно оценить, например, живопись Джозефа Райта (1734–1807), который, воодушевленный работой Лунного общества, становится пионером индустриальной и научной темы в живописи. Его картины «Алхимик, открывающий фосфор», «Философ, читающий лекцию об оррерии», «Эксперимент над птицей в воздушном насосе» и др., написанные в реалистической манере и основанные на принципе мимесиса, посвящены значению научного прогресса и роли науки в жизни человека, но они, безусловно, остаются своего рода «живописью о науке» и никакого сближения художественной и научной деятельности здесь не происходит. Даже если известные картины Рембрандта «Урок анатомии доктора Николаса Тульпа» и «Урок анатомии доктора Деймана» демонстрировались в Анатомическом театре Амстердама, очевидно, с иллюстративно-научными и образовательными целями, трудно говорить в этом случае о полноценном встречном движении живописи и науки.

Ничего не меняет сам по себе и отход с позиций мимесиса на позиции аллегорического метода, как небуквального истолкования, призванного обнаружить в объектах нечто иное [Аллегория 2021]. Такова, например, известная скульптура Луи Эрнеста Барриаса «Природа, раскрывающая себя перед наукой», изображающая женщину, снимающую вуаль. Или в качестве примера можно привести Мемориальное витражное окно Читтендена в Линсли-Читтенден-холле Йельского университета, где мы видим персонификации искусства, науки и религии. Восприятие аллегии не является непосредственным. С одной стороны, авторитет аллегии подкрепляется герменевтикой и библейским аллегоризмом Филона Александрийского, с другой стороны, аллегория наследует средневековой схоластике, где мы видим универсальную фигуру алхимика, одновременно и философа, и теолога, и мистика, и ученого, и ремесленника [Левченко 2016, с. 37] Однако и здесь не происходит синтеза науки и искусства; мы видим искусство, предметом которого является наука, показанная с помощью различных аллегорий.

Анализируя различные течения и направления в искусстве, можно было бы выстроить длинный ряд репрезентаций науки, который предлагают эти направления. Но гораздо интереснее увидеть, что многие из этих течений и направлений формируют свой возможный способ взаимодействия с наукой, диалога с ней и особый способ слияния рационально-научного и художественно-эстетического полей. Скажем, сюрреализм, занимавшийся небывалым, странным, непонятным, чудесным, ставит во главу угла воображение, способное обнаружить «таинственные силы в глубине нашего духа» [Называть вещи 1986, с. 44], создающие как науку, так и искусство. В полной мере сказанное относится, например, к картине Сальвадора Дали «Дань уважения Крику и Уотсону (первооткрывателям ДНК)». Картина эта также носит более длинное название — «Галацидалацидезоксирибонуклеиновая кислота».

Таким образом, в перечне артефактов, озаглавленном «Как искусство использует науку», окажется достаточно много произведений искусства. Но очень интересным и весьма сложным является вопрос о том, как наука использует искусство. И здесь, по всей видимости, речь должна идти о таких дисциплинах, как математика, до сих пор вызывающая споры о том, наука это или искусство. Стоит упомянуть и значение принципа красоты в науке, значение эстетического образа парадигмы [Кун 1975, с. 197–200]. В качестве примера использования искусства наукой можно привести знаменитые рисунки немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля, которые были не просто иллюстрациями, но с помощью них Геккель пытался обобщить свои взгляды на мир, проследив на многих биологических формах проявление симметрии и уровня организации [Breidbach 2006].

Мы видим достаточно много произведений, где есть элементы «сайнс» и «арт», в которых не происходит слияния двух полей культуры и возникновения третьего поля. Очевидно, что мимесис как подражание искусства действительности оказывается недостаточным принципом для синтеза науки и искусства. Здесь важным оказывается переход к принципу поїезиса, нацеливающего на творческий процесс не только создания нового и производства новых смыслов, но и предполагающего возможность синтеза различных элементов культуры. Действительно, поїезис дает возможность совершать онтологические переходы, продуцировать новые разновидности искусства, соединять разные грани культуры. Важным моментом в создании произведений сайнс-арта становится, наряду с использованием новых технологий и научных разработок, концептуализация — процедура введения определенных онтологических представлений в массив эмпирических данных, обеспечивающая организацию нашего знания, что позволяет отображать возможные тенденции изменения референтного поля объектов и продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей. Создание произведений сайнс-арта становится возможным благодаря особой перформативности и интерактивности.

Существуют работы, не получившие маркировку «сайнс-арт», но по своей сути приближающиеся к этому направлению. И здесь исключительно важно мнение экспертного сообщества, дающего оценку подобным арт-проектам. Таков, скажем, музыкальный проект «Симфония науки», созданный музыкантом Джоном Д. Босвеллом. Проект направлен на «распространение научных знаний и философии с помощью музыкальных ремиксов». В «Симфонии науки» используются видеоизображения из телевизионных программ с участием современных ученых. Видеоклипы смешиваются в цифровые мэшапы и дополняются оригинальными композициями Босвелла. Другой пример — объект, названный «Постоянство Хаоса». Это ноутбук, содержащий шесть самых опасных компьютерных вирусов, созданный художником Го О Донгом и американским художественным коллективом MSCHF. Ноутбук был продан с аукциона как произведение искусства за \$1 345 000. Вредоносный ноутбук не рассматривается экспертным сообществом в качестве произведения сайнс-арта, несмотря на свою наукоемкость и технологичность. «Постоянство Хаоса» может трактоваться, скорее всего как арт-объект, который может быть отнесен к концептуализму [Fisher 2019].

Пишут, что Марина Абрамович, занимавшаяся перформансами, тесно сотрудничала с нейробиологами, чтобы выяснить, как работает мозг во время длительного зрительного контакта. В ходе перформанса «В присутствии художника», который состоялся в 2010 году в Нью-Йоркском музее современного искусства (МОМА), у зрителей, неотрывно смотрящих в глаза художницы, возникали неожиданные эмоции, от замешательства до катарсиса. Разумеется, этот перформанс Марины Абрамович никто не относил к направлению сайнс-арт. Позднее был проведен научно-художественный перформативный эксперимент «Измеряя магию взгляда», в котором участвовали американские и российские нейрофизиологи и психологи и использовалась электроэнцефалография для фиксации изменения активности мозга у людей, устанавливающих друг с другом визуальный контакт. «Измеряя магию взгляда» классифицируют уже в качестве образцового произведения сайнс-арта [Словарный запас 2017].

Существует достаточное количество направлений, использующих науку и современные технологии, которые могут попасть в категорию «сайнс-арт», но их чаще всего относят к самостоятельным направлениям. Таков наноарт — визуальный вид искусства, направленный на создание скульптур наноразмера под действием химических или физических процессов обработки материалов, фотографирование полученных нанообразов с помощью электронного микроскопа. Характерным примером наноарта является «Мальчик и его Атом», одноминутный анимационный фильм с остановкой движения, созданный в 2012 году IBM Research, записанный с помощью сканирующего туннельного микроскопа [Art on the Nanoscale 2016].

Интерпретация произведений сайнс-арта зависит от норм, традиций и систем ценностей, которых мы придерживаемся. Возьмем бодимодификацию Стеларка, вживившего себе под кожу биополимерное ухо с микрофоном, позволяющим другим слышать то же самое, что и он. Об этом произведении возможны, по крайней мере, три суждения. Первое: это вообще не искусство, поскольку здесь мы не находим эстетической или нравственной ценности. Второе: мы можем признать, что это произведение искусства, поскольку здесь мы сталкиваемся с эстетикой безобразного (Иоганн Карл Фридрих Розенкранц), ибо ухо под кожей — это безобразно [Шкепу 2010]. Третье: это, безусловно, важное произведение сайнс-арта, поскольку здесь воплощена трансгуманистическая идея о возможности подключаться к органам чувств других людей; или мы можем видеть в этом некий эксперимент с квалиативностью (субъективным, нетранслируемым опытом чувственного переживания какого-либо явления). И разумеется, мы можем воспринимать ухо Стеларка как произведение искусства, поскольку удивителен и прекрасен сенсорный опыт, не ограниченный органами чувств конкретного тела.

Существует и искусство перехода, в котором научное вдруг обретает безусловную эстетическую ценность и, наоборот, поиски художника становятся важным этапом научных исследований. Знаковым произведением сайнс-арта считается, например, «Прототип лунных гусей: лаборатория лунной миграции птиц» Агнес Майер-Брандис. Техника этой работы — биопоэтическое исследование, долговременный эксперимент, инсталляция, телевизионная трансляция, видео. В основе этого произведения книга Френсиса Гудвина «Человек на Луне» (1638), в которой рассказывается про особых гусей, летающих на Луну, что позволяет герою книги сделать упряжку, в которой гуси доносят его до Луны. Агнес Майер-Брандис построила центр подготовки гусей-космонавтов. Гуси учатся ходить по лунному ландшафту, питаться особым сортом лунного одуванчика и передавать азбукой Морзе сигналы на Землю.

Другой пример — «Пусть лошадь живет во мне»: био-арт-перформанс, в ходе которого Марион Лаваль-Жанте несколько месяцев вводила в свою кровь иммуноглобулины крови лошади, в результате чего произошло воздействие на эндокринную и нервную систему художницы и на ее сознание. Био-арт-перформанс имел и очень важную идеологическую составляющую: такого рода опыты на людях запрещены в Западной Европе, но при этом наука изучает общие биологические принципы, производя опыты на животных, используя их как некий безмолвный инструмент. Конечно, в данном случае мы видим и метафору единства природы и человека (единства декларируемого, вожделенного, ожидаемого и трагичного).

Интересны ли произведения сайнс-арта для научного сообщества? По мнению исследовательницы новых медиа Натальи Фукс, безусловно, интересны.

В качестве примера она приводит перформанс The Electronic Cafe International (1970-е годы), в котором два танцора — один был в Лос-Анджелесе, а второй в Нью-Йорке — танцевали друг с другом, соединенные в виртуальном пространстве, на экране. Именно эта технология через десять лет стала использоваться на телевидении [Киселева, Фукс 2015].

Изучение сайнс-арта, безусловно, имеет важное значение с точки зрения определения критериев научности. О том, что эта проблема не теряет своей актуальности, свидетельствует непрекращающаяся полемика о понятиях «науки» и «ненауки», о границах научного метода и о самой науке как о процессе, в котором непрерывно происходят постоянные изменения. Авторы, которых относят к boundary-work, пишут об отсутствии четких, стабильных и трансисторических критериев научности; указывают на то, что часто декларация научности имела «идеологический» характер, когда те или иные сообщества могли декларировать свою научность с целью получения автономии или же утверждения объективности своих подходов. Если говорить о сайнс-арте, то в этом случае не стоит, по-видимому, ожидать гносеологической строгости, и научность часто может иметь риторический характер. Есть термин, который считается близким к термину «сайнс-арт» — «искусство исследования». «Исследование» — несомненно, термин гораздо более широкий, выходящий за границы непосредственно научного словаря. Можно предположить, что в рамках сайнс-арта гипотеза может приобретать некое самодовлеющее значение (ее оригинальность, необычность, особая красота и проч.) в ущерб научной истине. Очевидно, что с точки зрения сайнс-арт можно развивать идеи, которые не поддаются строгой фальсификации.

Очевидно, мы можем рассматривать произведения сайнс-арта в качестве некоего «странного эксперимента». Научный эксперимент всегда предельно серьезен, произведения же сайнс-арта могут быть весьма ироничны. Современный научный эксперимент предполагает достижение максимальной точности измерений при минимальном количестве проведенных опытов и сохранении статистической достоверности результатов. Очевидно, что арт-элемент может снижать требования к строгости эксперимента. Возьмем работу Саши Спачал, Мириан Швагели, Анил Подгорник (Словения) 2013 года «Межвидовой симбиотический коннектор», который осуществляет связь человека и гриба-мицелии. Создатели коннектора утверждают, что это аппарат межвидовой связи, позволяющий человеку вступить в коммуникацию с представителем другого биологического вида на эмоционально-физиологическом уровне. Нервная система человека и мицелий гриба замыкаются друг на друга в кольцо биологической обратной связи. Экспозиционный стенд-капсула выглядит очень впечатляюще, однако у скептически настроенного зрителя может возникнуть множество вопросов. Инсталляция направлена на установление межвидовой коммуникации, но насколько коммуникация оказалась взаимной? Поведение

гриба в целом было совершенно предсказуемо и обусловлено алгоритмами, заданными природой.

Следует отметить, что науки естественные и технические активно коммуницируют с искусством, создавая произведения сайнс-арта. Социальные и гуманитарные науки не становятся объектом сайнс-арта, как это ни странно. Хотя, кажется, мы вполне можем представить себе результаты такого союза. Правда, в этом случае был бы уже какой-то совсем иной сайнс-арт.

Во всяком случае, мы видим, что границы между «сайнс» и «арт», с одной стороны, являются весьма подвижными и гибкими, с другой стороны, выступают в качестве социальных конструкций, выстраиваемых с определенными целями. Сайнс-арт явным образом выходит за пределы как науки, так и искусства, образуя некое третье поле. Энтузиасты сайнс-арта пишут о необходимости преодоления антропоцентризма и рассмотрения различных живых и неживых сущностей вокруг нас: вирусов, технических устройств и электромагнитных полей — в качестве агентов, взаимодействующих друг с другом в едином процессе. Существование на границе создает открытость не только для и науки и искусства, но и для других форм сознания. «Единство проявляется в отличиях» (Пастернак), и гибридные формы сайнс-арта позволяют выявить скрытые связи между наукой и искусством и утверждать, что, вероятно, мы наблюдаем сейчас возникновение некоего нового вида деятельности, несущего в себе черты науки и искусства.

К тому же есть надежда, что сайнс-арт поможет углубить наше понимание и науки и искусства, их сущности и роли в жизни человека и социальной действительности, в человеческом творчестве и совершенствовании личности. Что же касается декларируемой гармонии науки и искусства, то она будет переживаться и учеными и художниками как процесс движения к синтезу пределов и беспредельного и достижения новых соответствий внешнего и внутреннего.

Список литературы

- Аллегория 2021 — Аллегория [Электронный ресурс] / В. П. Шестаков, И. К. Игнатьева, М. Б. Хомяков и др. // Центр гуманитарных технологий. 17.10.2021. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7325> (дата обращения: 18.04.2022).
- Бахтин 2003 — Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2003. 958 с.
- Киселева, Фукс 2015 — Киселева О., Фукс Н. Science-art: наука или искусство — нужно подчеркнуть [Электронный ресурс] // Strelka Mag : сайт. 20.08.2015. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/scienceart> (дата обращения: 18.04.2022).
- Кун 1975 — Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М. : Прогресс, 1975. 288 с.
- Левченко 2014 — Левченко О. Е. Science-art: проблемы терминологии // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 14 (136). С. 155-162.

- Левченко 2016 — *Левченко О. Е.* Освоение природы средствами сайнс-арта: «естественное» и «технологическое»: дис. ... канд. культурологии. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2016. 399 с.
- Лиотар 1998 — *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Называть вещи 1986 — Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX в. / сост. Л. Г. Андреев и др.; под ред. и с предисл. Л. Г. Андреева; коммент. Г. К. Косикова и др. М.: Прогресс, 1986. 640 с.
- Петров 2019 — *Петров К. А.* Феномен биохакинга в контексте эссенциалистских и конструктивистских концепций науки // *Logos et praxies*. 2019. Т. 18. № 4. С. 6–15. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.1.
- Словарный запас 2017 — Словарный запас: что такое сайнс-арт и как ученые помогают художникам [Электронный ресурс] // Рамблер: сайт. 01.06.2017. URL: <https://news.rambler.ru/science/37029565-slovarnyy-zapas-chto-takoe-sayns-art-i-kak-uchenye-pomogayut-hudozhnikam> (дата обращения: 18.04.2022).
- Шкелу 2010 — *Шкелу М. А.* Эстетика безобразного Карла Розенкранца. Киев: Феникс, 2010. 448 с.
- Art on the Nanoscale 2016 — Art on the Nanoscale and Beyond / A. K. Yetisen, A. F. Coskun, G. England et al. // *Advanced Materials*. 2016. Vol. 28. No. 9. P. 1724–1742. DOI: 10.1002/adma.201502382.
- Breidbach 2006 — *Breidbach O.* Visions of Nature: The Art and Science of Ernst Haeckel. Munich: Prestel Verlag, 2006. 299 p.
- Fisher 2019 — *Fisher C.* Auction for a laptop full of malware closes at \$1.3 million (updated) [Electronic resource] // Engadget. 27.05.2019. URL: <https://www.engadget.com/2019-05-27-persistence-of-chaos-malware-laptop-auction.html> (access date: 18.04.2022).
- Gieryn 1983 — *Gieryn Th. F.* Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 6. P. 781–795.

References

- Andreev, L. G. et al. (eds) (1986), *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: programnye vystupleniya masterov zapadno-evropeiskoi literatury XX veka* [Call a spade a spade: program performances by masters of Western European literature of the 20th century], Progress, Moscow, 640 p. (in Russian).
- Bakhtin, M. M. (2003), "On the Methodology of the Aesthetics of Verbal Creation", in Bakhtin, M. M., *Sobranie sochineniy, v 7 tomakh. Tom 1* [Collected Works, in 7 vols, Vol. 1], Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, 958 p. (in Russian).
- Breidbach, O. (2006), *Visions of Nature: The Art and Science of Ernst Haeckel*, Prestel Verlag, Munich, 299 p.
- Fisher, C. (2019), "Auction for a laptop full of malware closes at \$1.3 million (updated)", *Engadget*, 27 May, available at: <https://www.engadget.com/2019-05-27-persistence-of-chaos-malware-laptop-auction.html> (accessed 18 April 2022).
- Gieryn, Th. F. (1983), "Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists", *American Sociological Review*, vol. 48, no. 6, pp. 781–795.
- Kiseleva, O. and Fuks, N. (2015), "Science-art: science or art — it is necessary to underline", *Strelka Mag*, 20 August, available at: <https://strelkamag.com/ru/article/scienceart> (accessed 18 April 2022) (in Russian).
- Kuhn, T. (1975), *The structure of scientific revolutions*, translated by Naletov, I. Z., Progress, Moscow, 288 p. (in Russian).
- Levchenko, O. E. (2014), "Science-art: problems of terminology", *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, no. 14 (136), pp. 155–162 (in Russian).
- Levchenko, O. E. (2016), *Osvoenie prirody sredstvami sains-arta: «estestvennoe» i «tehnologicheskoe»* [Mastering nature by means of science art: "natural" and "technological"], Ph.D. Thesis, Russian State University for the Humanities, Moscow, 399 p. (in Russian).

- Lyotard, J.-F. (1998), *La condition postmoderne*, translated by Shmatko, N. A., Institute of Experimental Sociology, Moscow, Aleteiya, Saint Petersburg, 160 p. (in Russian).
- Petrov, K. A. (2019), “Biohacking Phenomenon in the Context of Essentialist and Constructivist Conceptions of Science”, *Logos et praxies*, vol. 18, no. 4, pp. 6–15 (in Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.1.
- Shestakov, V. P., Ignat'eva, I. K., Khomyakov, M. B. and Simonov, A. I. (2021), “Allegory”, *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*, available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7325> (accessed 18 April 2022) (in Russian).
- Shkepu, M. A. (2010), *Eстетика bezobraznogo Karla Rozenkrantsa* [Aesthetic of Ugliness by Karl Rosencrantz], Feniks, Kyiv, 448 p. (in Russian).
- “Vocabulary: what is science art and how scientists help artists” (2017), *Rambler*, 1 June, available at: <https://news.rambler.ru/science/37029565-slovarnyu-zapas-chto-takoe-sayns-art-i-kak-uchenye-pomogayut-hudozhnikam> (accessed 18 April 2022) (in Russian).
- Yetisen, A. K., Coskun, A. F., England, G., Cho, S., Butt, H., Hurwitz, J. et al. (2016), “Art on the Nanoscale and Beyond”, *Advanced Materials*, vol. 28, no. 9, pp. 1724–1742. DOI: 10.1002/adma.201502382.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 2.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 11.07.2022

Информация об авторе

Богомяков Владимир Геннадьевич
доктор философских наук, профессор
Тюменский государственный университет
625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23
E-mail: boga2010@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-8128-3246

Information about the author

Bogomyakov, Vladimir Gennad'evich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Tyumen State University
23 Lenin St., Tyumen, 625003 Russia
E-mail: boga2010@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0002-8128-3246

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.024

УДК 316.334.22(571.12)

СЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Н. Г. Хайруллина

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются оценки сельского населения юга Тюменской области условий труда, жизни в современной социально-экономической ситуации в стране. В основу легли данные мониторинговых исследований, проведенных на юге Тюменской области с 2014 года под эгидой комитета по делам национальностей администрации Тюменской области, а также онлайн-опроса, проведенного в 2021 году среди сельских жителей области. Отмечено, что за последние десятилетия в целом российское сельское хозяйство пришло в упадок, закрылись крупные сельскохозяйственные предприятия и комплексы, о чем с тревогой постоянно говорят фермеры, крестьяне, экономисты, депутаты муниципального и регионального уровня. Так, за последние 20 лет закрылись крупные селообразующие предприятия на юге Тюменской области. На основании результатов исследования показано, что актуальной задачей является возрождение многих предприятий, организаций, которые прежде работали в сельских поселениях, предоставление возможности молодежи реализовать знания, умения на малой родине, не уезжая в крупные города области. Выявлена тенденция к постоянному улучшению инфраструктуры в селах юга Тюменской области. Выявлены условия, при которых молодежь может остаться на селе. Для этого необходимо создать

рабочие места, открыть культурно-досуговые заведения, филиалы учебных заведений в ближайшем городе, ускорить развитие дорожной инфраструктуры и открыть фельдшерские пункты. Делается вывод, что социально-экономическая ситуация в сельских поселениях требует объединения усилий региональной, местной власти, общественности в решении актуальных вопросов развития всех отраслей сельского хозяйства, дальнейшего совершенствования качества работы учреждений образования, культуры, строительства новых дорог.

Ключевые слова: социологический мониторинг, социально-экономическая ситуация, пандемия, сельские жители, социальные проблемы, материальное положение, главы поселений.

Для цитирования: Хайруллина Н. Г. Сельское сообщество о социально-экономической ситуации в современных условиях // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 204–214. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.024

THE RURAL COMMUNITY ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN MODERN CONDITIONS

N. G. Khairullina

Tyumen Industrial University
Tyumen, Russia

Abstract: The article discusses how of the rural population in the south of the Tyumen region assess working and living conditions in the current socio-political situation. The data of the author's monitoring studies conducted in the south of the Tyumen region since 2014 under the auspices of the Committee on Nationalities Affairs of the Administration of the Tyumen region, as well as an online survey conducted in 2021 through the Google Forms online service among rural residents of the region, formed the base. The author notes that over the past decades, in general, Russian agriculture has fallen into decline, large agricultural enterprises and complexes have closed, and farmers, peasants, economists, deputies of the municipal and regional levels are talking about it with concern. So over the past 20 years, large village-forming enterprises in the south of the Tyumen region have closed. Based on the results of the study, the author demonstrates that the urgent task is to revive many enterprises, organizations that previously worked in rural settlements, providing an opportunity for young people to realize knowledge and skills in their small homeland, without leaving for the major cities of the region. The tendency to continuous improvement of infrastructure in the villages of the south of the Tyumen region is revealed. The conditions under which young people can stay in the countryside are indicated. To achieve this

goal, it is necessary to create jobs, open cultural and leisure institutions, branches of educational institutions in the nearest city, accelerate the development of road infrastructure and open paramedic stations. The author concludes that the socio-economic situation in rural settlements requires the joint efforts of regional, local authorities, and the public in solving topical issues of the development of all branches of agriculture, further improving the quality of work of educational and cultural institutions, culture, and the construction of new roads.

Keywords: sociological monitoring, socio-political situation, pandemic, rural residents, social problems, financial situation, heads of settlements

For citation: Khairullina, N. G. (2022), "The Rural Community on the Socio-economic Situation in Modern Conditions", *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 204–214 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.024

Постановка проблемы

Современная социально-экономическая ситуация в российском обществе обусловлена влиянием политических, социальных факторов, действующих три десятилетия. Состояние и динамика настроений россиян зависят во многом от внешней и внутренней экономической политики государства, на которую оказывают влияние в последние годы международные санкции, введенные западными странами, начиная с 2014 года. К тому же в начале 2020 года весь мир столкнулся с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. За два года карантинных мероприятий коренным образом изменились смысложизненные ценности населения планеты, в первую очередь актуализировалась ценность собственного здоровья и здоровья родных и близких людей. Оно зависит от многих факторов, включая место проживания, характер и содержание труда, условия быта и отдыха. Они существенно отличаются у жителей городов и села.

Анализ научных работ по сельской тематике показывает, что чаще всего затрагиваются проблемы кризиса на селе, отсутствия работы, низких заработных плат, оттока молодежи, тяжелых условий жизни на селе [Заседателева 2018; Фарахутдинов 2017; Хайруллина 2020]. Эти проблемы в связаны, в частности, с тем, что с 1990 по 2000 год на сельском пространстве юга Тюменской области под влиянием комплекса географических и социально-экономических факторов возникли различные хозяйственные уклады, вызванные появлением кооперативов, фермерских хозяйств, других крупных хозяйственных объединений [Фарахутдинов 2016; Шелудков, Рассказов, Фарахутдинов 2016].

Анализ положения сельской молодежи представлен в работе М. Н. Мухановой, отмечающей, что в структуре занятости сельской молодежи велика доля безработных [Муханова 2015]. В региональных исследованиях изучаются

формы занятости сельской молодежи, удовлетворенность жизнью, роль образования в жизненных стратегиях сельской молодежи и др. [Фарахутдинов 2017; Хайруллина 2020]. Нусхаева Н. Н. охарактеризовала социально-демографический портрет сельской молодежи Астраханской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия. В ходе анализа выявлено сокращение численности сельской молодежи, изменение возрастной структуры сельской молодежи, высокая потенциальная миграция молодежи [Нусхаева 2019].

Государство уделяет больше внимания проблемам села, принимаются социальные программы (земский учитель, земский врач, строятся ФАПы и др.), особенно это стало заметно после введения санкций по отношению к России после присоединения Крыма. Жители указывают на благоустройство: асфальтируются дороги, проводится газ, налаживается связь [Фарахутдинов 2017; Хайруллина 2020]. Однако сохраняются многие проблемы, требующие решения совместными усилиями федеральной, региональной, муниципальной власти.

Результаты исследований

Проводимые нами с 2014 года мониторинговые исследования в сельских поселениях юга Тюменской области показывают, что в 2020–2021 годах уровень тревожности сознания сельских жителей за собственное материальное благополучие находился на довольно высоком уровне. За годы пандемии произошло заметное повышение цен на продовольственные товары и предметы первой необходимости. Сельское сообщество обеспокоено маленькими зарплатами и пенсиями, отсутствием работы в сельской местности, качеством дорог (чаще их отсутствием), воды, связи и проч. Несмотря на трудности материального положения, мы выявили снижение противоречий между людьми разных национальностей, между верующими и неверующими, верующими различных конфессий.

Для выявления оценки социально-экономической ситуации, возникшей в сельских поселениях в конце 2021 года, был проведен онлайн-опрос, в котором приняли участие 720 человек (42 % опрошенных составили мужчины, 58 % — женщины). Треть опрошенных — сельские жители в возрасте от 31 до 40 лет, такое же количество составили респонденты в возрасте от 41 до 50 лет. Каждый пятый достиг возраста 51–60 лет, остальные — 61 года и старше (6 %). Как правило, пенсионеры принимают активное участие, их число достигает 20–30 % в зависимости от населенного пункта.

Молодежь возрастной категории от 21 года до 30 лет составила 10 %, от 18 до 20 лет — 3 %. Незначительный охват данной категории можно объяснить тем, что молодежь в момент опроса училась в колледжах близлежащих провинциальных городов или в вузах областного центра. Молодые люди, которые

уже трудятся, из-за отсутствия рабочих мест в сельских поселениях вынуждены ежедневно в маятниковом режиме добираться до работы в близлежащие города. Мужчины работают на Тюменском Севере вахтовым методом, женщины уезжают в Тюмень, где найти работу легче [Пашинина, Ручин 2017]

Среди опрошенных каждый второй отнес себя к категории квалифицированных рабочих, каждый десятый — неквалифицированных рабочих. Каждый четвертый — служащие, работники административных органов, 12,5 % — пенсионеры (работающих оказалось 8,5 %, неработающих 4%). Материальное положение характеризуется тем, что чуть более половины респондентов имеют автомобиль или трактор (54,9 %). У 42,1 % есть подсобное хозяйство, 33 % назвали дополнительное недвижимое имущество — земельные участки или квартиру. Каждый четвертый указал на отсутствие какой-либо собственности.

Рассмотрим оценки респондентов, характеризующие состояние социальной инфраструктуры сельских поселений. Анализ ответов показал, что в большинстве сельских поселений налажена и функционирует система водоснабжения, работают школы, клубы, библиотеки, продовольственные магазины. 84 % респондентов отметили наличие асфальтированной дороги, 66 % — центрального отопления, стадиона, мест отдыха, детских площадок. О наличии в сельском поселении магазинов заявили 97 %, общеобразовательной школы — 88%, медицинского пункта — 86%, почты — 85 %, физкультурно-оздоровительного комплекса и спортивной площадки — 64,6 %, учреждения дополнительного образования для развития детей и подростков — 56,7 %. Станции технического обслуживания функционируют в половине сельских поселений. В девяти из десяти поселений есть клубы. При этом менее половины участников опроса отметили, что налажена система водоотведения и действует сельский совет.

Оценивая удовлетворенность состоянием социальной инфраструктуры сельского поселения, каждый второй респондент ответил положительно: вполне удовлетворены 27 % опрошенных, по большей части удовлетворены 23 %. Каждый третий только частично, полностью не удовлетворены 14 % опрошенных, а 2 % заявили, что инфраструктура вообще отсутствует.

Остроту проблем своего населенного пункта респонденты могли оценить, когда им предложили по пятибалльной системе выделить восемь сфер жизнедеятельности, в которых они испытывают трудности. Максимальный балл был дан той, где они наивысшие.

Как видно из представленных в табл. 1 данных и как было отмечено выше, на сегодняшний день наиболее острой является проблема занятости сельского населения. Следующей названа проблема благоустройства сельского поселения, а также отсутствие мест отдыха.

Таблица 1. Оценка остроты существующих проблем своего поселения, %
Table 1. Assessment of the severity of the existing problems of their settlement, %

Проблема	Баллы				
	1	2	3	4	5
Занятость	20	21	40	30	49
Благоустройство	21	22	53	47	18
Развитие инфраструктуры	27	26	55	33	19
Жилищный фонд	36	41	61	21	21
Социальные услуги	31	33	47	31	19
Транспортное сообщение	39	39	35	33	20
Наличие мест отдыха	34	35	31	27	36
Уровень преступности	56	39	38	17	11

Кто, по мнению опрошенных, может помочь улучшить сельскую жизнь? Только 5 % участников опроса возлагают надежды на правительство России. Большинство сельского сообщества (55 %) понимает, что помощь в благоустройстве зависит, в первую очередь, от администрации конкретного муниципального района. Каждый пятый возлагает надежды на администрацию своего поселения. Такое же число участников опроса заявили, что благоустроенность зависит от совместных усилий сельских жителей.

Однако только 20 % ответили, что готовы принять личное участие в улучшении благоустройства своего села, 13,5 % заявили, что не желают участвовать в решении вопросов, затрагивающих функционирование и развитие сельского поселения — этим должна заниматься администрация. Наличие устойчивой пассивной позиции при решении задач улучшения инфраструктуры выражается в том, что около половины участников опроса признались, что вообще не принимают участия в общественной жизни поселения. Треть респондентов заявили, что по месту работы представлены в разных общественных организациях, занимающихся отдельными задачами функционирования учреждений образования, здравоохранения, культуры. Каждый четвертый приходит на встречи с главой сельского совета.

Для более полного раскрытия проблемы активности населения в решении актуальных проблем развития своего поселения обратимся к данным наших мониторинговых исследований. Согласно многолетним исследованиям, две трети участников опросов до 2020 года не принимали участия в общественной и политической жизни своего поселения, в 2020–2021 годах их число увеличилось и составило три четверти сельчан [Заседателява 2018; Хайруллина, Егоров, Ковров 2020]. На это оказала влияние пандемия коронавирусной инфекции, из-за которой отменялись спортивные, культурно-массовые мероприятия

не только по всей стране. Наиболее распространенными формами общественно-политической активности стало участие в проведении избирательной кампании (сбор подписей, агитация, работа на избирательном участке), сбор средств и вещей для людей, попавших в тяжелое положение. В частности, многие сельские жители собирают вещи, игрушки, предметы первой жизненной необходимости тем, кто проживает в ДНР и ЛНР.

Менее распространенными формами личного включения в развитие сельских поселений остается участие в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в стране, регионе или населенном пункте, в деятельности общественных организаций (правозащитных, благотворительных, экологических и т. д.). В период пандемии актуализировалось волонтерское движение [Хайруллина, Ковров, Кинчагулова 2021].

Общественная активность людей в значительной мере зависит от того, насколько они удовлетворены своим материальным положением. Оно на селе прямо зависит от производственной базы. Исследования показали, что на юге Тюменской области развиты практически все основные виды крестьянского труда. Заготовка зерна и сена производится в 70 % населенных пунктов, молочным хозяйством занимаются в 53 % сельских поселениях. Жители разводят коров, коз, лошадей, кур, гусей и т. п. В 37,8 % сел активно развивается рыболовство, в 36 % — выращивают крупный рогатый скот, свиней, кроликов. Каждый пятый занимается собирательством ягод, грибов, трав, лесозаготовительным производством. Кроме того, в некоторых населенных пунктах жители выращивают фрукты, овощи, содержат пасеки, перерабатывают шерсть овец.

Однако следует отметить, что за последние десятилетия в целом российское сельское хозяйство пришло в упадок, закрылись крупные сельскохозяйственные предприятия и комплексы, о чем с тревогой постоянно говорят фермеры, крестьяне, экономисты, депутаты муниципального и регионального уровня. За последние 20 лет закрылись крупные селообразующие предприятия на юге Тюменской области, например, в Бердюжском муниципальном районе прекратили работу рыбозавод, ООО «Молоко», хлебобулочный завод, предприятия по ремонту сельхозтехники, ковровая фабрика, кирпичный завод, пекарня, ООО «Бердюжье агрострой», свиноферма, маслозавод, коровник, сырокомбинат и др.

На вопрос, какие направления можно восстановить или организовать в сельском поселении, две трети опрошенных назвали сельскохозяйственное производство. Каждый второй подчеркнул необходимость возрождения мясного и молочного производства, каждый третий — рыболовства, заготовку зерна и сена, каждый шестой — лесозаготовительное производство и пчеловодство.

Заккрытие этих производств является главной причиной роста безработицы на селе. Три четверти респондентов на вопрос о наличии работы для молодежи на селе ответили отрицательно. Только один из пяти участников опроса ответил, что возможность работать на селе есть. На вопрос, остаются

ли молодые люди жить на селе, практически все участники опроса ответили, что они вынуждены искать работу в городах.

Мы выяснили, при каких условиях молодежь может остаться на селе. Все участники опроса считают, что необходимо создать рабочие места, более трети опрошенных предлагает открыть культурно-досуговые заведения, каждый четвертый — филиалы учебных заведений в ближайшем городе. Каждый десятый предлагают ускорить развитие дорожной инфраструктуры и открыть фельдшерские пункты.

Кроме проблемы трудоустройства молодежи, респонденты назвали важной задачей преодоление алкоголизации сельского населения. Три четверти участников опроса акцентировали внимание на данной проблеме. Однако четверть опрошенных признались, что она существует, но не стоит ее преувеличивать.

В решение выявленных в ходе исследования сложных вопросов улучшения жизни на селе ведущая роль принадлежит местной власти, главам и администрации сельских советов. Оказалось, что не во всех населенных пунктах есть такой орган управления. Это связано со сложившейся структурой района: небольшие поселения организационно подчиняются главе более крупного сельского образования. Мнения респондентов об их деятельности оказалось противоречивым.

Таблица 2. Оценка работы главы сельского поселения, %
Table 2. Assessment of the work of the head of the rural settlement, %

Направление деятельности	1 (отсутствует)	2 (плохо)	3 (удовлетворительно)	4 (хорошо)	5 (отлично)
Общение с жителями	18	22	43	50	29
Работа с обращениями	12	29	48	45	30
Проведение поселковых праздников	8	23	35	50	45
Содержание общего имущества	10	22	51	53	25
Чистота на поселковых улицах	8	21	50	54	30
Уровень организации коммунальных услуг	9	33	47	50	24
Помощь семьям в улучшении жилищных условий	21	30	48	44	19

С одной стороны, наивысшую оценку получили такие направления деятельности глав сельских поселений, как проведение поселковых праздников, работа с обращениями сельчан. С другой стороны, руководители не организуют помощь семьям в улучшении жилищных условий, неэффективно контролируют работу коммунальных служб, редко общаются с жителями.

В целом только один из десяти опрошенных поставил отличную оценку деятельности органов власти сельского поселения, каждый четвертый оценил на «хорошо», 40 % участников опроса на «удовлетворительно». При этом каждый десятый респондент признал работу плохой, столько же заявили, что сотрудники администраций работают лишь на себя и ближайших родственников.

По мнению 75 % респондентов, глава сельского поселения в первую очередь должен проявлять компетентность во всех направлениях деятельности; 49 % — считают, что он обязан проявлять интерес к проблемам жителей и оперативно принимать эффективные решения при возникновении просьб, поступающих от сельчан; 30 % опрошенных выделили качества, которыми должен обладать достойный руководитель: доброжелательность, стрессоустойчивость, умение налаживать контакт с людьми, уверенное принятие решений, умение слушать и помогать каждому, находить финансирование, организовывать досуг сельчан.

Заключение

Мониторинговые исследования, проводимые нами в течение восьми лет, показали, что ситуация с условиями жизни на селе меняется к лучшему, но медленно. Отсутствует активность органов региональной и муниципальной власти в возрождении производств, которые прежде обеспечивали рабочие места для молодежи. Пока основной рабочей силой являются представители среднего и старшего возраста. В условиях возрастания санкций стран Запада с марта 2022 года начался активный переход на импортозамещение, которое следует внедрять не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Потенциал для этого пока существует, но нужно привлекать людей работать и жить на селе использованием новейшей техники на разных видах производства, экологическими условиями, повышением качества жилья, дорогами, наличием учреждений культуры, отдыха. В целом результаты исследования позволяют сформулировать вывод о важности ускорения темпов социально-экономических преобразований в сельских поселениях юга Тюменской области, привлекая для этого активную часть жителей, стремящихся улучшить условия труда, быта, отдыха в сотрудничестве с администрацией сельских поселений.

Список литературы

- Заседателева 2018 — *Заседателева Е. И.* Образование как жизненная стратегия сельской молодежи // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 26–28.

- Муханова 2015 — Муханова М. Н. Сельская молодежь России: настоящее и будущее // Россия и современный мир. 2015. № 3 (88). С. 26–42.
- Нусхаева 2019 — Нусхаева Б. Б. Сельская молодежь: региональные тенденции и проблемы // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 5. № 4 / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М. : Экон-Информ, 2019. С. 284–287.
- Пашина, Ручин 2017 — Пашина Е. И., Ручин А. В. Нестандартные формы занятости молодежи в системе стратифицирующих факторов сельской местности // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 1. С. 97–104. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-1-97-104.
- Фарахутдинов 2016 — Фарахутдинов Ш. Ф. Современная сельская молодежь: в поисках исследовательских подходов // Биосферное хозяйство и устойчивое развитие сельских территорий : сборник материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 10–12 ноября 2016 года) / редкол.: А. В. Винобер, В. Н. Моложников, Т. М. Красовская и др. Иркутск : Оттиск, 2016. С. 38–42.
- Фарахутдинов 2017 — Фарахутдинов Ш. Ф. Удовлетворенность жизнью сельской молодежи в Западно-Сибирском регионе России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 233–250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.13.
- Хайруллина 2020 — Хайруллина Н. Г. Социальное самочувствие тюменцев в условиях распространения коронавирусной инфекции // Нефть и газ: технологии и инновации : материалы Национальной науч.-практ. конференции : в 3 т. Т. 1. / отв. ред. Н. В. Гумерова. Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2020. С. 221–224.
- Хайруллина, Егоров, Ковров 2020 — Хайруллина Н. Г., Егоров А. Л., Ковров В. Ф. Влияние пандемии коронавируса на социальное пространство студентов // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 382–383. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-8-147-382-383.
- Хайруллина, Ковров, Кинчагулова 2021 — Хайруллина Н. Г., Ковров В. Ф., Кинчагулова М. В. Влияние пандемии на общественно-политическую ситуацию: оценки сельских жителей // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 471–472. DOI: 10.46320/2073-4506-2021-7-158-471-472.
- Шелудков, Рассказов, Фарахутдинов 2016 — Шелудков А. В., Рассказов С. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть : монография. М. : Страна ОЗ, 2016. 184 с.

References

- Farakhutdinov, Sh. F. (2016), “Modern rural youth: in search of research approaches”, in Vinober, A. V., Molozhnikov, V. N., Krasovskaya, T. M., Yantser, O. V., Leont’ev, D. F., Nikiforov, A. P. et al. (eds), *Biosfernoe khozyaistvo i ustoichivoe razvitie sel’skikh territorii, sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Irkutsk, 10–12 noyabrya 2016)* [Biosphere economy and sustainable development of rural areas, Collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference], Ottisk, Irkutsk, pp. 38–42 (in Russian).
- Farakhutdinov, Sh. F. (2017), “Life Satisfaction among Russian Young People in Rural Areas of the West Siberia”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5 (141), pp. 233–250 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.13.
- Khairullina, N. G. (2020), “Social well-being of Tyumen residents in conditions of the spread of coronavirus infection”, in Gumerova, N. V. (ed.), *Neft’ i gaz: tekhnologii i innovatsii, materialy Natsional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 3 tomakh. Tom 1* [Oil and gas: technologies and innovations. Materials of the National Scientific and Practical Conference, in 3 vols, Vol. 1], Tyumen Industrial University, Tyumen, pp. 221–224 (in Russian).
- Khairullina, N. G., Egorov, A. L. and Kovrov, V. F. (2020), “Impact of the Coronavirus Pandemic on Students’ Social Space”, *Eurasian Law Journal*, no. 8 (147), pp. 382–383 (in Russian). DOI: 10.46320/2073-4506-2020-8-147-382-383.

- Khairullina, N. G., Kovrov, V. F. and Kinchagulova, M. V. (2021), "Pandemic Influence on Social and Political Situation: Rural Residents Assessments", *Eurasian Law Journal*, no. 7 (158), pp. 471–472 (in Russian). DOI: 10.46320/2073-4506-2021-7-158-471-472.
- Mukhanova, M. N. (2015), "The Rural Youth in Russia: The Present and the Future", *Russia and the Contemporary World*, no. 3 (88), pp. 26–42 (in Russian).
- Nushaeva, B. B. (2019), "Rural youth: regional trends and problems", in Ryazantsev, S. V. and Rostovskaya, T. K. (eds), *Natsional'nye demograficheskie priority: podkhody i mery realizatsii. Seriya «Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika». Tom 5. № 2* [The National Demographic Priorities: Approaches and Measures of Realization. Series "Demography. Sociology. Economy", vol. 5, no. 2], Econ-Inform, Moscow, pp. 284–287 (in Russian).
- Pashinina, E. I. and Ruchin, A. V. (2017), "Non-Standard Employment Practices of Youth in the System of Stratifying Factors of Rural Areas", *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, vol. 17, no. 1, pp. 97–104 (in Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2017-1-97-104.
- Sheludkov, A. V., Rasskazov, S. V. and Farakhutdinov, Sh. F. (2016), *Sel'skie munitsipaliteti yuga Tyumenskoi oblasti: prostranstvo, statistika, vlast'* [Rural municipalities in the south of the Tyumen region: space, statistics, power], Strana OZ, Moscow, 184 p. (in Russian).
- Zasedateleva, E. I. (2018), "Education as a life strategy of rural youth", *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*, no. 3 (20), pp. 26–28 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 24.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 11.07.2022

Информация об авторе

Хайруллина Нурсафа Гафуровна
доктор социологических наук, профессор
Тюменский индустриальный университет
625000, Россия, Тюмень,
ул. Володарского, 38
E-mail: nursafa@inbox.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-7290-3290

Information about author

Khairullina, Nursafa Gafurovna
D. Sci. (Sociology), Professor
Tyumen Industrial University
38 Volodarskii St., Tyumen, 625000 Russia
E-mail: nursafa@inbox.ru
Author's ORCID: 0000-0001-7290-3290

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.025
УДК 378.1[470+510]

АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПЕРИОД ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Е. А. Беляева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Процессы всемирной глобализации ведут к постоянному росту мобильности. Меняющееся общество уже давно перестало быть закрытой и ограниченной системой национальных государств. Целью данного исследования является определение условий социальной адаптации студентов в поликультурной среде в период дистанционного обучения. Актуализируется проблема поиска концепции, обеспечивающей адаптивность и устойчивость личности, способной успешно развиваться и взаимодействовать в мультикультурном пространстве российского вуза. Была проведена серия социологических исследований, посвященных проблемам взаимодействия российских и китайских студентов в образовательном пространстве вузов. В 2016 году был реализован проект «Российско-китайский диалог: путь навстречу друг другу» в рамках Программы развития деятельности студенческих объединений при поддержке Минобрнауки РФ 2016-ПСО-94 с нашим участием. Был проведен опрос среди китайских и российских студентов трех вузов Екатеринбурга (в опросе приняли участие 500 российских и 500 китайских студентов). В 2019–2020 годах был проведен опрос по вузам России по авторской методике матрицы четырех оснований (500 китайских студентов). География исследования включала ведущие вузы Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Челябинска. Полученные данные и согласование выводов с рядом исследований предусматривают необходимость изучения проблемы создания системы подготовки педагогических кадров мультикультурного образования для обеспечения дистанционного обучения.

Ключевые слова: адаптация, поликультурная среда, российско-китайское взаимодействие, образовательный процесс, образовательное пространство.

Для цитирования: Беляева Е. А. Адаптация китайских студентов в поликультурной среде российской высшей школы в период дистанционного обучения // Koinon. 2022. Т. 3. № 2. С. 215–226. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.025

ADAPTATION OF CHINESE STUDENTS IN THE MULTICULTURAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION IN THE PERIOD OF DISTANCE LEARNING

E. A. Belyaeva

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The processes of globalization lead to a constant increase in mobility. The changing society has long ceased to be a closed and limited system of nation-states. The aim of the research is to determine the conditions of social adaptation of students in multicultural environment in the period of distance learning. The problem of finding the concept that provides adaptability and sustainability of the personality, capable of successful development and interaction in the multicultural space of the Russian university is actualized. A series of sociological studies on the problems of interaction between Russian and Chinese students in the educational space of universities was conducted. In 2016, the project «Russian-Chinese dialogue: the way to meet each other» was implemented within the Program of development of student associations' activities supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation 2016-PSO-94 with our participation. A survey involved Chinese and Russian students from three universities in Yekaterinburg (500 Russian and 500 Chinese students participated in the survey). In 2019-2020 a survey was carried out among Russian universities according to the author's methodology of the matrix of four bases (500 Chinese students). In 2020, we dealt with 2 focus groups with Chinese students. and administered in-depth interviews with Chinese professionals who graduated from Russian higher education (50 Chinese graduates of Russian universities). The geography of the research included the leading universities of Moscow, Yekaterinburg, Tyumen, Chelyabinsk. The obtained data and coordination of the conclusions with a number of studies require creating a system for training multicultural educators to provide distance learning.

Key words: adaptation, multicultural environment, Russian-Chinese interaction, educational process, education space.

For citation: Belyaeva, E. A. (2022), "Adaptation of Chinese Students in the Multicultural Environment of Russian Higher Education in the Period of Distance Learning", *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 215-226 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.025

Введение

Современная эпоха всемирной глобализации характеризуется ростом значимости межкультурного феномена. Адаптация к новым культурам является трудным и стрессовым процессом [Чже Цонкапа 2015], что предопределяет повышенное внимание образовательной сферы к вопросу интернационализации, направленной на развитие межкультурной и международной мобильности студентов вузов [Фен Юйцзюнь 2007]. Среда обучения и преподавания должна быть организована с учетом мультикультурного образования. Университеты, включающие в систему образования социальные программы, которые ориентированы на адаптацию личности в поликультурной среде, способствуют развитию у студентов международного понимания и межкультурных навыков, «которые готовят учащихся к активному участию в гораздо более глобальном мире» [Фурсова 2006, с. 67].

Повсеместно распространяющийся непрерывный процесс развития информационно-коммуникативных технологий обуславливает их проникновение во все области жизни современного человека. Исключением не стала и сфера преподавания и обучения [Смирнова 2016]. Поколение XXI века растет в эпоху цифровизации, особенности мышления и восприятия молодежи существенным образом отличаются от предшествующих поколений. Большое количество информации молодежь получает через интернет, это формирует новый тип личности, поэтому игнорировать этот фактор невозможно. Исследователи указывают, что вопрос адаптации учащихся в поликультурной среде нуждается в дальнейшей проработке в свете технологических достижений в глобально связанном мире [Торкунов 2012] значительного международного потенциала для обмена информацией через социальные сети; массовых открытых онлайн-курсов (МООС); роста числа моделей дистанционного обучения [Тарабаева 2009]. В настоящее время студенты все больше выбирают программу не очного, а дистанционного обучения в вузе. Особенно актуализировался вопрос о необходимости переосмысления программ дистанционного обучения в период пандемии COVID-19.

В стремительно глобализирующемся мире границы между странами «стираются», люди из разных культур активно взаимодействуют, расширяя возможности общения. Как и любая другая область, образование также претерпевает процесс глобализации. Сегодня студенты и педагоги без ограничений участвуют во всемирной образовательной деятельности. Это требует позитивного отношения к концепции поликультурного образования, которое определяется как уважение и терпимость по отношению к разным культурам [Сухова 2013, с. 18–19]. Согласно некоторым исследованиям, проведенным по этой теме в ряде стран, поликультурное образование еще не до конца осмыслено, оно понимается как проблема, ограниченная этнической принадлежностью

[Суровов 1999, с. 9–11]. Мультикультурализм, где признается культурное и расовое разнообразие, а культурные различия считаются богатыми, можно рассматривать как идеальную систему для каждой культуры и цивилизации, поскольку она основана на равенстве и уважении [Добренкова 2007]. В этой концепции каждая культура ценна, культуры не сравниваются, каждая из них рассматривается как отдельная с собственными условиями. Поликультурное образование — подход, направленный на обучение свободомыслящих личностей, задающих вопросы, признающих свою культуру, самокритичных и уважающих различия мышления и образа жизни [Смирнова 2016].

В ряде работ представлены результаты исследований, свидетельствующие о низком уровне межкультурного взаимодействия между студентами; авторы пришли к выводу, что аккультурация является одной из наиболее серьезных проблем в международном образовании [Скотт 2000]. Мультикультурная политика в образовательных учреждениях сокращает разрыв в принадлежности и академической успеваемости между учащимися. Социокультурная адаптация в основном оценивается на основе адаптации к жизненной среде, межличностной адаптации и адаптации воспринимаемых ценностей. Аспекты включают сознание культурных ценностей, способность справляться с проблемами, устанавливать и поддерживать отношения с социумом [Чже Цонкапа 2015].

Адаптация в межкультурной среде — сложный процесс, в котором задействованы различные влияющие на аккультурацию факторы, паттерны которых могут различаться. Тем не менее выделяют среди них и общие — демографические характеристики студентов, такие как пол, возраст, образование, семейное положение, а также то, учатся они за границей или нет. Основными преимуществами поликультурного образования является: потенциал для развития межкультурных компетенций и подготовки студентов к профессиональной реализации в глобальной среде; положительное влияние на межличностные отношения в условиях интернационализации современного общества [Русанов 2009].

Показатели адаптивности объединяют в две большие группы: внешние, или объективные, и внутренние, или субъективные. Внешние индикаторы отражают соответствие поведения человека нормативным параметрам социальной системы. Результат адаптации в этом случае интерпретируется как достижение внешнего благополучия через заданную систему поведения. Внутренние показатели адаптивности отражают общее психическое состояние, чувство комфорта и удовлетворенности личности. Сочетание внешних и внутренних показателей, потребностей личной и социальной системы — основная задача процесса социальной адаптации [Wu Guoguang 2007].

В работе А. Р. Аликберовой описывается недостаток внимания исследователей к тому, как программы дистанционного обучения могут помочь студентам из разных стран в вопросе поликультурного многообразия и социальной

адаптации с учетом их нетрадиционных способов обучения. Затрагивается вопрос беспокойства педагогов о потенциальной проблеме безопасного интерактивного пространства из-за отсутствия личного контакта со студентами [Аликберова 2014]. Указанные предпосылки обусловили актуальность и необходимость дополнительных исследований с целью изучения феномена социальной адаптации китайских студентов в поликультурной среде в период дистанционного обучения.

Методы исследования

Цель исследования — изучить условия социальной адаптации китайских студентов в поликультурной среде в период дистанционного обучения. Исходя из цели были определены задачи исследования.

Оценить уровень социальной адаптации китайских студентов.

1. Разработать и практически апробировать модель социальной адаптации студента в поликультурной среде в условиях дистанционного обучения.

2. Сравнить особенности адаптации в российском и китайском вузах в период дистанционного обучения.

3. Объект исследования — процесс дистанционного обучения в вузе, способствующий социальной адаптации китайских студентов в поликультурной среде.

Была проведена серия социологических исследований, посвященных проблемам взаимодействия российских и китайских студентов в образовательном пространстве вузов. В 2016 году был реализован проект «Российско-китайский диалог: путь навстречу друг другу» в рамках Программы развития деятельности студенческих объединений при поддержке Минобрнауки РФ 2016-ПСО-94 с нашим участием. Был проведен опрос среди китайских и российских студентов трех вузов Екатеринбурга (в опросе приняли участие 500 российских и 500 китайских студентов). В 2019–2020 годах был проведен опрос в вузах России по авторской методике матрицы четырех оснований (500 китайских студентов). География исследования включала ведущие вузы Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Челябинска.

С помощью методики сбора данных на организационно-подготовительном этапе исследования были сконструированы несколько уровней социальной адаптации китайского студента в поликультурной среде: высокий, средний, и низкий. Учащиеся с высоким уровнем социальной адаптации владеют теоретической базой, навыками построения межкультурного взаимодействия с представителями других культур, нормами этикета в различных коммуникативно-речевых поликультурных ситуациях, профессиональными компетенциями. Средний уровень характеризуется отсутствием активной позиции, оперированием недостаточно систематизированными знаниями.

Учащиеся с низким уровнем социальной адаптации владеют неустойчивыми навыками построения межкультурных коммуникаций, личностной мотивации и профессиональных компетенций. Полученные и обработанные результаты анкеты на первом этапе нашего исследования показали следующее. Средний показатель социальной адаптации у китайских студентов экспериментальной группы составил 4,5, у контрольной — 4,9. Можно сделать вывод, что средний уровень исследуемого феномена на начало эксперимента у студентов обеих групп примерно одинаков, различия в показателях незначительны. Из полученных результатов также следует, что уровень социальной адаптации зависит от года обучения (курса) студента, возрастных показателей. Учащиеся первых курсов продемонстрировали наиболее низкие результаты. Поскольку феномен социальной адаптации находится в постоянной динамике развития, формируется в условиях жизненного опыта, то такие результаты можно считать нормой и логичной закономерностью.

С помощью статистической обработки полученных данных анкетирования был установлен средний показатель уровня социальной адаптации респондентов. Количественная и качественная обработка средних показателей дала возможность выявить, что преобладающее большинство студентов продемонстрировали средний и низкий (в экспериментальной группе — 68,4 %, у контрольной группы — 66,6 %) уровень социальной адаптации в поликультурной среде.

Анализ и результаты полученных данных обусловило проведение следующего этапа исследования, который был направлен на выявление специфики адаптации китайских студентов в поликультурной среде в условиях дистанционного обучения.

Результаты и обсуждение

В условиях COVID-19 большинство студентов и преподавателей вузов столкнулись с необходимостью дистанционной работы. Следует отметить, что количество поступающих в российские вузы китайских студентов продолжало оставаться стабильным (по данным интервью с Еленой Емельяновой, директором департамента аналитического сопровождения внешнеэкономической деятельности Минэкономразвития России: «Мы продолжаем активно работать» [Мельникова 2021, с. 8–9]).

Таким образом, китайские студенты-первокурсники в вузах России, поступившие в 2020 году, сразу оказались в вынужденной ситуации удаленного обучения. Повторное анкетирование выявило динамику показателей исследуемого феномена в условиях дистанционного обучения, и на основании анализа полученных результатов (M — среднее значение) мы можем сделать следующие выводы. Средний показатель социальной адаптации студентов контрольной группы по истечении экспериментального срока остался на среднем уровне.

Динамика средних показателей респондентов экспериментальной группы более существенна: первоначальные результаты 4,5, что соответствует среднему уровню, возросли до 7,1 — что соответствует высокому уровню.

Такие результаты свидетельствуют о более высокой эффективности адаптации китайских студентов в условиях дистанционного обучения.

Результаты практического исследования свидетельствуют об интенсивной положительной динамике процесса социальной адаптации китайских студентов в поликультурной среде в условиях дистанционного обучения. Положительная динамика средних показателей, увеличение процентного преобладания высокого и среднего уровней социальной адаптации учащихся экспериментальной группы после практической апробации разработанной программы дает возможность сделать заключение об эффективности и целесообразности технологии дистанционного обучения в современной образовательной среде с целью создания благоприятных условий для социальной адаптации. Наши данные подтверждаются рядом исследований, где описан опыт дистанционного обучения в международном контексте [Arasaratnam 2015]. Авторы утверждают, что, полученные результаты в ходе их работы, в которой приняли участие 1141 респондент, свидетельствуют об эффективности условий межкультурной адаптации в условиях дистанционного обучения. Основываясь почти на 40-летних исследованиях интернационализации [Аликберова 2014], сделан общий вывод, который заключается в том, что местные студенты часто лучше знакомы с местным контекстом, языком и академическими подходами, могут иметь более сильные сетевые структуры для поддержки своих соотечественников [Там же]. Результаты исследования показали, что дистанционное обучение становится более сложным, когда студенты находятся на большем географическом расстоянии по сравнению с принимающим учреждением, что согласуется с выводами других исследователей [Luo Man, Zhang Xiaofang 2021; Xiong Yiying, Zhou Yuchun 2018; Yu Baohua, Wright 2016]. Возможность, предоставленная участникам, учиться в любое время в любом месте с помощью модели дистанционного обучения определила удовлетворенность студентов (92 %) данной формой обучения, что однозначно согласуется с результатами нашего исследования.

В ряде исследовательских работ показано, что дистанционное обучение является более сложным с учетом отдаленного географического расстояния от вуза. При этом результаты свидетельствуют, что студенты, обучающиеся на расстоянии, были относительно хорошо адаптированы в академическом и социальном плане, чем студенты в условиях очной формы обучения. К аналогичным выводам пришли также мы, в результате нашего исследования [Arasaratnam 2015].

Рассмотрим влияние социальных сетей как инструмента дистанционного обучения, мощного информационного ресурса, оказывающего воздействие

на межкультурную адаптацию. Нельзя не обратить внимание на значимость и потенциал соцсетей, которые обеспечивают контекст для межкультурного общения, обмен информацией, взаимодействие независимо от расстояния. Необходимо, чтобы вузы оказывали услуги по продвижению культурного обмена между студентами с целью укрепления дружеских отношений между разными сторонами, установления межкультурных связей с целью расширения сетей социальной поддержки студентов, наши выводы согласуются с другими исследованиями [Forbush, Foucault-Welles 2016].

Факторы, влияющие на социальную адаптацию студентов в поликультурной среде описаны в ряде трудов [Смирнова 2016]. Студенты старшего возраста имеют больше друзей, однако учащиеся первых курсов легче находят контакт с незнакомцами; женщины испытывают и более высокий уровень благополучия, и больше симптомов тревоги и депрессии в процессе социальной адаптации в вузовской среде; отношения между иностранными и местными студентами во время обучения улучшаются, но взаимодействие между ними после окончания учебы практически полностью прекращается. Результаты нашего исследования показали, что фактор гендерного различия не повлиял на процесс социальной адаптации студентов в поликультурной вузовской среде. Респонденты экспериментальной группы указывали на положительные функции и возможности обучения именно в дистанционной форме, выделяя психологический комфорт и большие перспективы коммуникации с носителями чужих культур.

Знание языка — одно из важнейших условий, связанных с лучшей социальной адаптацией и психологическим благополучием в поликультурной среде [Там же]. При этом национальные взаимосвязи страны, международная политика вуза предопределяют положительное отношение и уровень владения языком. Неспособность свободно говорить на языке принимающей стороны является серьезным препятствием для интеграции в национальную культуру, для поддержания социального и психологического благополучия на территории принимающего вуза. Уровень владения английским языком у студентов также положительно коррелирует с их межкультурной психологической, социокультурной и академической адаптацией. Проблема языкового барьера указана (68,4 % респондентов) как основная в процессе адаптации китайских студентов. Отвечая на вопросы анкеты, студенты обозначили свое видение проблем адаптации в поликультурной среде: языковой барьер (68,4 %), психологический барьер (15,9 %) и культурный барьер (15,7 %).

Результаты исследовательской работы показывают, что воспринимаемая социальная поддержка может предотвратить физиологические негативные эффекты болезни, повышает самооценку и самоуверенность, оказывают положительное влияние на социальную адаптацию студентов [Аликберова 2014]. Выводы исследований согласуются с результатами нашей работы.

Одним из факторов успешной социальной адаптации в поликультурной среде является компетентность и заинтересованность педагогов вуза в данном вопросе [Аликберова 2014]. Исследование обнаружило, что педагоги обладали хорошими знаниями, дружелюбным отношением и устойчивыми компетенциями.

В ряде исследовательских работ [Wu Guoguang 2007] показано, что дистанционное обучение является более сложным с учетом нахождения студентов на отдаленном географическом расстоянии от вуза. При этом результаты свидетельствуют, что студенты, обучающиеся на расстоянии, были относительно хорошо адаптированы в академическом и социальном плане, в большей степени, чем студенты в условиях очной формы обучения [Ibid.]. К аналогичным выводам пришли также мы, в результате нашего исследования.

Заключение

Глобализация образовательного процесса привела к тому, что студенты и преподаватели со всей планеты сейчас имеют неограниченную возможность участия во всемирной образовательной деятельности, что продиктовано развитием современных информационно-коммуникативных технологий. Глобальная коммуникация предопределяет позитивное отношение к концепции поликультурного феномена и адаптацию в межкультурной среде. Одним из ключевых приоритетов образования нынешнего века является интернационализация, направленная на развитие осведомленности и формирования навыков и адаптации личности в мультикультурной среде.

Фактор развития информационно-коммуникативных технологий, популяризация формы дистанционного обучения обуславливает необходимость проведения исследований феномена социальной адаптации китайских студентов в поликультурной среде в условиях дистанционных технологий.

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод, что уровень социальной адаптации в поликультурной среде китайских студентов 1 курса на дистанционном обучении существенно возрос в сравнении с обучаемыми очно в предыдущие периоды. Это свидетельствует об эффективности разработки комплексных методических подходов к реализации дистанционного обучения, нацеленного на социальную адаптацию иностранных студентов в поликультурной среде.

Список литературы

- Аликберова 2014 — Аликберова А. Р. Российско-китайские отношения в сфере культуры и образования: 1990-е — 2000-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2014. 26 с.

- Добренкова 2007 — *Добренкова Е. В.* Социальная морфология образовательного дискурса: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2007. 49 с.
- Мельникова 2021 — *Мельникова Е.* Мы продолжаем активно работать [Электронный ресурс] // Российская газета. Спецвыпуск : Дыхание Китая. 2021. 28 сент. (№ 4-43). С. 8-9. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg-spec/2021/09/28/1.html> (дата обращения: 25.11.2021).
- Русанов 2009 — *Русанов Д. В.* Глобализация как триггер развития современного высшего образования: социологический аспект : дис. ... канд. социол. наук. Тамбов : Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2009. 164 с.
- Скотт 2000 — *Скотт П.* Глобализация и университет // *Alma mater*. 2000. № 4. С. 3-8.
- Смирнова 2016 — *Смирнова Л. Н.* Научно-образовательное сотрудничество — основа инновационной модели отношений России и Китая : аналитическая записка. М. : Российский совет по международным делам, 2016. № 3. 11 с. URL: <http://russiancouncil.ru/upload/Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf> (дата обращения: 25.10.2018).
- Суровов 1999 — *Суровов С. Б.* Политические системы и образовательная политика в современном мире. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 188 с.
- Сухова 2013 — *Сухова А. Н.* Социальная, академическая и культурная адаптация иностранных студентов : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород : Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2013. — 23 с.
- Тарабаева 2009 — *Тарабаева В. Б.* Управление конфликтами инновационного развития вузов : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Белгород : Белгород. гос. ун-т, 2009. 43 с.
- Торкунов 2012 — *Торкунов А. В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // *Вестник МГИМО университета*. 2012. № 4 (25). С. 85-93.
- Фен Юйцзюнь 2007 — *Фен Юйцзюнь.* Китайские государственные интересы в отношениях между Китаем и Россией // *Исследования по России*. 2007. № 2. С. 41-46.
- Фурсова 2006 — *Фурсова В. В.* Социология образования: зарубежные парадигмы и теории. Казань : Изд-во КГУ, 2006. 198 с.
- Чже Цонкапа 2015 — *Чже Цонкапа.* Сокращенное руководство к этапам пути Пробуждения (Средний Ламрим) / пер. с тиб. А. Кутявичуса ; науч. и общ. ред. А. Тереньева. М. : Фонд «Сохраним Тибет», 2015. 641 с.
- Arasaratnam 2015 — *Arasaratnam L. A.* Research in Intercultural Communication: Reviewing the Past Decade // *Journal of International and Intercultural Communication*. 2015. Vol. 8. Iss. 4. P. 290-310. DOI: 10.1080/17513057.2015.1087096.
- Forbush, Foucault-Welles 2016 — *Forbush E., Foucault-Welles B.* Social media use and adaptation among Chinese students beginning to study in the United States // *International Journal of Intercultural Relations*. 2016. Vol. 50. P. 1-12. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2015.10.007.
- Luo Man, Zhang Xiaofang 2021 — *Luo Man, Zhang Xiaofang.* Research Status about Influence Factors of International Students' Cross-Cultural Adaptation with Different Models // *Open Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 9. No. 6. P. 51-63. DOI: 10.4236/jss.2021.96006.
- Wu Guoguang 2007 — *China Turns to Multilateralism: Foreign Policy and Regional Security* / ed. by Guoguang Wu. London : Routledge, 2007. 320 p.
- Xiong Yiying, Zhou Yuchun 2018 — *Xiong Yiying, Zhou Yuchun.* Understanding East Asian graduate students' socio-cultural and psychological adjustment in a U.S. Midwestern University // *Journal of International Students*. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 769-794. DOI: 10.52674/jis.v8i2.103.
- Yu Baohua, Wright 2016 — *Yu Baohua, Wright E.* Socio-cultural adaptation, academic adaptation and satisfaction of international higher degree research students in Australia // *Tertiary Education and Management*. Vol. 22. Iss. 1. P. 49-64. DOI: 10.1080/13583883.2015.1127405.

References

- Alikberova, A. R. (2014), Rossiisko-kitaiskie otnosheniya v sfere kul'tury i obrazovaniya: 1990-e — 2000-e [Russian-Chinese relations in the sphere of culture and education: 1990s — 2000s], Abstract of Ph.D. dissertation, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 26 p. (in Russian).
- Arasaratnam, L. A. (2015), “Research in Intercultural Communication: Reviewing the Past Decade”, *Journal of International and Intercultural Communication*, vol. 8, iss. 4, pp. 290–310. DOI: 10.1080/17513057.2015.1087096.
- Dobren'kova, E. V. (2007), *Sotsial'naya morfologiya obrazovatel'nogo diskursa: teoretiko-metodologicheskii analiz* [Social morphology of educational discourse: theoretical and methodological analysis], Abstract of D. Sc. dissertation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, 49 p. (in Russian).
- Feng, Yu-jun (2007), “Chinese State Interests in the Relations between China and Russia”, *Studies in Russia*, no. 2, pp. 41–46 (in Russian).
- Forbush, E. and Foucault-Welles, B. (2016), “Social media use and adaptation among Chinese students beginning to study in the United States”, *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 50, pp. 1–12. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2015.10.007.
- Fursova, V. V. (2006), *Sotsiologiya obrazovaniya: zarubezhnye paradigmy i teorii* [Sociology of Education: Foreign Paradigms and Theories], Kazan State University, Kazan, 198 p. (in Russian).
- Je, Tsongkapa (2015), *Sokrashchennoe rukovodstvo k etapam puti Probuzhdeniya (Srednii Lamrim)* [The Abridged Guide to the Stages of the Way of Awakening (Middle Lamrim)], translated by Kutyavichus, A., “Sokhranim Tibet” Foundation, Moscow, 641 p. (in Russian).
- Luo, Man and Zhang, Xiaofang (2021), “Research Status about Influence Factors of International Students' Cross-Cultural Adaptation with Different Models”, *Open Journal of Social Sciences*, vol. 9, no. 6, pp. 51–63. DOI: 10.4236/jss.2021.96006.
- Melnikova, E. (2021), “We continue to work actively”, *Rossiyskaya Gazeta. Special issue, Breath of China*, no. 4–43, pp. 8–9, available at: <https://rg.ru/gazeta/rg-spec/2021/09/28/1.html> (accessed 25 November 2021) (in Russian).
- Rusanov, D. V. (2009), *Globalizatsiya kak trigger razvitiya sovremennogo vysshego obrazovaniya: sotsiologicheskii aspekt* [Globalization as a trigger for the development of modern higher education: a sociological aspect], Ph.D. Thesis, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, 164 p. (in Russian).
- Scott, P. (2000), “Globalization and University”, *Alma mater*, no. 4, p. 3–8 (in Russian).
- Smirnova, L. N. (2016), *Nauchno-obrazovatel'noe sotrudnichestvo — osnova innovatsionnoi modeli otnoshenii Rossii i Kitaya, analiticheskaya zapiska* [Scientific and educational cooperation is the basis of an innovative model of relations between Russia and China, analytical note], Russian International Affairs Council, Moscow, 11 p., available at: <http://russiancouncil.ru/upload/Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf> (accessed 25 October 2018) (in Russian).
- Sukhova, A. N. (2013), *Sotsial'naya, akademicheskaya i kul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov* [Social, academic and cultural adaptation of foreign students], Abstract of Ph.D. dissertation, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, 23 p. (in Russian).
- Surovov, S. B. (1999), *Politicheskie sistemy i obrazovatel'naya politika v sovremennom mire* [Political systems and educational policy in the modern world], Saratov University, Saratov, 188 p. (in Russian).
- Tarabaeva, V. B. (2009), *Upravlenie konfliktami innovatsionnogo razvitiya vuzov* [Management of conflicts of innovative development of universities], Abstract of D. Sc. Dissertation, Belgorod State University, Belgorod, 43 p. (in Russian).
- Torkunov, A. V. (2012), “Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (25), pp. 85–93 (in Russian).

- Wu, Guoguang (ed.) (2007), *China Turns to Multilateralism: Foreign Policy and Regional Security*, Routledge, London, 320 p.
- Xiong, Yiying and Zhou, Yuchun (2018), "Understanding East Asian graduate students' socio-cultural and psychological adjustment in a U.S. Midwestern University", *Journal of International Students*, vol. 8, no. 2, pp. 769–794. DOI: 10.32674/jis.v8i2.103.
- Yu, Baohua and Wright, E. (2016), "Socio-cultural adaptation, academic adaptation and satisfaction of international higher degree research students in Australia", *Tertiary Education and Management*, vol. 22, iss. 1, pp. 49–64. DOI: 10.1080/13583883.2015.1127405.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 27.04.2022

Принята к публикации / Accepted: 11.07.2022

Информация об авторе

Беляева Екатерина Александровна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: Ekaterina.podergina@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-0499-1222

Information about author

Belyaeva, Ekaterina Alexandrovna
Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: Ekaterina.podergina@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-0499-1222

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЛАНЕТЫ: ЛЮДИ, СТРАНЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.15826/koinon.2022.03.2.026
УДК 327.7

КУРС НА ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН КАК НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Г. В. Еремичева

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия

Г. А. Меньшикова

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Курс ООН на достижение целей устойчивого развития (ЦУР) важен не только как глобальная трансформация общественных ценностей, но и как новая политическая управленческая технология. Отмечается, что страны мира отличаются разным уровнем экономического развития, сложившимися традициями и нормами поведения. Возникают трудности в поиске оптимальных вариантов такого устойчивого развития, которое позволит существенно снизить социальное неравенство между странами мира. Возрастает актуальность создания управленческих технологий, ориентированных на согласованные действия всех стран мира для достижения целей устойчивого развития. Глобальной целью должен стать такой рост экономики, который одновременно обеспечивает удовлетворение разумных потребностей людей, но при этом не нарушает природного равновесия. Выделяют два предмета исследования. Первое — развитие управленческой рамки регулирования процессом ЦУР (выделение трех этапов). Раскрывается их содержание

и достигнутые результаты. Второе — выявление и оценка эффективности методов *soft technologies*, как основы современного этапа реализации целей устойчивого развития. Методология исследования — *evidence-based approach*, основу которого составляют анализ сайта ООН «Цели устойчивого развития», изучение рекомендаций по применению показателей их достижения, а также российские официальные и научные публикации. Представлены результаты исследования — конкретные формы регулирования ЦУР как проявления *soft technologies*, обоснование их преимуществ и недостатков. Подчеркивается необходимость повышения роли общественности и независимых экспертов в обсуждении, критическом анализе достигнутых результатов, разработки и реализации новых планов обеспечения устойчивого развития всего человечества.

Ключевые слова: развитие технологий политического регулирования, *soft technologies*, методы регулирования.

Для цитирования: *Еремичева Г. В., Меньшикова Г. А.* Курс на цели устойчивого развития ООН как новая технология глобального политического управления // *Koinon*. 2022. Т. 3. № 2. С. 227–239. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.026

THE UN SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS COURSE AS A NEW TECHNOLOGY FOR GLOBAL POLITICAL GOVERNANCE

G. V. Eremicheva

Sociological Institute of the FCTAS of the RAS
Saint Petersburg, Russia

G. A. Menshikova

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The UN course towards achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) is important not only as a global transformation of social values, but also as a new political technology of Governance. The countries of the world differ in their levels of economic development, established traditions and norms of behavior. There are difficulties in finding optimal options for such sustainable development, which will significantly reduce social inequality between the countries of the world. The urgency of creating management technologies focused on coordinated actions of all countries of the world to achieve sustainable development goals is increasing. The global goal should be such economic growth that simultaneously ensures the satisfaction of reasonable needs of people without, disturbing the natural equilibrium. There are two subjects of research. The first is the development

of the management framework for the regulation of the SDGs process (allocation of three stages). The authors indicate their content and the achieved results. The second is the detection and evaluation of the effectiveness of soft technologies methods as the basis of the current stage. The research methodology is an evidence-based approach, which is founded on the analysis of the UN website “Sustainable Development Goals”, the study of recommendations for the use of indicators, as well as Russian official and scientific publications. The result of the study are the identification of specific forms of regulation of the SDGs as manifestations of soft technologies, the rationale for their advantages and disadvantages. The authors also emphasize the need to increase the role of the public and independent experts in the discussion, critical analysis of the results achieved, the development and implementation of new plans to ensure the sustainable development of all mankind.

Key words: development of political regulation technologies, soft technologies, methods of Governance.

For citation: Eremicheva, G. V. and Menshikova, G. A. (2022), “The UN Sustainable Development Goals Course as a New Technology for Global Political Governance”, *Koinon*, vol. 3, no. 2, pp. 227–239 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.2.026

Постановка проблемы

Курс на цели устойчивого развития (ЦУР) интересен не только как поле для оценивания успехов/неудач стран по пути трансформации глобальных ценностей, но и как использование новой управленческой технология. XX век положил начало сознательному и массовому конструированию политических процессов как внутри, так и в глобальном масштабе. При этом в отличие от реформ, которые проводятся странами постоянно и строятся, как правило, на централизованных и жестких технологиях воздействия, курс на достижение ЦУР предполагают применение soft technologies [Данилов-Данильян, Пискулова 2015].

Нельзя не признать, что реализация целей устойчивого развития сталкивается с огромными трудностями. Страны мира имеют различные уровни экономического развития, используя сложившиеся традиции и нормы поведения (институциональные матрицы). Их лидеры ставят перед собой разные управленческие задачи. Цели ЦУР в разной мере актуальны для той или иной страны, соответственно, неодинаково воспринимаются политиками, общественностью. К тому же огромные массы населения не в равной мере вовлечены в политические проблемы и участвуют в управлении страной. Все названное предопределяет сложности ООН, с которыми организация сталкивается, реализуя необходимость направлять деятельность разных государств для решения проблем, стоящих перед всем человечеством. Цель данной статьи

оценить успехи/неудачи курса на устойчивое развитие разных стран мира как новой глобальной управленческой технологии.

Анализ управленческих особенностей реализации курса ООН «ЦУР» предполагает выделение двух трендов. Первый — ориентация на решение конкретных задач и повышение ответственности за их выполнение разными странами. Второй — обоснование и выявление форм проявления soft technologies применительно к его современному этапу «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030» («Повестка — 2030»).

Внедрение принципов устойчивого развития человечества как отражение поиска эффективных управленческих механизмов

Следует отметить, что уже в 1960–1970-е годы члены Римского клуба [The limits to growth 1972] выявили проблему поиска оптимального уровня экономического развития, сформулировав так называемые пределы роста, за которыми развитие общества противостоит экологическому равновесию. Представление о целях развития, связав их с особенностью формирования общества на разных этапах, углубил G. Pieterse [Pieterse 2001]. Он выделил целевые общественные установки на прогрессивное развитие на протяжении нескольких веков. Создание средств для достижения прогресса осуществлялось до 1800-х годов; формирование условий проведения индустриализации происходило во второй половине XIX века и обеспечение экономического роста вплоть до первой половины XX века. Необходимость политической и социальной модернизации возникла во второй половине XX века, обеспечивая процветание и благополучие в 1970-е годы. Рост возможностей выбора национального курса реализовался в 1980-е годы в виде структурных реформ, дерегулирования или приватизации (1990-е), а также в форме осознанного (общественного или авторитарного) конструирования, которое привело к структурным и институциональным реформам в начале XXI века. Эта модель позволяет осмыслить динамику эволюции форм глобального управления, выделяя роль разных технологий управления прогрессом.

Группа основоположников Римского клуба — Д. Медоуз и др., — сделав соответствующие расчеты, стала доказывать необходимость снижения темпов роста экономики, народонаселения, сформулировав теорию «Пределы роста» [The limits to growth 1972]. Были заложены основы для развития теории устойчивого развития разных стран путем объединения их усилий в решении данной задачи. В докладе, сделанном М. Мессеровичем и Э. Пестелем «Человечество на перепутье», доказывалась необходимость активных действий стран с целью сознательного управления процессами, происходящими в мире [Mesarovic, Pestel 1974]. В докладе «Обновление международного экономического

порядка» (1976), подготовленном лауреатом Нобелевской премии по экономике Яном Тинбергеном, намечались конкретные предложения по трансформации системы глобального управления [Тинберген 1980]

Членами Римского клуба была разработана концепция «Устойчивое развитие», предполагающая переориентацию политики государств на регулирование социально-экономических процессов. Новой глобальной целью должен был стать рост экономики, который одновременно обеспечивал бы удовлетворение разумных потребностей людей и не нарушал природного равновесия. Концепция была доработана комиссией ООН по окружающей среде и развитию под руководством Гру Брудтланд в 1983 году. Термин «устойчивость» впервые был использован в официальных документах международной организации [Наше общее будущее 1989].

В реализации курса на устойчивость выделяются три этапа, существенно различающиеся по методам глобального руководства. На первом этапе активность сводилась к обсуждению необходимости нового подхода и массовым призывам к странам-членам организации. Так, проведенная в 1972 году в Стокгольме конференция ООН по окружающей среде и создание соответствующей программы ознаменовали включение международного сообщества в решение экологических проблем на государственном уровне. Цели их осуществления конкретизировались в три основных направления — экономическое, социальное и экологическое, но конкретные механизмы реализации не были разработаны. Все сводилось к публикации деклараций, созданию комиссий, пропаганде идей.

Положительным достижением этого этапа можно считать успешное отстаивание основных идей и подходов к их реализации, несмотря на обильную критику. Экспертами отмечался утопизм основной идеи [Ширяев 2007], отсутствие должной обоснованности для достижения плановых показателей [Moyer, Hedden 2020; OECD 2019], обвинение в коррупции, так как бесконтрольно использовались крупные финансовые средства [France, Duri 2020]. Однако на этом этапе реализации концепции «Устойчивое развитие» удалось распространить информацию об ограниченности природных ресурсов и загрязнения природной среды; были созданы международные организации по изучению глобальных процессов на Земле, такие как Международная федерация институтов перспективных исследований (ИФИАС), Международный институт системного анализа, а в СССР — Всесоюзный институт системных исследований.

Началом реального утверждения курса на устойчивое развитие стал второй этап, когда были четко сформулированы Восемь целей развития тысячелетия (ЦРТ) (2000–2015). Их признали сначала 169 государств-членов ООН, а затем еще 193, а также 23 международные организации. Важно, что были названы конкретные цели: ликвидация голода, нищеты и др. Большая

часть их не была выполнена, но положительные результаты были: вывод 1 млрд человек из состояния крайней нищеты; снижение детской смертности вдвое по сравнению с 1990 годом, уменьшение вдвое количества детей, не окончивших в школу; снижение распространения СПИДа на 40 % по сравнению с 2000 годом. Руководители ООН честно признались в недостижении всех целей [ООН 2015], назвав основными причинами недостаток опыта и завышенные планы. После обсуждения результатов было решено продолжить курс на реализацию концепции, сформулировав два основных руководящих органа из лидеров государств и экспертов ООН.

Третий этап начался в 2015 году и воплотился в принятии резолюции Генассамблеей ООН в итоговом документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В нем предлагалось всем странам мира продолжить линию на изменение траекторий своего развития. Члены ООН пролонгировали свое участие в реализации курса на устойчивый прогресс во всех сферах развития человечества, выразив готовность официально отчитываться в своих действиях. В основу составления отчета положен формат сопоставления плана и достигнутых результатов по единым для всех показателям (сначала по 169-ти, потом по 234-м). Количество добровольных обзоров (ДНО) не оговаривалось, но вводился лимит — не менее двух до 2030 года. В целом на третьем этапе были конкретизированы направления ЦУР, зафиксирован механизм контроля, утвержден перечень показателей и форма отчета — сочетание ДНО и сбора информации экспертами ООН, утвержден главный руководящий орган — Высший политический форум.

Накопив определенный опыт взаимодействия с разными странами в ходе предыдущих этапов реализации ЦУР, учтя разнообразие экономических укладов в странах мира, различие в их отношении к курсу на устойчивое развитие, за основу взаимодействия были взяты *soft technologies*. Это позволило, с одной стороны, регулировать процесс, предлагая определенные рамки, а с другой — делать это достаточно мягко, дав странам возможность воплотить свое к нему отношение, исходя из национальных особенностей.

Прежде всего был утвержден Форум высшего политического руководства (UN High-level Political Forum on Sustainable Development, или HLPF), включающий три уровня: руководители/представители национальных правительств, эксперты комитетов ООН и региональных филиалов, широкая общественность. Члены форума собираются раз в год в июле в Нью-Йорке для решения общих проблем. Руководители стран представляют свои «Национальные добровольные обзоры» (ДНО), обсуждают проблемы ЦУР по заранее оговоренным целям, формулируются проекты коммюнике по итогам года (табл. 1). На каждом четвертом форуме обязаны присутствовать лидеры государства.

Таблица 1. Документы, отражающие направления активности форумов¹
Table 1. Documents reflecting the areas of activity of the Forums

Год	Принятый документ	Общий итог
24.10.2013	«Проект глобального отчета об устойчивом развитии» «Создание общего будущего, которое мы хотим»	Подвели итог 2-му этапу и приняли декларации о намерениях по подготовке нового курса
2014	Отчет о первой встрече руководителей государств в рамках их готовности к участию в новом курсе	Присутствовали руководители/ представители 108 стран-членов ООН. Обсудили трудности в ходе реализации задач 2-го этапа
2015	«Укрепление интеграции, внедрения и обзора — HLPF после 2015 г.»	Обсудили процедуру координации усилий в ходе реализации нового курса. Под руководством ECOSOC были сформированы его департаменты — исполнительные органы
2016	Первый сбор участников в рамках нового курса. Заслушаны 22 первых ДНО, приняты 2 декларации — форума национальных руководителей и комитетов ООН. Открыта регистрация для других заинтересованных сторон	
2017	«Искоренение нищеты и содействие процветанию в меняющемся мире»	Актуализировались проблемы достижения целей 1–3, 4, 9 и 14
2018	«Преобразование в направлении устойчивого и жизнестойкого общества»	Основные обсуждаемые цели: 6, 7, 11, 12, 15 и 17
2019	«Расширение прав и возможностей людей, обеспечение равенства и преодоления инклюзивности»	Обсудили итоги по целям 4, 8, 10, 13, 16
2020	«Ускоренные действия и пути преобразований: реализация десятилетия действий и обеспечение устойчивого развития» (при параллельном обсуждении проблем пандемии)	
2021	Устойчивое восстановление после пандемии COVID-19, способствующее экономическим, социальным и экологическим аспектам устойчивого развития; создание всеобъемлющего и эффективного пути для достижения повестки дня на период до 2030 года	

Данные отражают, во-первых, быстроту перехода от второго этапа к третьему, а главное, с учетом неудовлетворенности достигнутыми результатами (прогресс в преодолении нищеты и бедствий не был достигнут в запланированном объеме), предложены необходимые преобразования в механизме управления действиями стран; во-вторых, зафиксированы основные темы форумов, согласованные их с ЦУР.

¹ Источник: [HLPF 2014; HLPF 2021].

В табл. 2 представлены количественные характеристики, обобщающие ситуацию на форумах.

Таблица 2. Количественные характеристики, оценивающие ситуацию на HLPF²
Table 2. Quantitative characteristics that assess the situation on HLPF

Показатели участия	2017	2018	2019	2020	2021
ДНО	43	46	47	47	42
Официальные лица (министры, депутаты парламентов и др.)	77	125	125	137	10/160
Стейкхолдеры (организованная общественность)	2458	>2000	>2000	1123	—
Составление общих обзоров	7	6	6	—	9
Встречи (meetings)	36	25	33	18	24
Общие мероприятия (Events)	143	260	156	194	276
Закрытые мероприятия (Special events)	3	8	8	9	10
Количество докладчиков (General debate speakers)	167	158	130	134 125	180 75
Семинары и workshop (VNR labs)	10	8	17	17	17

Приведенные данные интересны не столько динамикой, сколько фиксацией масштаба событий, соотношением между присутствующими официальными руководителями и стейкхолдерами. Нарастание роли политических руководителей при снижении представителей общественности — знаковые отличия в системе работы форумов.

Вторая технология контроля в рамках *soft technologies* — использование практики «добровольных обзоров» (ДНО): частоту их представления, отбор информации для них, право выбора официального лица, его представляющего. Так, одни страны представляют их часто; другие — еще ни разу. Одни делают это самостоятельно, другим помогают приглашенные эксперты. Понятно, что обзоры отличаются по содержанию. У одних показатели успехов перемежаются с проблемами, что объясняется не только привычкой к внутреннему социальному контролю, но и возможностью получения дополнительных инвестиций на преодоление проблем. У других, к ним относят Россию, имеет место излишнее позитивное изложение, не отражающее глубинных проблем. К этому выводу пришли канадские аналитики [Рахимова 2021]. Часто обзор представляют руководители государства или первые заместители, так, например, РФ представила один отчет, который сделал министр экономического развития.

² Источник: [HLPF 2017; HLPF 2021].

Количество представленных «добровольных обзоров» нельзя рассматривать как показатель активности той или иной страны. Прежде всего ООН регламентирует ежегодное их количество — 50, причем заявку надо подавать заранее. Если она подана, но 50 стран-претендентов набраны, предлагается перенести обзор на следующий год.

Исходя из того, что всего государств, подписавших Декларацию ООН, 193, за последние семь лет 24 страны (12,5 %), включая США, пока не представили ни одного обзора, 91 страна (48 %) представили один доклад, 80 (41,4 %) — два, 16 стран (8,2 %) — три, а две страны — четыре [Voluntary National Reviews 2022].

Третьим проявлением soft technologies — соотношением между рекомендованными и добавленными показателями в ежегодной отчетности, которую имеют комитеты статистики стран на своих сайтах и на сайте ООН. Так, анализируя показатели Российской Федерации по тематике управления, представленные в Excel-таблице ООН [Система глобальных показателей 2018] и отчетные [Национальный набор показателей 2021], нами выявлено следующее: 17 показателей являются сквозными, т. е. присутствуют в обеих таблицах, 40 показателей, предложены в основном и дополненном — «Data for now» (актуальные данные) — перечне по ЦУР ООН, но отсутствуют в российской статистике, а 19 — применяются только в российской статистике. Такая свобода соотношения добавленных индексов с рекомендованными (1:2) допустима на начальном этапе реализации курса на устойчивое развитие, но в дальнейшем потребуется увеличить показатели по внедрению ЦУР, предложенные всем странам.

Не всегда удается определить, каким цифрами оперирует ООН при составлении сводных отчетов и как соотносятся данные в обзорах с информацией, полученной экспертами. Так, позитивный внешне обзор РФ не соответствует 46 месту (73,8 балла) страны по индексу ЦУР [Sustainable Development Report 2021, p. 22]. Правда, сдав обзор, Россия поднялась с 63-го места, занимаемого ею в 2019 году. Эксперты Transparency International называют десять стран лидеров по степени выполнения основных показателей: Финляндия (85,9 %), Швеция (85,6 %), Дания (84,9 %), Бельгия (82,2 %), Австрия (82,1 %), Норвегия (82 %), Франция (81,7 %), Словения и Эстония (81,6 %). Примечательны позиции стран — экономических лидеров с точки зрения внедрения ими ЦУР: Великобритания (17 место), Япония (18), Канада (21), США (32), Китай (57).

Заключение

Управление процессом имплементации курса ЦУР — сложная, постоянно развивающаяся система, которая заслуживает самостоятельного и пристального изучения, поскольку она формирует технологии глобального управления будущим обществом. Нами выявлены две базовые основы их использования.

Первая: ООН как регулирующая организация не только руководит процессом, но и поддерживает его, смягчая многообразные, постоянно возникающие конфликты. Бесспорно, общественность и ряд руководителей ряда стран озабочены тем, что огромные инвестиции в решение актуальных проблем социально-экономического развития мира, в улучшение экологической ситуации не всегда приносят должную отдачу. ООН вынужден маневрировать, сведя методы воздействия к мягким технологиям. Вторая основа: общественность, независимые эксперты, ученые. Они могут и должны оценивать ситуацию с обеспечением устойчивого развития объективно и критично.

Признавая необходимость доминирования мягких способов воздействия на политику разных стран, нельзя не видеть их последствий: многие правительства пренебрегают решениями ООН, не используя весь арсенал возможных методов для их реализации. Если в первых политических форумах (2015-й и 2016-й годы) участвовали лидеры государств, то сейчас они этого не делают. Ни одна страна не выполняет полностью взятые на себя обязательства по финансированию механизмов сохранения природной среды, снижения бедности и нищеты во многих странах мира.

Обзоры многих стран по достижению показателей устойчивого развития носят формальный характер. Имея возможность самостоятельно отбирать часть показателей, они оставляют из рекомендованных те, которые представляют процесс положительным, дополняют их собственными, подкорректированными. Думается, что такая практика предопределяет слабую сторону soft technologies. Выход из этой ситуации, на наш взгляд, заключается в повышении роли общественности и независимых экспертов в обсуждении и реализации планов обеспечения устойчивого развития всего человечества. Неслучайно, на Высших политических форумах ЦУР всемерно поддерживается активность общественности. Думается, что в будущем именно она должна взять на себя функции по ужесточению контроля за реализацией Концепции устойчивого развития в разных формах: через критику, открытые обсуждения активности правительства внутри стран, экспертный анализ финансовых потоков и оценки эффективности инвестиций [Miola, Schiltz 2019].

Пандемия, а затем политика ряда государств по введению санкций в 2022 году, направленных на ухудшение экономического положения России, привела к нарушению устойчивого развития не только нашей страны, но и других стран мира. Хочется верить, что в будущем задачи ЦУР будут решаться на основе учета интересов разных стран в обеспечении своей политической, экономической, культурной самостоятельности и независимости, создания условий для улучшения жизни населения разных стран в многополярном мире.

Список литературы

- Данилов-Данильян, Пискулова 2015 — Данилов-Данильян В. И., Пискулова Н. А. Устойчивое развитие: новые вызовы. М. : Аспект-пресс, 2015. 336 с.
- Национальный набор показателей 2021 — Национальный набор показателей ЦУР [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national/> (дата обращения: 07.01.2022).
- Наше общее будущее 1989 — Наше общее будущее : доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) : пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета ; предисл. Г. Харлем Брундтланд. М. : Прогресс, 1989. 371 с.
- ООН 2015 — Цели развития тысячелетия : доклад за 2015 год [Электронный ресурс]. Нью-Йорк : ООН, 2015. 72 с. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).
- Рахимова 2021 — Рахимова Н. Что скрыла Россия, отчитываясь в ООН [Электронный ресурс] // Плюс Один : сайт. 28.04.2021. URL: <https://plus-one.ru/society/2021/04/28/chto-skryla-rossiya-otchityvayas-v-oon?ysclid=kzf8f5egks> (дата обращения: 12.02.2022).
- Система глобальных показателей 2018 — Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, 2018. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf (дата обращения: 12.02.2022).
- Тинберген 1980 — Тинберген Я. Пересмотр международного экономического порядка [3-й доклад Римскому клубу] : пер. с англ. М. : Прогресс, 1980. 416 с.
- Ширяев 2007 — Ширяев А. Е. Утопизм концепции устойчивого развития // Омский научный вестник. 2007. № 5. С. 85–88.
- France, Duri 2020 — France G., Duri J. Grand Corruption and the SDGs [Electronic resource]. Berlin : Transparency International, 2020. URL: https://knowledgehub.transparency.org/assets/uploads/kproducts/Grand-Corruption-and-the-SDGs_Brazil_FINAL.pdf (access date: 15.03.2022).
- HLPF 2014 — High-Level Political Forum 2014. 30 Jun 2014 — 9 Jul 2014, New York [Electronic resource] // Sustainable Development Goals : knowledge platform. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf/2014> (access date: 15.03.2022).
- HLPF 2017 — High-Level Political Forum 2017 [Electronic resource] // Sustainable Development Goals : knowledge platform. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf/2017> (access date: 15.03.2022).
- HLPF 2021 — High-Level Political Forum 2021 under the AUSPICES of ECOSOC [Electronic resource] // Sustainable Development Goals : knowledge platform. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf/2021> (access date: 15.03.2022).
- Mesarovic, Pestel 1974 — Mesarovic M. D., Pestel E. Mankind at the Turning Point : the second report to the Club of Rome. New York : New American Library, 1974. 210 p.
- Miola, Schiltz 2019 — Miola A., Schiltz F. Measuring sustainable development goals performance: How to monitor policy action in the 2030 Agenda implementation // Ecological economics. 2019. Vol. 164. P. 106373. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2019.106373.
- Moyer, Hedden 2020 — Moyer J. D., Hedden S. Are we on the right path to achieve the sustainable development goals? // World Development. 2020. Vol. 127. P. 104749. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104749.
- OECD 2019 — Measuring Distance to the SDG Targets 2019. An Assessment of Where OECD Countries Stand [Electronic resource] // OECD. 20.05.2019. URL: <https://www.oecd.org/publications/measuring-distance-to-the-sdg-targets-2019-a8caf3fa-en.htm> (access date: 12.03.2022).
- Pieterse 2001 — Pieterse G. Development theory: deconstructions/reconstructions. London : SAGE, 2001. 195 p.

- Sustainable Development Report 2021 — Sustainable Development Report 2021. The Decade of Action for the Sustainable Development Goals [Electronic resource] // Sustainable Development Report. 14.06.2021. URL: <https://www.sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2021/> (access date: 12.03.2022).
- The limits to growth 1972 — The limits to growth: A Report for the club of Rome' Project on the Predicament of Mankind / D. H. Meadows, D. L. Meadows, J. B. Randers, W. W. Behrens III. New York : Universe Book, 1972. 211 p.
- Voluntary National Reviews 2022 — Voluntary National Reviews // Sustainable Development : knowledge platform. 2022. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/vnrs/> (access date: 12.03.2022).

References

- Danilov-Danil'yan, V. I. and Piskulova, N. A. (2015), *Ustoichivoe razvitie: novye vyzovy* [Sustainable development: new challenges], Aspekt-press, Moscow, 336 p. (in Russian).
- Evtsev, S. A. and Perelet, R. A. (eds) (1989), *Nashe obshchee budushchee, doklad mezhdunarodnoi komissii po okruzhayushchei srede i razvitiyu (MKOSR)* [Our Common Future: Report of the International Commission on Environment and Development (ICED)], translated by Progress Publishing House, Progress, Moscow, 371 p. (in Russian).
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki (2021), *National set of SDG indicators*, available at: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national/> (accessed 07 January 2022).
- France, G. and Duri, J. (2020), *Grand Corruption and the SDGs*, Transparency International, Berlin, available at: https://knowledgehub.transparency.org/assets/uploads/kproducts/Grand-Corruption-and-the-SDGs_Brazil_FINAL.pdf (accessed 15 March 2022).
- “High-Level Political Forum 2014. 30 Jun 2014 — 9 Jul 2014, New York” (2014), *Sustainable Development Goals*, available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf/2014> (accessed 15 March 2022).
- “High-Level Political Forum 2017” (2017), *Sustainable Development Goals*, available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf/2017> (accessed 15 March 2022).
- “High-Level Political Forum 2021 under the AUSPICES of ECOSOC” (2021), *Sustainable Development Goals*, available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf/2021> (accessed 15 March 2022).
- Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J. B. and Behrens III, W. W. (1972), *The limits to growth, A Report for the club of Rome' Project on the Predicament of Mankind*, Universe Book, New York, 211 p.
- Mesarovic, M. D. and Pestel, E. (1974), *Mankind at the Turning Point, the second report to the Club of Rome*, New American Library, New York, 210 p.
- Miola, A. and Schiltz, F. (2019), “Measuring Sustainable Development Goals Performance: How to monitor policy action in the 2030 agenda implementation”, *Ecological economics*, vol. 164, p. 106373. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2019.106373.
- Moyer, J. D. and Hedden, S. (2020), “Are we on the right path to achieve the sustainable development goals?”, *World Development*, vol. 127, p. 104749. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104749.
- OECD (2019), *Measuring Distance to the SDG Targets 2019. An Assessment of Where OECD Countries Stand*, 20 May, available at: https://www.oecd.org/publications/measuring-distance-to-the-sdg-targets-2019-a8caf3fa_en.htm (accessed 12 March 2022).
- Pieterse, G. (2001), *Development theory: deconstructions/reconstructions*, SAGE, London, 195 p.
- Rakhimova, N. (2021), “What Russia hid when reporting to the UN”, *Plus-One*, 28 April, available at: <https://plus-one.ru/society/2021/04/28/chto-skryla-rossiya-otchityvayas-v-oon?ysclid=kzf8f5egks> (accessed 12 February 2022) (in Russian).
- Shiryayev, A. E. (2007), “Utopian in the Theory of Stable Development”, *Omsk Scientific Bulletin*, no. 5, pp. 83–87 (in Russian).
- “Sustainable Development Report 2021. The Decade of Action for the Sustainable Development Goals” (2021), *Sustainable Development Report*, 14 June, available at: <https://www.sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2021/> (accessed 12 March 2022).

- Tinbergen, J. (1980), *Peresmotr mezhdunarodnogo ekonomicheskogo poryadka (3 doklad Rimskomu klubu)* [Revision of the international economic order (3rd report to the Club of Rome)], translated by Progress Publishing House, Progress, Moscow, 416 p. (in Russian).
- United Nations (2015), *Tseli razvitiya tysyacheletiya, doklad za 2015 god* [Millennium Development Goals 2015 Report], available at: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (accessed 15 March 2022) (in Russian).
- United Nations (2018), *Sistema global'nykh pokazatelei dostizheniya tselei v oblasti ustoichivogo razvitiya i vypolneniya zadach Povestki dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 goda* [The system of global indicators for achieving the Sustainable Development Goals and meeting the objectives of the 2030 Agenda for Sustainable Development], available at: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf (accessed 12 February 2022) (in Russian).
- “Voluntary National Reviews” (2022), *Sustainable Development*, available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/vnrs/> (accessed 12 March 2022).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 22.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 11.07.2022

Информация об авторах

Еремичева Галина Васильевна
кандидат философских наук, старший
научный сотрудник
Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН
190005, Россия, Санкт-Петербург, ул.
7-я Красноармейская, 25/14
E-mail: g.ermicheva@socinst.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-2769-8643

Information about the authors

Eremicheva, Galina Vasilievna
Cand. Sci. (Philosophy),
Leading Researcher
Sociological Institute of the FCTAS
of the RAS
25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya St.,
St.-Petersburg, 190005 Russia
E-mail: g.ermicheva@socinst.ru
Author's ORCID: 0000-0002-2769-8643

Меньшикова Галина Александровна
кандидат экономических наук,
доцент
Санкт-Петербургский государственный
университет
191124, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд
E-mail: Menshikova.g.a@mail.ru

Menshikova, Galina Alexandrovna
Cand. Sci. (Economy), Associate Professor
St.-Petersburg State University
1/3, 9th entrance Smolny St., St.-
Petersburg, 191124 Russia
E-mail: Menshikova.g.a@mail.ru

Научное издание

KOINON

2022. Т. 3. № 2

Редакторы	<i>И. М. Харитонова</i>
	<i>А. В. Соловьева</i>
Редактор перевода	<i>Н. Н. Шабалова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020

Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 15.09.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 19,5. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 191.

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.

620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>